БОЛЬШЕВИКИ
в борьбе
ЗА ОКТЯБРЬ

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕН372
Б698

БОЛЬШЕВИКИ В БОРЬБЕ ЗА ОКТЯБРЬ

EH372
Б698

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СТАРЫЙ БОЛЬШЕВИК
МОСКВА • 1932

X
EH372
Б698

БОЛЬШЕВИКИ В БОРЬБЕ ЗА ОКТЯБРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СТАРЫЙ БОЛЬШЕВИК
МОСКВА
1933

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2009

Ответств. ред. — Е. Васильева
Техн. редакт. — А. Кудряшов
Печатн. листов 12½.
Сдано в произв. 29 VII 1932 г.
Подписано к печ. — 29/XI 1932 г.
Тираж 5.300 Форм. бум. 62×94
Количество печатных знаков в бум. листе — 75.000.
Уполномоч. Главл. В — 26596
2-я типогр. изд-ва ЦК ВКП(б) „Правда".
Москва, Сущевский вал, 49

Заказ тип. № 2287.

ЕМ372
Б698

БИБЛИОТЕКА
при ЦК ВКПб

834260

С Ф
Б38

1931
85006
31

ПРЕДИСЛОВИЕ

Выпуская сборник к 15-летию Октябрьской революции издательство «Старый большевик» не пытается дать что-либо новое, неизвестное, так как за 15 лет писалось уже много об октябрьских боях.

Редакция не собиралась дать цельную картину октябрьских событий. Мы воспроизвели отдельные эпизоды и детали исторических событий по воспоминаниям старых большевиков, непосредственных участников борьбы за Октябрь, например, события на Дальнем Востоке, гражданскую войну в Латвии, октябрьские дни в Донбассе и т. д.

К сожалению, нам не удалось использовать воспоминаний донбасских рабочих и группы уральцев и украинцев из-за позднего предоставления их в редакцию. В дальнейшем этот материал будет разработан и использован в следующих сборниках.

Часть сборника составлена из материалов, взятых из исторических журналов «Пролетарская революция», «Красная летопись»; таковы статьи тт. Петровского, Бубнова, Ветошкина и Самойлова. Для нашего издания статьи эти были проверены и значительно дополнены авторами. Но первая часть сборника не лишена и оригинального материала: например, в сборнике даются статьи о вооружении рабочего класса перед Октябрем и в процессе гражданской войны. Борьба за оружие дана в двух статьях старых рабочих-большевиков—тов. Тараева о Южном Урале и тов. Серегина, одного из участников обороны Царицына (Сталинграда).

Борьбе с интервенцией мы посвящаем вторую часть нашего сборника. В ней мы также отмечаем лишь отдельные эпизоды, не давая общей исторической картины интервенции. В эту часть входят моменты: интервенция на Севере, борьба с чехо-словаками, интервенция и грузинские меньшевики; наконец, особо стоит материал о борьбе с немецкими оккупантами в Латвии.

Мы должны предупредить читателя, что некоторые наши авторы — рядовые бойцы, впервые взявшиеся за изложение исторических событий, но и их личные воспоминания подкреплены историческими документами.

Ем. ЯРОСЛАВСКИЙ

ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(Из доклада в Обществе старых большевиков)

Товарищи! Пятнадцатилетие октябрьской годовщины, пятнадцатилетие Октябрьской пролетарской революции представляет собой дату величайшего исторического значения.

Впервые в истории человечества пролетариат, организованный в коммунистическую партию, руководя широкими крестьянскими и солдатскими массами, взял власть в свои руки, вырвав ее из рук помещичьей и капиталистической буржуазии, уничтожил на пространстве одной шестой части земного шара капиталистический строй, организовал впервые в истории человечества социалистическое общество.

Целые поколения революционеров мечтали о социалистической революции, о переустройстве человеческого общества, о коренном его преобразовании. Правда, они вкладывали иное содержание в понятие «социалистическая революция» и иными представляли себе пути, силы и средства преобразования общества. Утописты думали, что для этого достаточно одного только чувства справедливости, одного убеждения в том, что надо создать лучшее и более совершенное общество. Они думали, что можно убедить в этой необходимости даже те классы, которые заинтересованы в существовании эксплоатации и классового гнета. Им казалось, что можно примирить интересы различных классов в гармоническом построении той или иной придуманной ими утопии.

Только классовая борьба нашего времени, когда рабочий класс выступил как самостоятельная сила, когда коммунисты могли опереться на самый угнетенный и самый революционный класс в нашем обществе — пролетариат, только с этого момента возможно было перейти к правильной марксистской постановке вопроса о социалистической революции, как о революции, в которой заинтересованы многомиллионные массы и для которой развитие капитализма подготовило целый ряд объективных условий. Но для того, чтобы пролетариат нашей страны, одной из самых отсталых стран, гораздо позднее вступившей на путь капиталистического развития, чем целый ряд других стран Евро-

пы, для того, чтобы пролетариат этой страны смог сыграть такую историческую роль, какую он выполнил, потребовался целый ряд особых исторических условий.

В нашей стране пролетариату выпало на долю свершить и завершить буржуазно-демократическую революцию, которая в ряде других стран шла под руководством буржуазии. Уже к революции 1905 года российская буржуазия оказалась в большинстве своем контрреволюционной, а другая ее часть, либеральная буржуазия, готовой к соглашению с царизмом, готовой к тому, чтобы скорее подавлять революционное движение рабочего класса, чем дать восторжествовать этому движению. Буржуазно-демократическая революция перерастала в социалистическую, она была ступенькой, порогом, п р о л о г о м социалистической революции, и только пролетариат являлся тем классом, который не останавливался у этого порога, заинтересованный в том, чтобы ее н е м е д л е н н о перевести на рельсы революции социалистической. И надо было организовать пролетариат в такую силу, чтобы он был способен руководить борьбой в с е х д е м о к р а т и ч е с к и х э л е м е н т о в против царизма, вырвав их из-под влияния буржуазии и соглашательских мелкобуржуазных партий. Надо было создать прочнейший союз пролетариата и крестьянства для уничтожения помещичьего строя, для уничтожения всех остатков и пережитков крепостничества. Надо было обеспечить союз пролетариата с беднейшим крестьянством для того, чтобы он мог в меру своих сил и успехов немедленно перейти от буржуазно-демократической революции к революции пролетарской, социалистической.

То обстоятельство, что наша большевистская партия с самого начала ее организации в 1903 г. выступила как партия, в основе которой лежала, как Ленин говорил, гранитная почва революционного учения Маркса и Энгельса, сыграло, конечно, огромную роль в истории нашей революции и в победе Октября. Пролетариат с первых же шагов, как он начал организовываться в самостоятельную партию в нашей стране, сплачивал свои силы на основе этого учения, являющегося воплощением революционной мысли передового, самого революционного отряда рабочего класса, учения, являющегося революционным выводов из всей истории развития капитализма, руководством к действию организованного в самостоятельную силу пролетариата. Российский пролетариат организовался на этой гранитной основе в самостоятельную партию, которая вела борьбу со всеми другими партиями и закалилась в борьбе против всех видов оппортунизма. Эта партия имела за собой величайший опыт всех революций и самой русской революции, начиная с движения так называемых помещичье-дворянских революционеров, как Ленин называет декабристов, и кончая Октябрьской революцией 1917 г. Она накопила исключительно богатый опыт всех форм, всех методов революционного движения. Пролетариат прошел величайшую школу революцион-

ной борьбы. Он приобрел в этой борьбе опыт революции 1905 г., ее успехов, ее поражений, опыт периода реакции 1907—10 гг., нового подъема 1911—13 гг., империалистической войны 1914 — 18 гг., исключительно богатый по своему содержанию, по своим формам, по всем видам революционной борьбы, легальной и нелегальной, восстанческой и «мирной», пропагандистской и организационной.

Рабочий класс, его передовая часть, организованная нашей ленинской партией, рассматривала буржуазно-демократическую революцию лишь как пролог, лишь как начало революции пролетарской, социалистической. Между этими двумя революциями нет, как говорил Ленин, китайской стены. Буржуазно-демократическая революция перерастает в социалистическую, и это перерастание буржуазно-демократической революции происходило на наших глазах в течение всего 1917 года. Для того, чтобы это перерастание было успешным, и для того, чтобы сама Февральско-мартовская революция была успешной, нужна была революция пятого года с ее успехами и поражениями, с ее величайшим подъемом, каким было декабрьское восстание 1905 года. Революция 1905 г. была генеральной репетицией и прологом революции 1917 года. Но в революции 1905 года мы имели совершенно иное соотношение классов, совершенно иную расстановку сил. В период первой революции у нас еще был возможен левый блок из большевиков, меньшевиков, эсеров, трудовиков. Вы знаете, что мы отстаивали идею этого левого блока и в Государственной думе и в целом ряде боевых соглашений в противоположность меньшевикам, которые считали необходимым, чтобы мы были лишь партией мирной оппозиции, чтобы мы заключили блок с такого рода партией, как буржуазная партия кадетов. В Государственной думе меньшевики даже блокировались с польскими фашистами — народово-демократической партией (эндеками).

В 1917 году этот левый блок был уже немыслим. С самого начала Февральско-мартовской революции он был уже немыслим. Еще до того мы вынуждены были, в период первой революции, резко порвать с меньшевиками. Мы выбросили их в 1912 г. окончательно из рядов нашей партии потому, что они тогда уже стали «буржуазной рабочей партией», как называл их Ленин.* Говоря о значении пражской конференции 1912 г., Ленин

*[1]) В 1913 г. Ленин писал: «Своеобразие исторического момента, переживаемого Россией, сказывается, между прочим, именно в том, что сравнительно небольшое партийное ядро, сумевшее удержаться во время бурь и отстоять себя вопреки всем разрывам отдельных организационных нитей то здесь то там сумевшее обеспечить себе необыкновенно сильное влияние на громадные массы рабочих (сравнительно не с теперешней Европой, разумеется, а с Европой 1849 — 1859 гг.), — это ядро окружено многим множеством антипартийных, беспартийных, внепартийных и околопартийных социал-демократов и почти-социал-демократов» (Ленин. Т. XVI, стр. 637—638). (Продолжение примечания см. на стр. 7).

особенно подчеркивал, что эта «конференция установила, что ликвидаторы («Наша заря») поставили себя вне партии»*. В «Детской болезни «левизны» в коммунизме» Ленин характеризовал период 1910—14 гг., как период, когда «большевики оттеснили меньшевиков, роль которых, как буржуазных агентов в рабочем движении, превосходно была понята всей буржуазией после 1905 г., и которых поэтому на тысячи ладов поддерживала против большевиков вся буржуазия». Ко времени империалистической войны они стали на почву социал-шовинизма. Во время империалистической войны эсеры и меньшевики — в большинстве оборонцы не только в нашей стране, но во всем II интернационале — стали прямыми пособниками буржуазии в грабительском деле хищнической, империалистической войны.

В Февральско-мартовской революции основной и главной движущей силой, как и в период первой революции, был рабочий класс и именно его, рабочего класса, усилиями главным образом было сброшено царское самодержавие. Именно выступление рабочего класса в Петрограде и в ряде других городов поколебало — в значительной степени — верные еще до войны и во время войны царизму войска.

Но в свержении царского самодержавия принимали участие не только рабочие и крестьяне. Ленин в «Письме из далека» объяснил:

...«Если революция победила так скоро и так — по внешности, на первый поверхностный взгляд, — «радикально», то лишь потому, что в силу чрезвычайно оригинальной исторической ситуации слились вместе и замечательно «дружно» слились совершенно различные потоки, совершенно разнородные классовые интересы, совершенно противоположные политические социальные стремления. Именно: заговор англо-французских империалистов, толкавших Милюкова и Гучкова с К° к захвату власти в интересах продолжения империалистической войны, в интересах еще более ярого, упорного ведения ее, в интересах избиения новых миллионов рабочих и крестьян России для получения Константинополя... Гучковыми, Сирии... французскими, Мессопотамии... английскими капиталистами и т. д. Это — с одной стороны. А с другой стороны, глубокое пролетарское и массово-народное (все беднейшее население городов и деревень) движение революционного характера за хлеб, за мир, за настоящую свободу»**.

В статье «К лозунгам» Ленин эту мысль выражает очень кратко: «27-го февраля все классы оказались вместе против мо-

---

[2]) См. мою статью («Правда», № 22 (5187), 22 января 1932 г.) «К двадцатилетию пражской (январской) конференции 1912 г.».

* Ленин. Т. XVI, стр. 20.

** Ленин. Т. XX, стр. 16.

нархии»*. Конечно, они оказались вместе по самым разнородным причинам. Конечно, ни «союзные» капиталистические группы, ни либеральную буржуазию отнюдь нельзя назвать движущими силами Февральско-мартовской революции. Они и не были этими движущими силами; они лишь присоединились к движению против царизма потому, что им выгодно было произвести те или иные изменения в самом составе правительства, но отнюдь не изменение в самой капиталистической системе, в самой капиталистической основе буржуазной власти, они и не ставили перед собою доведения до конца буржуазно-демократической революции. В этом смысле т. Сталин разъяснял на VI съезде вопрос о движущих силах революции, говоря о «коалиции» четырех сил:

...«С чего пошла революция? С коалиции четырех сил: пролетариата, крестьянства, либеральной буржуазии и союзного капитала. Почему шел пролетариат? Он — самый смертельный враг царизма. Почему шло крестьянство? Оно доверяло пролетариату и оно жаждало земли. Почему шла либеральная буржуазия? Потому, что она в ходе войны разочаровалась в царизме. Она думала, что царизм даст ей возможность завоевать новые земли. Не надеясь на увеличение емкости внутреннего рынка, она избрала путь наименьшего сопротивления: путь экстенсивного расширения внешнего рынка. Но она ошиблась: царизм и его войска не смогли даже оградить границы и отдали 15 губерний. Отсюда — измена либеральной буржуазии царизму. А союзный капитал? Он смотрел на Россию, как на подсобное предприятие для своих империалистических целей. Между тем царизм, первые два года подававший надежды на сохранение единства фронта, стал склоняться к сепаратному миру. Отсюда — измена союзного капитала царизму. Царизм оказался изолированным и тихо, спокойно помер»**.

Таким образом мы видим два класса, две основные силы Февральско-мартовской революции,—рабочий класс и крестьянство; но их активность и их роль были разные. Руководителем, гегемоном, застрельщиком Февральской, как и Октябрьской, революции был рабочий класс. Петроградские работницы, которые в связи с отсутствием хлеба, с очередями у хлебных лавок, с дороговизной, со всеми теми бедствиями, обрушившимися на рабочий класс в результате трех лет войны, вышли на улицу, — были выразительницами возмущения, недовольства всего рабочего класса.

Только тогда, когда армия столкнулась с этой рабочей массой, ее отдельные отряды начали колебаться. Я потом приведу ряд документов, которые свидетельствуют о том, что армия значительно позднее — в мае, в июне — только еще на-

* Ленин. Т. XXI, стр. 35.
** VI съезд. Протоколы. ГИЗ. 1927. Стр. 111—112.

чала разбираться как следует в вопросе о политических партиях. Но ей было ясно, что рабочие и работницы, вышедшие на улицу, отстаивают не только свое дело, но отстаивают и интересы их, солдат, и интересы крестьян. Рабочие и работницы Петрограда в данном случае явились выразителями интересов не только рабочего класса, но и настроений широких демократических слоев, в первую очередь крестьянства.

Но как случилось, что с самого начала Февральско-мартовской революции не большевики возглавили советы, не большевики получили большинство в советах? Как это случилось? Случилось это потому, как это отмечает Владимир Ильич, что с самого начала Февральско-мартовской революции на арену выступили такие широкие массы, которые до этого времени не участвовали совершенно в политике,— они были не искушенными в политике,— массы даже обывательских элементов. Этим объясняет Ленин классовую основу того соглашения части рабочих и крестьян с меньшевиками и эсерами, которое мы имели в начале Февральско-мартовской революции. Это необыкновенно быстрое, крутое и резкое увеличение числа «обывателей», начинающих принимать активное участие в политике, было во всех народных революциях.

«Так и Россия. Россия сейчас кипит. Миллионы и десятки миллионов, политически спавшие десять лет, политически забитые ужасным гнетом царизма и каторжной работой на помещиков и фабрикантов, проснулись и потянулись к политике. А кто такие эти миллионы и десятки миллионов? Большей частью мелкие хозяйчики, мелкие буржуа, люди, стоящие посредине между капиталистами и наемными рабочими. Россия — наиболее мелкобуржуазная страна из всех европейских стран.

Гигантская мелкобуржуазная волна захлестнула все, подавила сознательный пролетариат не только своей численностью, но и идейно, т.-е. заразила, захватила очень широкие круги рабочих мелкобуржуазными взглядами на политику»*.

«...Доверчиво бессознательное отношение к капиталистам — худшим врагам мира и социализма,— вот что характеризует современную политику масс в России, вот что выросло с революционной быстротой на социально-экономической почве наиболее мелкобуржуазной из всех европейских стран. Вот классовая основа «соглашения» (подчеркиваю, что имею в виду не столько формальное соглашение, сколько фактическую поддержку, молчаливое соглашение, доверчиво бессознательную уступку власти) между Временным правительством и Советом рабочих и солдатских депутатов,—соглашения, давшего Гучковым жирный кусок, настоящую власть, а совету — посулы, почет (до поры, до времени), лесть, фразы, уверения, расшаркивания Керенских»**.

* Ленин. Т. XX, стр. 114 — 115.
** Ленин. Т. XX, стр. 115.

Кроме того Владимир Ильич подчеркивал, что «недостаточная численность пролетариата в России, недостаточная сознательность и организованность его — вот другая сторона той же медали». Вот почему вначале мы получили в советах большинство эсеров и меньшевиков. Крестьяне в революцию 1905 года шли в массе за эсерами, за революционно-демократической тогда партией.—такой она считалась и Лениным в 1905 году.

Ведь на знамени этой партии было написано: «В борьбе обретешь ты право свое», «Земля и воля». Миллионы крестьян и рабочих еще не разбирались вначале, в борьбе против кого и за кого стала в 1917 г. партия эсеров. Выступали перед ними люди, которые пришли из ссылки, из тюрем, из каторги. Правда, во время революции и меньшевики и эсеры, будучи оборонцами, в значительной мере имели возможность работать в военно-промышленных комитетах, в организациях «земгусаров», или «земгоров»,— земско-городских организациях. В первые же дни Февральско-мартовской революции они вышли перед массами с яркими демократическими речами. Не разобрались и солдатские массы вначале в «демократических» речах тех офицеров, которые на фронте очень быстро перекрасились в демократов, и которых зачастую выбирали солдатские комитеты за их «демократизм». Ведь и меньшевики на своем знамени писали лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Формально у них была та же самая программа, что и у большевиков. У них было «преимущество», сыгравшее некоторую роль: их меньше посылали в ссылку и каторгу, чем большевиков. Они — эти оборонцы — сидели в военно-промышленных комитетах и уже в это время, до Февральско-мартовской революции, в лице Гвоздева и др. вели соглашательскую политику. Немало было в начале революции рабочих, крестьян и солдат, которые доверяли еще меньшевикам, выбирали их в советы.

Что они сделали с властью, которая буквально свалилась им в руки? Если бы в этот момент они могли возглавить п о-р е в о л ю ц и о н н о м у советское движение, если бы они поддержали нашу партию, то, опираясь на революционное движение рабочих, солдат и крестьян, они могли бы послать к черту Временное правительство. Но они перестали бы быть тогда меньшевиками. Они действовали подобно тому германскому меньшевику, который спрашивал когда-то: как сделать, чтобы власть не попала в руки раньше времени? Этот мещанин боялся, что власть может свалиться в руки раньше, чем он захочет ее взять. Ему отвечали тогда, что для этого есть одно средство: ложись спать и не просыпайся во время революции. А революция поставила меньшевиков перед необходимостью взять власть. Исходя из своего отношения к революции, они передоверили власть буржуазии. Ведь с самого начала еще, в 1905 г., они считали, что раз буржуазная

революция, то власть должна быть передана буржуазии. Эту свою линию они проводили полностью после февраля — марта. Они передоверили власть формально либеральной буржуазии, но на самом деле за этой либеральной буржуазией, за этими кадетскими министрами и за октябристами в роде Гучкова или Милюкова стояли крупнейшие капиталисты, помещики, настоящие империалисты.

Создалось своеобразное двоевластие, о котором говорил Ленин, что оно являлось источником многочисленных кризисов власти, нашедших завершение в Октябрьской революции.

С одной стороны было Временное правительство, которое выражало волю буржуазии и союзного капитала, а с другой стороны были советы рабочих и солдатских депутатов, которые осуществляли хотя и далеко в незаконченной своеобразной форме диктатуру рабочего класса и крестьянства.

Где же был классовый источник этого двоевластия? Почему революция не могла быстро с ним покончить в первые же недели? Почему советы вначале оставались лишь в роли «добавочного», побочного, «контролирующего» правительства?

«Классовый источник этого двоевластия и классовое значение его состоит в том, что русская революция марта 1917 года не только смела всю царскую монархию, не только передала всю власть буржуазии, но и дошла вплотную до революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Именно такой диктатурой (т.-е. властью, опирающейся не на закон, а на непосредственную силу вооруженных масс населения) и именно указанных классов являются Петроградский и другие местные советы рабочих и солдатских депутатов» *.

Большевики со своим лозунгом пораженчества, с лозунгом превращения империалистической войны в войну гражданскую в начале революции еще не завоевали большинства. Как Ленин впоследствии говорил, еще не настал момент такого озверения против этой войны, такого недовольства этой войной. Еще не обострились в такой степени социальные противоречия, которые впоследствии, через восемь месяцев, подвели нас вплотную к социалистической революции. В этот момент еще было довольно широко развито так называемое «добросовестное революционное оборончество масс».

В чем классовое значение этого оборончества?

Ленин объясняет его так:

«Революционное оборончество есть, с одной стороны, плод обмана масс буржуазией, плод доверчивой бессознательности крестьян и части рабочих, а с другой — выражение интересов и точки зрения мелкого хозяйчика, который заинтересован до известной степени в аннексиях и банковых прибылях и который

* Ленин. Т. XX, стр. 113 — 114.

«свято» хранит традиции царизма, развращавшего великороссов палачеством над другими народами»...*

Когда после Февральско-мартовской революции большевики говорили, как они говорили это с самого начала войны, что мы должны войну империалистическую обратить в войну гражданскую, то часть даже рабочих относилась к этим речам вначале отрицательно. Нечего говорить о значительной еще части крестьян и солдат. Солдатам в это время говорили на фронте: сейчас такой момент, что царя нет, правительство сменили, сейчас народное правительство. Дурачили солдат насчет того, что советы управляют страной,— на это очень сильно напирали и меньшевики и эсеры,— что Временное правительство, дескать, только выполняет волю этих советов. В правительстве-де сидят даже социалисты,—таким считали А. Ф. Керенского, а впоследствии, при коалиции, ряд других подобных «социалистов». Они говорили армии: разгромим немца, который является самым главным виновником империалистической войны. Его армия всегда была угрозой для дела мира. Вот разгромим германскую армию, тогда будет мир, тогда будет конец всяким войнам. А когда большевики отвечали на это: «превратим войну империалистическую в войну гражданскую», то это вначале многих отпугивало: как это так? Война еще не кончилась, а уже начать другую войну? Это казалось многим неправильным. Многие искренно думали, что можно преобразовать общество, создать другой строй без гражданской войны, без кровопролития, путем созыва Учредительного собрания, которое-де установит нужный порядок. Поэтому вначале к лозунгам большевиков массы относились с опаской. Надо было время, надо было, чтобы мы воспитали политическую армию, которой у нас еще не было. На это указывал и т. Сталин в своей полемике против «Уроков Октября» Л. Троцкого, извращавшего историю Октябрьской революции. Тов. Сталин разъяснял тогда, что вначале, после февраля — марта, у нас еще не было политической армии, которая способна была взять в свои руки власть. Надо было создать ее, и мы ее создали и через апрельскую и июньскую демонстрации, и через июльские дни, и через корниловщину, и через демократические совещания, через выборы в районные и городские думы. Да, мы ее создавали и через всю нашу агитационно-пропагандистскую и организованную работу, через борьбу за введение 8-часового рабочего дня, на опыте очень сложной, напряженной, большой борьбы за эти восемь месяцев за крестьянские, за солдатские массы, в борьбе с меньшевиками и с эсерами. Мы создали нашу политическую армию, мы ее закалили в демонстрациях, в выделении передовых отрядов, в создании нашей Красной гвардии, на опыте целого ряда классовых боев, протекших с февраля — марта до октября 1917 года.

---

* Ленин. Т. XX, стр. 117.

Какие же у нас были в этот момент разногласия в партии по вопросу о движущих силах революции, а значит, и о характере этой революции? Разногласия, как вы знаете, были еще до приезда Ленина. Правда, они не носили всеобщего характера. Носителями этих разногласий были отдельные товарищи, вроде Каменева. Когда Ленин приехал со своими историческими тезисами, Каменев поместил в «Правде» статью, в которой писал, что апрельские тезисы Ленина, которые, как вы знаете, были приняты в течение короткого времени 9/10 нашей партии и которые легли в основу всех дальнейших наших решений апрельской конференции, VI съезда и всех решений между VI съездом и Октябрем,— что эти тезисы являются выражением личных взглядов Ленина. Это была неправда. Апрельские тезисы были наиболее концентрированным выражением большевистской мысли подавляющего большинства партии. Именно поэтому так быстро они были усвоены партией. Идеи их как бы носились в воздухе. Ленин лучше других, как он всегда это делал, ярко, понятно сформулировал революционную линию партии, лучше чем кто бы то ни было мог это сделать. В этих апрельских тезисах дана совершенно отчетливая развернутая постановка вопроса о характере предстоящей дальнейшей революции, об ее социалистическом характере, о том, что пролетариат будет опираться в эту революцию на беднейшее крестьянство, поскольку речь идет о переходе к социалистической революции. Это, конечно, не исключало того, что мы будем иметь за собой подавляющие массы крестьянства, все крестьянство, поскольку пролетариат попутно доведет до конца буржуазно-демократическую революцию, поскольку он поведет все крестьянство на ликвидацию помещичьего землевладения.

На апрельской конференции Каменев никак не мог понять, что революционная диктатура рабочего класса и крестьянства, как мы ставили эту задачу в 1905 г., что этот этап уже пройден. Он был с этим не согласен. Это и была правооппортунистическая ошибка, из которой вытекал целый ряд других ошибок, в том числе и ошибка в вопросе о социалистической революции, об организации власти, о строительстве и победе социализма в одной стране.

И дальнейшие события показали, что эта ошибка не была изолированной, случайной, отдельной ошибкой, что это была часть целой системы правооппортунистических взглядов, маскировавшихся в 1925 — 1927 гг. у Каменева, Зиновьева и других в очень «левые» оболочки.

С другой стороны у нас были и в этот период левацкие установки. Это особенно сказалось при обсуждении национального вопроса на апрельской конференции, когда т. Пятаков и ряд других товарищей отстаивали мысль, прямо вредную для дела пролетарской революции, боролись против нашего лозунга о праве наций на самоопределение вплоть до отделения. А между тем

правильное решение национального вопроса в революции 1917 г. и во всем последующем строительстве советской власти, во всей последующей истории борьбы за социализм сыграло очень большую роль. Правильная постановка национального вопроса есть необходимое условие победы пролетариата. Если в царской России рабочий класс и крестьянство были основными движущими силами, то и тогда национальный вопрос обострял борьбу против царизма. Национальный гнет составлял основную черту царизма. Россия была тюрьмой народов. В царской России был целый ряд бесправных, угнетенных народов, великодержавный русский шовинизм был основой, преобладающей чертой русского самодержавия — царское самодержавие не могло существовать без великодержавности; это было одним из устоев, одним из элементов этого царского самодержавия. И тогда, в первую революцию, национальный вопрос сыграл громадную роль в движении польских крестьян, в движении на Украине, в Латвии, в Финляндии и в ряде других областей. В революции 1917 г. правильная постановка национального вопроса имела огромное значение. В отдельных районах она имела значение почти решающее. И вот борьба с этой левацкой недооценкой требований нашей партии в нацвопросе тогда уже была пунктом борьбы против оппортунистов в нашей партии.

Чем были апрельская демонстрация, июньские и июльские демонстрации, если рассматривать их с точки зрения развития движущих сил революции? Я не останавливаюсь подробно на характеристике этих трех выступлений, которые назревали в значительной степени стихийно.

На вопрос о том, что доказали три политических кризиса: 20 и 21 апреля, 10 и 18 июня, 3 и 4 июля, Ленин отвечает:

«Они доказали, во-первых, растущее недовольство масс буржуазной политикой буржуазного большинства Временного правительства»*. (Курсив мой.—Е. Я.).

Одно то, что это буржуазное большинство Временного правительства вызывало яркое недовольство масс, толкавшее эти массы на путь стихийных выступлений, было уже шагом вперед. Доверия, которое было в начале революции к Временному правительству, уже не было.

Но это было большим шагом вперед, потому что массы должны были найти выход из этого положения, создать такую власть, которой они могли бы безусловно довериться в этот грозный момент, когда каждый день уносил десятки тысяч людей в жертву империалистической войне, когда хозяйство страны шло к катастрофе. Это означало, что легче станет отвоевать массы из-под влияния мелкобуржуазных соглашательских партий меньшевиков и эсеров.

* Ленин. Т. XXI, стр. 20.

Два слова по поводу стихийности этого движения. Неправильно думать, что стихийность движения есть причина его слабости. Стихийность движения, как Ленин отмечает, 20 и 21 апреля имеет особое значение. Оно говорит не о слабости его, а о силе.

И стихийность движения 20 — 21 апреля никем не оспаривается. Это стихийное движение возглавила партия большевиков с лозунгом: «Вся власть советам» и примкнул совершенно независимо от нее покойный Линде, выведший на улицу 30 тысяч вооруженных солдат, готовых арестовать правительство.

«Итак, стихийность движения, подходившего к началу пролетариатом гражданской войны, несомненна. Ничего даже приблизительно похожего на стихийность нет в корниловщине: там только заговор генералов, которые рассчитывали увлечь часть войск обманом и силой приказания.

Что стихийность движения есть признак его глубины в массах, прочности его корней, его неустранимости — это несомненно. Почвенность пролетарской революции, беспочвенность буржуазной контрреволюции — вот что с точки зрения стихийности движения показывают факты»*. (Курсив мой.—Е. Я.).

Почему следует остановиться на этом вопросе? Потому что вы можете встретить в нашей литературе ряд указаний и у т. Сталина и у Владимира Ильича, где подчеркивается, что задача нашей партии в этот период заключалась в оформлении этого стихийного движения, в том, что давали ему определенные лозунги, в том, что мы это стихийное движение превращали в организованное движение. Тот факт, что стихийно подымались массы, которые шли с нашими лозунгами, показывал всю глубину и его силу с одной стороны и силу влияния нашей партии — с другой. С этой точки зрения вы можете видеть, как нарастает движение этих масс по мере усвоения большевистских лозунгов.

В апрельской демонстрации проявилось недовольство главным образом политикой Гучкова и Милюкова, которые заявили о преданности Временного правительства союзникам и о верности этого Временного правительства союзным договорам довести войну до победного конца. Массы, которые жаждали мира, были возмущены этим заявлением и потребовали отставки Милюкова. Но, как правильно отмечал Ленин, речь шла не о Милюкове и отдельных лицах, речь шла о целой системе, но масса еще не выросла к тому времени до сознания этой задачи.

В июньскую демонстрацию, когда вышло на улицы Петрограда около 400 тысяч человек под большевистскими лозунгами: «Вся власть советам», «Долой 10 министров-капиталистов», были уже лозунги более резкие: «Долой Временное правительство», не говоря о лозунгах по отношению к соглашательским

* Ленин. «Русская революция и гражданская война», т. XXI, стр. 202.

партиям. Но это еще не означало, что к июньским дням мы имели за собой большинство рабочих и крестьян, — мы их еще не имели. Чем были кризисы власти до этого? Они характеризовали колебания части мелкой буржуазии в сторону пролетариата. Средние элементы, как говорил Ленин, «вымывались», а два крайних фланга — пролетарский и буржуазный — выделились более резко. В статье «Три кризиса» Ленин говорит: «Это — взрыв революции и контрреволюции вместе, это — резкое, иногда почти внезапное «вымывание» средних элементов в связи с бурным обнаружением пролетарских и буржуазных» *.

Могли ли мы уже взять в это время власть? Могли ли мы поддерживать лозунг «Вся власть советам», когда в июльские дни советское большинство—эсеровское, меньшевистское — громило, расстреливало пулеметами рабочие и солдатские демонстрации? Нет, мы еще взять власть в этот момент не могли.

«Объективное положение таково, — писал Ленин, — громадное большинство населения страны мелкобуржуазно по своему жизненному положению и еще более по своим идеям. Но в стране царит крупный капитал через банки, через синдикаты, в первую голову. В стране есть городской пролетариат, достаточно развитый, чтобы итти своим путем, но еще не способный привлечь на свою сторону большинство полупролетариев. Из этого основного классового факта вытекает неизбежность таких кризисов, как три кризиса, изучаемые нами, а равно и их формы»**.

Когда мы выдвигали лозунг «Вся власть советам», мы рассчитывали, что внутри советов мы будем приобретать большинство, а так как оружие находится в руках солдат, преданных революции, нам удастся просто-напросто отстранить Временное правительство. Но июльские дни показали, что это уже невозможно. «Мирный период» четвертого июля кончился.

«Цикл развития классовой и партийной борьбы в России с 27 февраля по 4 июля закончился, — писал Ленин. — Начинается новый цикл, в который входят не старые классы, не старые партии, не старые советы, а обновленные огнем борьбы, закаленные, обученные, пересозданные ходом борьбы. Надо смотреть не назад, а вперед. Надо оперировать не со старыми, а с новыми, послеиюльскими, классовыми и партийными категориями. Надо исходить при начале нового цикла из победившей буржуазной контрреволюции, победившей благодаря соглашательству с ней эсеров и меньшевиков и могущей быть побежденной только революционным пролетариатом»***.

Почему же мы не могли взять власть в июльские дни? Ленин, анализируя обстановку этого периода, видит пять главных причин:

---

* Ленин. Т. XXI, стр. 21 — 22.
** Ленин. Т. XXI, стр. 23.
*** Ленин. Т. XXI, стр. 38.

1) «Не было еще за нами класса, являющегося авангардом революции». (Курсив мой.— Ем. Я.). Далее Ленин добавляет: «Не было еще большинства у нас среди рабочих и солдат столиц». 2) «Не было тогда всенародного революционного подъема». 3) «Не было тогда колебаний в серьезном общеполитическом масштабе среди врагов наших и среди половинчатой мелкой буржуазии». 4) «Потому 3—4 июля восстание было бы ошибкой: мы не удержали бы власти ни физически, ни политически. Физически, несмотря на то, что Питер был моментами в наших руках, ибо драться, умирать за обладание Питером наши же рабочие и солдаты тогда не стали бы, не было такого «озверения», такой кипучей ненависти и к Керенским и к Церетели — Черновым, не были еще наши люди закалены опытом преследований большевиков, при участии эсеров и меньшевиков.

Политически мы не удержали бы власти 3 — 4 июля, ибо армия и провинция, до корниловщины, могли пойти и пошли бы на Питер»*.

Что же означали июльские дни? Вы знаете, что в июльские дни были направлены против нашей партии все силы всех других партий. Прежде всего политически надо здесь выделить пущенную против Ленина клевету, привлечение к суду членов Центрального комитета. Мы наш VI съезд должны были вести полулегально и даже нелегально, скрывались от преследований, от ареста, от разгона съезда. Разгром типографии газеты «Правда», разоружение наших красногвардейских отрядов, попытка загнать наше движение в подполье,—вот что мы имели после июльских дней. Ослабело ли наше движение и наше влияние? Нет. Несмотря на репрессии, несмотря на то, что Ленин должен был скрываться, он уже во время VI съезда писал свою знаменитую брошюру «Удержат ли большевики государственную власть» и глубоко убежден был, что эту власть мы удержим, что все данные для этого у нас есть. После июльских дней, рабочие и солдаты увидали, что есть только одна партия большевиков, которая в России преследуется, что эта партия выдвигает на своем знамени лозунги близкие, родные этим массам. Она отстаивает интересы рабочих и крестьян, интересы мира наиболее последовательно, как не отстаивает ни одна другая партия. Поэтому общая передвижка пошла в сторону усиления влияния нашей партии. 3 — 4 июля означало коренную передвижку классов. Что изменилось после июльских дней? В «Дневнике публициста» Ленин так характеризует это изменение:

«В стране явно нарастает новая революция, революция иных классов (по сравнению с теми, которые осуществили революцию при царизме). Тогда была революция пролетариата,

* Т. XI, стр. 196, статья «Марксизм и восстание».

834260
ИБЛИОТЕКА
Института Маркса-Энгельса
при ЦК КПСС

крестьянства и буржуазии в союзе с англо-французским финансовым капиталом против царизма.

Теперь растет революция пролетариата и большинства крестьянства, именно, беднейшего крестьянства, против буржуазии, против ее союзника — англо-французского финансового капитала, против ее правительственного аппарата, возглавляемого бонапартистом Керенским... Переменилось взаимоотношение классов. В этом суть.

Не те классы стоят «по одну и по другую сторону баррикады». Это главное» *.

Вот как обстояло дело. А между тем уже тогда революционная часть рабочих проявляла нетерпение. Они были настолько недовольны положением, что впервые в июльские дни рабочие и солдаты кричали «долой» тем большевикам, которые отговаривали их от выступления. Так они кричали покойному тов. Лашевичу, когда он отговаривал подошедшие ко дворцу Кшесинской отряды демонстраций рабочих и крестьян от выступлений. Они считали это изменой, они считали, что надо немедленно выступить, потому что Временное правительство принимало меры к выводу революционных военных частей из Петрограда, стремясь обезоружить революцию, обессилить ее.

Ленин в статье «Марксизм и восстание» говорит:

«Мы могли бы власть захватить, но вряд ли тогда в июле рабочие и солдаты дрались бы за эту власть».

На VI съезде партии был во весь рост поставлен вопрос о социалистическом характере предстоящей революции. Как вы знаете, были возражения небольшой группы на съезде против этой установки. Спорили против постановки вопроса социалистической революции группа правых, группа Каменева, Рыкова. Ряд других, как например Ангарский, также считали, что мы не можем быть застрельщиками социалистической революции в этот период. Не в нашей стране наиболее отсталой взойдет солнце социализма, так говорили они. Тов. Сталин, игравший выдающуюся роль на этом съезде, — он делал политический отчет ЦК, руководил съездом, — дал ясную постановку вопроса о том, что социалистическая революция началась, что целый ряд мер, которые мы должны проводить, ведет к социалистической революции, что социалистическая революция нарастает, что революция принимает все более и более глубокий характер социалистической революции. Шестой съезд очень четко и в ряде резолюций и манифесте съезда формулировал, что дальнейшее революционное движение должно развиваться как движение союза рабочего класса и беднейшего крестьянства.

---

* Ленин. Т. XXI, стр. 215—216.

Как нарастало в это время полевение рабочего класса? Приведу вам маленькую сравнительную табличку, которая характеризует эти изменения настроения рабочих масс. У нас первые выборы в районные городские думы происходили в июне 1917 года и вторые в сентябре. Вот что дали эти выборы:

НАЗВАНИЕ ПАРТИЙ	ВЫБОРЫ 25/VI	ВЫБОРЫ 24/IX
Подано всего голосов. . .	646.568—100%	385.847—100%
Из них:		
Кадеты	108.782—16,85%	101.106—26,2%
Эсеры	374.885—57,98%	54.374—14%
Меньшевики	76.407—11,82%	15.887— 4%
Большевики	75.409—11,66%	198.320—51,3%

Ленин в статье «Кризис назрел» так характеризует значение этого факта:

«И вот в Москве голоса эсеров и меньшевиков с 70% в июне падают до 18%. Мелкая буржуазия отвернулась от коалиции, народ отвернулся от нее, тут сомнения не возможны. Кадеты усилились с 17 до 30%, но они остались меньшинством, безнадежным меньшинством, несмотря на очевидное присоединение к ним «правых» эсеров и «правых» меньшевиков, а «Русские ведомости» говорят, что абсолютное число голосов за кадетов понизилось с 67 до 62 тысяч. Только у большевиков возросло число голосов с 34 до 82 тысяч. Они получили 47% всего числа голосов. Что вместе с левыми эсерами мы имеем теперь большинство и в советах, и в армии, и в стране, в этом ни тени сомнения быть не может»*.

Почему Владимир Ильич тогда присчитывал к нам левых эсеров, я скажу позднее.

Так обстояло дело с рабочим классом. Вторые выборы происходили в сентябре.

Корниловщина была также таким движением, которое толкнуло в нашу сторону в армии массы колеблющихся мелкобуржуазных, крестьянских элементов.

Как обстояло дело с армией? Армия вначале оказала большое доверие соглашательским партиям. Я займу ваше внимание несколькими солдатскими письмами, которые они писали в московскую военную организацию нашей партии летом 1917 года. Это живые документы, характеризующие нарастание симпатий к нашей партии. Солдат 11-го пехотного Псковского полка пишет: «Нам рассказывают, что где-то в России имеется 24 партии, которые ужасно между собой спорят. Одна партия Ленина идет даже вооруженная». Этот солдат еще, собственно говоря, о партиях ничего не знает, ему только кто-то пишет и рассказывает, что есть 24 партии, которые между собою «ужасно спорят», но об ленинской партии он слышал что-то особенное, — то,

* Ленин. Т. XXI, стр. 238.

что она идет особым путем, вооруженным путем, хочет изменить капиталистический строй. Это уже шаг вперед. Это уже заинтересовывает его особой ролью нашей ленинской партии.

Солдат 61-й артиллерийской бригады пишет: «А затем прошу выслать мне объяснение о вожде социал-демократической партии Ленине, а то я всецело верю партии большевиков, но между нами многие отвергают призыв т. Ленина, говоря, будто бы он куплен Германией».

Эта басня о подкупе Ленина и всей партии большевиков Германией в то время широко распространялась буржуазией. Но этот солдат на фронте чувствует, что Ленин ему близок. Он не находит только достаточно аргументов, чтобы отражать эти гнусные выпады, и хочет, чтобы его вооружили этими аргументами.

Кубанский казак благодарит за присланные газеты, — а мы из Москвы транспортировали большое количество литературы на фронт, — и пишет: «Долго и долго мои товарищи думали, что большевики — это не борцы, а какие-то разбойники и негодяи, но теперь многие казаки поняли и прямо говорят, что самые верные борцы есть наши товарищи — только партия с.-д., фракция большевиков.

Вот сегодня, товарищи, ваши присланные газеты я роздал казакам, и они так читают и, друг другу передают их, а особенно их удивляют листочки «долой большевиков» и о земле. Просто удивляются, что вот справедливо до крайних пределов. Еще, товарищи, я вас буду просить и умолять пошлите моей жене газеты».

Казаки спорят между собой, они ругают большевиков. Но когда им попадает в руки наша литература, они убеждаются, что «справедливо до крайних пределов». И очевидно, кубанскому казаку так хочется убедить всех в правоте большевиков, что он не хочет даже, чтобы его жена сомневалась в том, что большевики стоят на правильном пути.

Третьей тыловой мотоциклетной мастерской писарь сообщает:

«Часто в собравшихся группах солдат после чтения фарисейской газеты «Русское слово» солдаты ругают каких-то неизвестных большевиков и ленинцев и тут же переходят к рассуждению большевизма о немедленном окончании войны, немедленном отобрании земли и немедленном отобрании у капиталистов награбленных ими денег и т. д.». Это очень характерно для настроения колеблющихся масс в то время: большевиков ругают, а сами, когда начинают рассуждать о наболевших вопросах — о земле, о мире, о социалистической революции, — приходят к большевистским выводам. Солдатам было очень тяжело, тогда на фронте буквально стон стоял от жалоб, которые оттуда неслись. Наша борьба за мир была

тогда сильнейшим оружием для привлечения на нашу сторону рабочих, солдатских, крестьянских масс.

В одном из писем от рядового 167 пехотного Острожского полка мы читаем: «Хватаемся за слово «мир», как умирающий с голоду за крошку хлеба. (Это — заметьте — в мае месяце 1917 года! — Е. Я.). Нам опротивело валяться в берлогах, нас едят вши, мы изнемогаем, нам хочется жить. Товарищи, скажите более точно и определенно, что нам делать!»

Видите, перед нами прямо ставили вопрос, чтобы мы дали определенный лозунг, что делать, как кончать войну, как выйти из войны. Конечно, не у всех солдат это выходило тогда так ясно. В то время политически не разобравшиеся люди часто еще путали самые разнообразные вещи. Например, один из солдат пишет в письме: «Товарищи, на конце штыков наша свобода, и что же дала она нам всем эта проклятая война? Зачем же нам убивать друг друга? Бог сказал шестой заповедью — не убий». Он ищет еще оправдания своим революционным чувствам в религии, он ищет в религиозных воспоминаниях, не найдет ли он там чего-нибудь, что оправдывало бы его клич: «Долой войну!». Но слышится уже в этом письме в фронта и прямой призыв действовать в направлении пролетарской революции, автор его начинает сознавать, что «на конце штыка наша свобода».

Из 13 железнодорожного батальона действующей армии 13 мая пишут письмо «защитнику солдатской жизни и интересов т. Ленину». «Товарищ, — читаем мы в этом письме, — со слезами на глазах просим вас, прикажите всему пролетариату кончить ненавистную, проклятую бойню. Мы, солдаты, не верим тем прохвостам, которые убеждают за продолжение войны. Этим они хотят ввести Россию в положение Бельгии и Сербии, а потом уже буржуазия расправится с пролетариатом, как ее душе будет угодно».

Это писали люди «со стороны», которые не входили в нашу организацию, но именно поэтому эти письма так ценны. Я вам советую прочесть не только эти письма, которые приведены в сборнике «От февраля к Октябрю» («Новая Москва», 1932 г.), но и письма солдат, изданные под редакцией М. Н. Покровского «Письма солдат с фронта». Там вы найдете целую гамму революционных настроений, всю картину перехода от бессознательной стихийной революционности к сознательному отношению к революции. Наша партия проделала в это время огромную работу в армии. Издавала «Окопную правду», «Солдатскую правду», «Рабочий и солдат», «Социал-демократ», «Деревенскую правду», листовки, и массами шла эта литература на фронт. Эта работа привела к тому, что мы привлекли громадную часть солдат на сторону революции. Мы смогли через головы меньшевиков и эсеров во всех почти войсках создать свои ячейки, свои военно-

революционные комитеты, которые в октябрьские дни сыграли громадную роль, потому что подавляющая масса солдат в решающих центрах страны была на нашей стороне.

Большую роль в этом деле революционизирования солдатской массы сыграло корниловское движение. Солдаты увидели, что царские генералы поднимают восстание для того, чтобы восстановить монархию, разгромить советы. В то время была введена снова смертная казнь на фронте, отмененная в начале революции. Введены были снова жесточайшие правила и требования по отношению к солдатской дисциплине. И то, что наша партия оказалась в этот момент сильной, что она помогла подавить корниловское движение, — а оно было подавлено при поддержке партии большевиков, потому что тогда меньшевики, эсеры и Керенский растерялись, — увеличило влияние нашей партии, подняло ее авторитет. Здесь, в Москве, мы предлагали Керенскому арестовать Корнилова, когда стояли рядом поезда Керенского и Корнилова и они ждали: кто из них кого арестует. Мы предлагали тогда дружинников-красногвардейцев для ареста генерала Корнилова и всего его поезда, но Керенский боялся это сделать, а потом пришлось эсерам и меньшевикам обратиться за нашей помощью и агитацией солдатских и рабочих масс, и корниловщина была подавлена. В проекте резолюции о современном политическом моменте Ленин писал:

«Восстание Корнилова вполне вскрыло тот факт, что армия, вся армия ненавидит ставку. Это должны были признать даже такие меньшевики и эсеры, которые месяцами усилий доказали свою ненависть к большевикам и свою защиту политики соглашения рабочих и крестьян с помещиками и буржуазией. Ненависть армии к ставке не ослабеет, а усилится после того, как правительство Керенского ограничилось заменой Корнилова Алексеевым, оставив на месте Клембовского и других корниловских генералов, не делая ровно ничего серьезного для демократизации армии и удаления контрреволюционного командного состава. Советы, которые терпят и поддерживают эту слабую, колеблющуюся, беспринципную политику Керенского, советы, которые уступили еще один момент мирно взять всю власть в момент ликвидации восстания Корнилова, эти советы становятся виновными не только в соглашательстве, но уже в преступном соглашательстве.

Армия, ненавидящая ставку и не желающая вести войны, на захватный характер которой ей открылись глаза, неизбежно осуждена на новые катастрофы»*.

Корниловское движение открыло глаза самым темным массам на роль и значение различных партий, особенно партии большевиков.

С этого момента начинается еще большее полевение этих масс. Это результат нашей исключительно огромной работы в

* Ленин. Т. XXI, стр. 139 — 140.

армии и крестьянстве. Наши агитаторы, пропагандисты почти не вылезали из солдатских казарм. Мне здесь, в Москве, пришлось работать в военной организации в 1917 году. Примерно перед июльскими днями, по возвращении из Якутской ссылки, я начал эту работу и не было ни одной казармы, где я ни побывал бы по нескольку раз. Раньше эсеры и меньшевики пытались нас стаскивать с трибуны, но потом дело доходило до того, что нам приходилось уговаривать солдат, чтобы они не слишком круто расправлялись с нашими противниками. Если нам не давали пропусков, то мы умели лазить и через заборы. Но доступ в казармы не был особенно закрыт для нас. Ленин указывал на то, что большевики всей своей пропагандой, агитацией, нелегальной организационной работой с августа 1914 г. подготовили армию.

«Мы гордимся тем, что выполнили свой долг, разлагая классового врага, отвоевывая у него вооруженные массы рабочих и крестьян для борьбы против эксплоататоров».

Как относилось крестьянство к движению? Я пока говорю о крестьянстве в целом. В начале революции мы видим очень слабое развитие крестьянского движения. Крестьяне выжидают. До них доходят только отголоски этого движения из городов. Только в апреле оно докатилось до деревни. Движение начинает нарастать, против помещиков главным образом. Оно растет в мае, в июне, в июле оно поднимается до очень большой высоты. В июле идет подготовка к наступлению армии на фронте. В июльские дни до деревни докатываются слухи о разгроме большевиков. Движение чуть-чуть колеблется вниз, но в сентябре оно вновь поднимается. В октябре оно поднимается на небывалую высоту.

Вот таблица зарегистрированных случаев крестьянских волнений в 1917 г. по месяцам:

Март	— 49	Июль	— 957
Апрель	— 378	Август	— 760
Май	— 678	Сентябрь	— 803
Июнь	— 988	Октябрь	— 1169

Ленин считал, что крестьянское восстание в такой стране, где у власти стоят меньшевики и эсеры, в стране, которая отличается относительно демократическим управлением, является лучшим признаком, что кризис назрел и что пора брать власть. «Ясно само собой, — писал Ленин в статье «Кризис назрел», — что если в крестьянской стране, после 7 месяцев демократической республики, дело могло дойти до крестьянского восстания, то оно неопровержимо доказывает общенациональный крах революции, кризис ее, достигший невиданной силы, подход контрреволюционных сил к последней черте» *.

Вы знаете, что мы ставили перед собой задачу социалистической революции. На VI съезде партии мы решили, что социалистическую революцию мы совершим в союзе пролетариата и

* Ленин. Т. XXI, стр. 237.

беднейшего крестьянства. Вы знаете споры по этому вопросу, недоуменные запросы, которые ставили перед тов. Сталиным Покровский и др. и ответы тов. Сталина. Я не буду цитировать подробно документы этой дискуссии. Приведенные тов. Сталиным цитаты из Ленина в его труде «Вопросы ленинизма» неопровержимо доказывают, что Ленин стоял на той точке зрения, что в революции 1917 года положение изменилось, и «непозволительно пролетарской партии возлагать теперь надежды на общность интересов с крестьянством» (речь Ленина на апрельской конференции 1917 г.), что изменилась в значительной степени обстановка, и кто говорит теперь «о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства», тот отстал от жизни, тот в силу этого перешел на деле к мелкой буржуазии против пролетарской классовой борьбы, того надо сдать в архив «большевистских дореволюционных редкостей».

«На этой почве и родился лозунг диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства вместо старого лозунга — диктатуры пролетариата и крестьянства».

Тов. Сталин приводит многочисленные исчерпывающие вопрос выдержки из произведений Ленина в апреле — сентябре и октябре, и они свидетельствуют о том, что мы в 1917 г. ставили вопрос о социалистической революции, которая совершится рабочим классом и беднейшими слоями крестьянства.

В связи с этим я должен остановиться на двух вопросах. Первый вопрос — это вопрос о том, какое значение в это время имел раскол, намечавшийся в партии эсеров и меньшевиков с точки зрения усиления движущих сил революции. В связи с июльскими днями левое крыло меньшевиков и эсеров стало усиливаться. Вы знаете, что мы в сентябре получили большинство и в Петроградском и Московском советах. В начале сентября мы в Петроградском совете имели уже свой президиум, в котором было четыре большевика, два эсера и один меньшевик. Председателем Московского совета был избран Виктор Павлович Ногин. В среде эсеров выделился довольно заметный центр. Левые эсеры оформились более ярко. Корниловщина их еще более усилила. В статье «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», в проекте резолюции о современном политическом моменте и в статье «Удержат ли большевики государственную власть» Ленин очень серьезно расценивает это расслоение эсеров. «В обеих мелкобуржуазно-демократических партиях растет «левая» оппозиция, — пишет Ленин. — В Питере 10 сентября 1917 г. городская конференция эсеров дала большинство в две трети левым эсерам, тяготеющим к союзу с пролетариатом, отвергающим союз (коалицию) с буржуазией»*. Так как массы, шедшие за эсерами начали тяготеть к пролетариату, стали отходить от правых эсеров, то усилилось их левое крыло, что свидетельствует

* Ленин. Т. XXI, стр. 192.

о том, что значительная часть шедших за ними масс переходит уже на сторону пролетарской революции.

То же самое говорит Ленин в «Проекте резолюции о современном политическом моменте»: «Одним из признаков потери народом веры в соглашение с капиталистами является то, что в двух главных партиях, эсеров и меньшевиков, которые эту политику соглашения ввели и провели до конца, все растет, особенно после пятого июня, недовольство изнутри этих партий, борьба против соглашательства, оппозиция, достигшая около двух пятых (40%) на последнем «Совете» партии социалистов, революционеров и съезде партии меньшевиков»*.

И, наконец, в статье «Удержат ли большевики государственную власть» он говорит:

«Усиление этого левого крыла, в особенности после июльской контрреволюции, есть один из вернейших объективных признаков того, что пролетариат не изолирован»**.

В связи с этим я коротко остановлюсь на 242 крестьянских наказах, которые впоследствии легли в основу первой программы о социализации земли. Когда мы шли на соглашение с левыми эсерами, здесь речь шла не о соглашении с левыми эсерами, как таковыми, — с Марией Спиридоновой и другими. Здесь речь шла о соглашении со значительной частью крестьянства, шедшей тогда за эсерами.

Ленин по этому поводу указывал, что самое важное это то, «что политическая власть перейдет к пролетариату. Остальное, — говорил Ленин, — приложится само собой, явится в результате «силы примера», подсказано будет самой практикой».

Как Ленин убеждал крестьян, что они могут доверить выполнение этих 242 наказов рабочим? Он говорил:

«Мы не претендуем на то, что Маркс или марксисты знают путь к социализму во всей его конкретности. Это вздор. Мы знаем направление этого пути, мы знаем, какие классовые силы ведут по нему, а конкретно, практически это покажет лишь о п ы т м и л л и о н о в, когда они возьмутся за дело. Доверьтесь рабочим, товарищи крестьяне, рвите союз с капиталистами! Только в тесном союзе с рабочим вы м о ж е т е начать осуществлять на деле программу 242 наказов. В союзе с капиталистами, под руководством эсеров вы никогда не дождетесь н и о д н о г о решительного, бесповоротного шага в духе этой программы.

А когда в союзе с городскими рабочими, в беспощадной борьбе против капитала вы н а ч н е т е осуществлять программу 242 наказов, тогда весь мир придет на помощь вам и нам, тогда успех этой программы — не в ее данной формулировке, а в ее сути — будет обеспечен. Тогда наступит конец государству

---

* Ленин. Т. XXI, стр. 141.

** Ленин. Т. XXI, стр. 255

капитала и наемному рабству. Тогда начнется царство социализма, царство мира, царство трудящихся» *.

Насколько мог я подробно остановился на том, какими путями рабочие, крестьяне и солдаты отошли от тех колебаний, которые были у них в начале революции, от того доверия, которое было у части рабочих и значительной массы крестьян и у части солдат по отношению к либеральной буржуазии и соглашательским партиям меньшевиков и эсеров, как они перешли к сочувствию, к поддержке партии рабочего класса, партии большевиков. Это политическое воспитание, это создание политической армии потребовало семь месяцев; но было бы неправильно думать, что в нашей партии все были одинакового мнения насчет того, что мы можем брать власть, когда на нашу сторону перешли уже эти массы. Если нам приходилось осаживать кое-каких «леваков» вроде группы Богдатьева, который считал еще в апреле, что можно взять власть, то нам гораздо в большей степени приходилось накануне восстания бороться против правооппортунистических, против капитулянтских установок группы Зиновьева и Каменева, которые были против восстания, против взятия власти партией большевиков.

На заседании Центрального комитета 10 и 16 октября был решен вопрос о восстании и подготовки к нему в ближайшее время. Ленин считал, что величайшим преступлением было бы связывать себя сроками в смысле ожидания во что бы то ни стало съезда советов, на чем настаивал Троцкий. Ленин считал, что промедление «будет смерти подобно». Между тем на заседании 16 октября, после того, как масса членов партии вполне усвоила мысли Ленина, изложенные им в статье «Удержат ли большевики государственную власть» и ряде других статей — Каменев выступил очень резко против линии, предлагаемой Лениным.

Почти во все моменты нашей борьбы за влияние на массы эта группа, каменевская группа, была группой, которая тормозила это политическое воспитание рядом бестактных, антиленинских, антибольшевистских шагов. Целый ряд заявлений подобного рода, как, например, по вопросу об участии в стокгольмской социалистической конференции II интернационала, когда Каменев вопреки мнению партии выступил со своими заявлениями, компрометировавшими партию, или его заявления на апрельской конференции, или поведение Каменева в связи с созывом демократического совещания,—все это были моменты, показывающие, что у нас есть, хотя и очень маленькая, группка членов партии, которая идет наперекор линии партии, борется с этой линией партии.

16 октября, когда обсуждался вопрос о назначении сроков восстания, Каменев говорил: «Здесь борются две тактики — так-

* Ленин, Т. XXI, стр. 113.

тика заговора и тактика веры в движущие силы русской революции».

Тактика заговора, оказывается, была, по словам Каменева, у Ленина. В чем заключалась на самом деле тактика Ленина? Ленин говорил:

«Получив большинство в обоих столичных советах рабочих и солдатских депутатов, большевики могут и должны взять государственную власть в свои руки.

Могут, ибо активное большинство революционных элементов народа обеих столиц достаточно, чтобы увлечь массы, победить сопротивление противника, разбить его, завоевать власть и удержать ее. Ибо предлагая тотчас демократический мир, отдавая тотчас землю крестьянам, восстанавливая демократические учреждения и свободы, помятые и разбитые Керенским, большевики составят такое правительство, какого никто не свергнет. Большинство народа за нас»*.

Эту ставку на массы рабочих, которые голосовали за нас и в советы и районные думы, на крестьянство, которое только в партии большевиков видело партию, способную действительно обеспечить дело мира, на солдат, которые в это время сплотились вокруг нашей партии, — все это Каменев называл тактикой заговора, а свою капитулянтскую тактику, увиливающую, трусливую, мелкобуржуазную, соглашательскую, он называл тактикой веры в движущие силы русской революции.

По достоинству ответил Каменеву тов. Сталин. Он говорил на заседании ЦК 16 октября тоже о двух линиях, которые отделяют нашу партию от оппортунистов. Он говорил:

«Тут две линии: одна линия держит курс на победу революции и озирается на Европу, вторая не верит в революцию и рассчитывает быть только оппозицией»**.

После этого 29 (16) октября 1917 г. Каменев подал заявление в ЦК партии, что, «не имея возможности защищать точку зрения, выраженную в последних решениях ЦК и определяющую весь характер его работы, и находя, что эта позиция ведет партию и пролетариат к поражению», он просит ЦК считать, что более членом ЦК не состоит.

После этого к Каменеву присоединяется целая группа его тогдашних единомышленников. Как вы знаете, на другой день после организации власти, когда был создан Совнарком из одних большевиков, целый ряд членов партии, в том числе и членов ЦК, подали заявления о том, что они слагают с себя эту власть, подписали: Рыков, Милютин, Ногин, Теодорович, Рязанов, Дербышев, Арбузов, Юренев, Федоров, Ларин, Шляпников.

На решение ЦК Зиновьев и Каменев апеллировали сначала письмом к ряду организаций — московской, петроградской и другим, а затем они поместили в газете «Новая жизнь» сообще-

* Ленин. Т. XXI, стр. 193.

** Ленин. Т. XXI, стр. 504.

ние, которое Ленин и наша партия не могли иначе расценивать, как штрейкбрехерство. Молодые товарищи должны знать, что «Новая жизнь» была не большевистской газетой, а газетой интернационалистов, куда входили тогда тт. Лозовский, Луначарский и ряд других товарищей, которые считали себя полубольшевиками и даже большевиками. Тов. Луначарский, например, уже считал себя большевиком, но одной ногой стоял еще в новожизненском болоте.

Ленин настаивал на том, что выступление Каменева и Зиновьева в такой газете, которая по данному вопросу идет об руку с буржуазией против рабочей партии, «в тысячу раз подлее и в миллион раз вреднее всех тех выступлений, хотя бы Плеханова, в непартийной печати в 1906—1907 гг., которые так резко осуждала партия! Ведь тогда шло дело только о выборах, а теперь дело идет о восстании для завоевания власти»* (курсив мой.—Е. Я.).

Зная о том, что они могут ссылаться на близость к Ленину, что они с ним работали в течение долгих лет, Ленин подчеркивал: «Я бы считал позором для себя, если бы из прежней близости к этим бывшим товарищам, я стал бы колебаться в осуждении их. Я говорю прямо, что товарищами их обоих больше не считаю, и всеми силами и перед ЦК и перед съездом буду бороться за исключение обоих из партии»**.

Ленин подал заявление в ЦК, в котором предлагал:

«Признав полный состав штрейкбрехерства в выступлении Зиновьева и Каменева в непартийной печати, ЦК исключает обоих из партии», причем Ленин оговаривался: «Мне нелегко писать так про бывших близких товарищей, но колебание я считал бы здесь преступлением, ибо и иначе партия революционеров, не карающая видных штрейкбрехеров, погибла***.

Это решение об исключении их из партии не было принято лишь потому, что через короткое время они взяли свое заявление обратно.

Но в тот момент большинство ЦК вынуждено было поставить перед ними ультиматум, чтобы они прекратили свою дезорганизаторскую работу в партии. Тем не менее пять членов ЦК — Каменев, Рыков, Милютин, Зиновьев и Ногин — 4 сентября 1917 г. опубликовали в «Известиях» ВЦИК заявление о том, что они не могут «нести ответственность за эту гибельную политику ЦК, проводимую вопреки воле громадной части пролетариата и солдат, жаждущих скорейшего прекращения кровопролития между отдельными частями демократии». Вот как они расценивали нашу Октябрьскую революцию: как вражду, как кровопролитие между отдельными частями

* Ленин. Т. XXI, стр. 350.
** Ленин. Т. XXI, стр. 351.
*** Ленин. Т. XXI, стр. 355.

демократии! Сами они были в этот момент, когда писали заявление, не большевиками, а буржуазными демократами. Вот что они писали в своем заявлении: «Мы складываем с себя поэтому звание членов ЦК, чтобы иметь право откровенно сказать свое мнение массам рабочих и солдат и призвать их к поддержке нашего клича: «Да здравствует правительство из советских партий и немедленное соглашение на этом условии!» Мы уходим из ЦК в момент победы, в момент господства нашей партии, уходим потому, что не можем спокойно смотреть, как политика руководящей группы целиком ведет к потере рабочей партией плодов этой победы, к разгрому пролетариата».

Они предлагали тогда создать правительство из советских партий.

Какими «советскими» партиями оказались меньшевики и эсеры, это показали последующие дни, месяцы и годы. А нас тянули на союз с ними, на блок с этими изменниками революции!

И, наконец, еще один документ капитулянтского характера — это заявление членов Совета народных комиссаров, которые сложили с себя звание членов правительства на другой день после революции.

«Мы стоим на точке зрения необходимости образования социалистического правительства из всех советских партий. Мы считаем, что только образование такого правительства дало бы возможность закрепить плоды героической борьбы рабочего класса и революционной армии в октябрьско-ноябрьские дни. Мы полагаем, что вне этого есть только один путь сохранения чисто большевистского правительства — средствами политического террора. На этот путь вступает Совет народных комиссаров. Мы на него не можем и не хотим вступать. Мы видим, что это ведет к отстранению массовых пролетарских организаций от руководства политической жизнью, к установлению безответственного режима и к разгрому революции и страны. Нести ответственность за эту политику мы не можем и поэтому слагаем с себя перед ЦИК'ом звание народных комиссаров».

Вот, товарищи, с чем нам пришлось иметь дело в те дни: с открытым саботажем Октябрьской революции, с открытым саботажем взятия власти в руки партии большевиков. И то, что мы не поддались запугиваниям, этому страху отдельной группы членов нашей партии, показывает, что наша партия в подавляющей массе стояла на верных ленинских позициях, а колебались лишь единицы.

Мы брали власть в обстановке необычайно сложной. Империалистическая война не была окончена. Правда, начинались уже в то время восстания в воинских частях в Германии, во Франции, шло широкое братание на фронте, которое поддерживала наша партия во исполнение лозунга превращения империалистической войны в гражданскую, и этот лозунг привлекал к се-

бе все более и более сторонников. Мы имели все основания рассчитывать на то, что победа пролетарской революции в нашей стране будет началом развертывания социалистической революции на Западе, во всем мире. Но было бы неправильно, если бы мы ставили вопрос о пролетарской революции только в зависимости от этого, если бы мы не учитывали того, что победоносная пролетарская революция в одной стране открывает возможность строительства и победы социализма в этой стране. Эта постановка вопроса о возможности победы социализма в одной стране дана была Лениным уже во время империалистической войны. И до войны, еще в период первой революции, мы ставили вопрос о переходе и перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую. В 1915 году Ленин прямо поставил вопрос о победе социализма в одной или вначале в нескольких странах. Он даже говорил, что победа социализма сразу в ряде стран может быть только исключением, а более вероятной будет победа социализма сначала в одной стране.

Как шла эта победа социализма? Вы знаете ведь, что в Петрограде восстание успешно привело к советской власти в течение одной ночи, что Зимний дворец был взят, Временное правительство было разогнано и арестовано, меньшевики и эсеры ушли, вернее, «их ушли», они потеряли влияние в массах. Когда был процесс меньшевиков и интервентов, то меньшевики рассказывали, что когда они хотели поднять восстание против большевистской власти, они не могли назвать ни одного завода, ни одной военной части, куда бы они могли обратиться с некоторой надеждой на успех, что их там выслушают и поддержат. Таково было настроение масс. Но не везде было так легко. Мы здесь, в Москве, отчасти благодаря колебанию отдельных товарищей, восемь дней вели борьбу. Здесь не было таких крупных предприятий, здесь гарнизон был почти разоружен к октябрьским дням, здесь военные организации в частях были слабее, и, может быть, я думаю, не последнюю роль играло то, что здесь не было Ленина. Здесь восстание, конечно, имело более затяжной характер. И на Красной площади, под Кремлевской стеной лежит больше 300 товарищей, погибших в уличных боях в Октябре 1917 г. У нас был плохой, недостаточный, слабый военный опыт и не только у нас. Вы знаете, что и гатчинское выступление Керенского и Краснова вначале развертывалось довольно успешно, что оно не сразу было остановлено.

Наша Красная гвардия, которая была храброй, беззаветно преданной революции, еще далеко не овладела техникой военного дела в первые дни. Достаточно вам привести такого рода пример, что когда от меня потребовали, чтобы я в Кремле (а я был послан 26 октября в Кремль первым временным комиссаром Кремля) нагружал винтовки на грузовики, то никто не позаботился вне Кремля о том, чтобы эти грузовики могли добраться с

оружием от Кремля до совета. Обстановка была такая, что наши грузовики выезжали через Троицкие ворота (Боровицкие, Спасские, Никольские были закрыты), а манеж занимали юнкера Керенского. И грузовики, нагруженные мною в Кремле винтовками и выезжавшие из Троицких ворот, тут же перехватывались юнкерами. В Кремле сидел полковник Рябцев, и чтобы выйти из Кремля, надо было получить пропуск из штаба Рябцева, а чтобы проникнуть в Кремль, надо было получить пропуск от Военно-революционного штаба Московского совета. Это характеризует обстановку, какая тогда была в Москве. У отдельных товарищей были колебания, когда отдельные товарищи вели длинные переговоры с Викжелем, с городской думой, где сидел штаб эсера Руднева, фактически белогвардейский штаб. Эти колебания, проявленные тогда группой Ногина и рядом других товарищей, сыграли, конечно, отрицательную роль, затянули несколько борьбу. Но нельзя рассматривать дело так, что Октябрьская революция была однодневным актом: вчера еще была буржуазная власть, а сегодня власть советов. Нет, борьба была очень сложной и затяжной.

Социалистическая пролетарская революция в деревне происходила значительно позже. Это, конечно, не значит, что она была *отделена* от пролетарской революции в городах. Начавшись в городах, она прокатилась волной по всей стране. И Ленин неоднократно писал и говорил об Октябрьской пролетарской революции в деревне летом и осенью 1918 года. Не буду цитировать подробно, сошлюсь на статью Ленина «Пролетарская революция и ренегат Каутский», где он говорит, что тем, что мы встали на путь организации комитетов бедноты в 1918 г., «мы потеряли сотни левых эсеров, бесхарактерных интеллигентов и кулаков из крестьян, мы приобрели миллионы представителей бедноты.

Через год после пролетарской революции в столицах наступила под ее влиянием и при ее помощи пролетарская революция в деревенских захолустьях, которая окончательно укрепила советскую власть и большевизм, окончательно доказала, что внутри страны нет силы против нее.

Завершив буржуазно-демократическую революцию вместе с крестьянством вообще, пролетариат России перешел окончательно к революции социалистической, когда ему удалось расколоть деревню, присоединив к себе ее пролетариев и полупролетариев, объединить их против кулаков и буржуазии, в том числе крестьянской буржуазии»*.

На VIII съезде партии Ленин касается этого же вопроса — социалистической революции в деревне—и говорит, что «наша революция до организации комитетов бедноты, т. е. до лета и даже до осени 1918 года, была в значительной мере револю-

* Ленин. Т. XXIII, стр. 393—394.

цией буржуазной. Мы этого сказать не боимся... Но когда стали организовываться комитеты бедноты, — с этого момента наша революция стала революцией пролетарской... Комитеты бедноты были переходной ступенью... И когда мы увидели, что в деревне, летом 1918 г., началась и произошла Октябрьская революция, только тогда мы стали на свой настоящий пролетарский базис, только тогда наша революция не по декламациям, не по обещаниям и заявлениям, а на деле стала пролетарской»*.

На первом съезде земельных отделов, комитетов бедноты и коммун Ленин также высказал эту мысль.

Эти высказывания Ленина по поводу характера и хода нашей Октябрьской революции в деревне настолько важны, что вы не посетуйте на меня за обширные цитаты.

«Первая стадия, первая полоса в развитии нашей революции после Октября была посвящена главным образом победе над общим врагом всего крестьянства, победе над помещиками.

Вы все прекрасно знаете, товарищи, как еще Февральская революция — революция буржуазии, революция соглашателей — эту победу над помещиками крестьянам обещала, как она своего обещания не выполнила. Только октябрьский переворот, только победа рабочего класса в городах, только советская власть дала возможность на деле очистить всю Россию, из конца в конец, от язвы старого крепостнического наследия, старой крепостнической эксплоатации, от помещичьего землевладения и гнета помещиков над крестьянством в целом, над всеми крестьянами без различия.

На эту борьбу против помещиков не могли не подняться и поднялись в действительности все крестьяне. Эта борьба объединила беднейшее трудящееся крестьянство, которое не живет эксплоатацией чужого труда. Эта борьба объединила также и наиболее зажиточную и даже самую богатую часть крестьянства, которая не обходится без наемного труда.

Пока еще наша революция была занята этой задачей, пока нам приходилось еще напрягать все силы на то, чтобы самостоятельным движением крестьян при помощи городского движения рабочих власть помещиков была действительно сметена и окончательно уничтожена, — до тех пор революция оставалась общекрестьянской и поэтому не могла выйти из рамок буржуазных»**.

Конечно, это не значит, что она в этот период нигде не затрагивала кулака. Кое-где уже в этот период происходит резкое расслоение, но основное содержание революци в этот период было именно таким, как его характеризует Ленин:

«Она еще не трогала более сильного, более современного врага всех трудящихся — капитала. Она грозила поэтому кончиться

* Ленин. Т. XXIV, стр. 125.
** Ленин. Т. XXIII, стр. 420—421.

также половинчато, как кончилось большинство революций в Западной Европе, где временным союзом городских рабочих и всего крестьянства удавалось смести монархию, смести остатки средневековья, смести более или менее дочиста помещичье землевладение или помещичью власть, но никогда не удавалось подорвать самих основ власти капитала.

И вот к этому, гораздо более важному и более трудному делу стала переходить с лета и осени текущего года наша революция. Волна восстаний контрреволюционеров, которая поднялась летом текущего года, когда к походу на Россию западно-европейских империалистов, к походу их наемников — чехо-словаков — присоединилось все, что есть эксплоататорского и угнетательского в русской жизни. И эта волна пробудила новые веяния и новую жизнь в деревне.

Все эти восстания объединили на практике в отчаянной борьбе против советской власти и европейских империалистов и их наемников — чехо-словаков—и все, что оставалось в России еще на стороне помещиков и капиталистов. А за ними восстали и все деревенские кулаки.

Деревня перестала быть единой. В той деревне, в которой, как один человек, беднота боролась против помещиков, возникли два лагеря: лагерь трудящегося беднейшего крестьянства, которое вместе с рабочими твердо продолжало итти к осуществлению социализма и переходило от борьбы против помещиков к борьбе против капитала, против власти денег, против кулацкого использования великого земельного преобразования, и лагерь более зажиточных крестьян. Эта борьба, отколов окончательно от революции имущие, эксплоататорские классы, перевела нашу революцию на те социалистические рельсы, на которые рабочий класс городов твердо и решительно хотел ее поставить в Октябре, но на которые он никогда не сможет победоносно направить революцию, если не найдет сознательно, твердо сплоченной поддержки в деревнях»*.

С точки зрения развития социалистической революции этот период—лето и осень 1918 г.,—следовательно, имел исключительно важное значение. Подытоживая эту картину развития классовых отношений с деревней, Ленин говорил на этом съезде:

«Вот в чем значение переворота, который произошел в нынешнее лето и в нынешнюю осень по самым глухим закоулкам деревенской России, который не был шумен, не был так наглядно виден и не бросался так всем в глаза, как октябрьский переворот прошлого года, но который имеет еще несравненно более глубокое и важное значение»**.

Он высказывал эту мысль в другой форме и в статье «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции», где он под-

* Ленин. Т. XXIII, стр. 421.
** Ленин. Т. XXIII, стр. 421—422.

черкивает вновь, как и в статье «Ренегат Каутский», что Октябрьская революция доделала мимоходом буржуазно-демократическую революцию, что буржуазно-демократическая революция была «побочным продуктом социалистической пролетарской революции». Если я остановился на этих статьях так подробно, то потому, что они имеют очень большое значение для темы моего доклада — «О движущих силах Октября». Мы должны были произвести этот раскол в деревне во имя социалистической революции. Кулак не мог итти вместе с нами во имя социалистической революции. Для того, чтобы отобрать землю у помещиков, за нами шли даже богатые пользующиеся наемным трудом крестьяне, но на путь социалистической революции они встать не могли.

Что дала революция в смысле нового опыта, которого не имела до сих пор международная революция? Ленин неоднократно сравнивал советскую власть, советское государство с государством, которое пыталась создать Парижская коммуна. Но Парижская коммуна была движением мелкобуржуазных и пролетарских масс в эпоху, когда капитализм еще не созрел для перехода к социализму. Парижская коммуна организовалась тогда, когда пролетариат еще не имел своей партии, коммунистической партии, способной вести за собой массы на путь социалистического преобразования общества. Парижская коммуна просуществовала несколько недель. Она пыталась осуществить свою программу, она показала возможность организации нового типа государства, она дала толчок могучему движению новой эпохи.

Октябрьская революция 1917 года, которая передала власть в руки пролетариата на пространстве одной шестой части земного шара, обеспечила построение нового типа государства — советского. Пролетарское государство является самым мощным государством, опирающимся действительно на сочувствие, на поддержку такого широкого социалистического базиса, как 15 миллионов крестьянских хозяйств, вошедших в колхозы, как десятки миллионов рабочих города и села. Пролетарское государство создало высокую техническую базу для социалистического переустройства. Пролетарское государство отстояло страну советов от интервенции всех капиталистических государств, от всякого рода покушений на пролетарскую диктатуру. Это пролетарское государство являет собой новый образец государства, новый тип.

«Советский строй, — писал Ленин в статье «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции», — есть именно одно из наглядных подтверждений или проявлений этого перерастания одной революции в другую. Советский строй есть максимум демократизма для рабочих и крестьян и в то же время он означает разрыв с буржуазным демократизмом и возникновение нового, всемирного исторического типа демократизма, а

именно: пролетарского демократизма или диктатуры пролетариата»*.

Опыт восстания 1917 года неразрывно связан с опытом восстания 1905 года, с его ошибками и поражениями, которые были учтены нами, с восстанием февраля — марта 1917 года, когда массы еще доверяли соглашательским партиям. Этот опыт восстания, когда одна партия против всех руководит пролетариатом, сплачивает вокруг него широкие массы, является примером для пролетариата всех стран. Большевизм не национальное явление, не только для России существует большевизм. Большевизм есть глубоко международное явление. Интернационализм большевизма доказан всей его тридцатилетней историей. Эта тридцатилетняя история большевизма сейчас, в свете опыта пятнадцатилетия Октября, в свете октябрьского восстания, еще больше внедряется в сознание каждого сознательного пролетария, каждого трудящегося, который ставит перед собою вопрос о выходе из тисков империализма.

Именно опыт Октябрьской революции показал, как надо пролетарской партии бороться за влияние на массы.

Тов. Сталин отмечает, что история нашей партии в 1917 г. по сути дела заключается в том, что она боролась на протяжении этих месяцев с февраля — марта по октябрь за то, чтобы вырвать массы рабочих и крестьян из-под влияния мелкобуржуазных партий. Разве не стоит эта задача перед любой коммунистической партией? Разве не является сейчас источником слабости всех наших братских компартий недостаточное умение отвоевывать пролетарские массы, прежде всего, мелкобуржуазные массы, из-под влияния социал-демократии? Разве так же, как у нас в 1917 году, социал-демократы и эсеры—эти партии II интернационала, которые являлись пособниками буржуазной диктатуры, — не являются теперь главным и основным препятствием пролетариата в других странах в деле освобождения масс на путях пролетарской революции? Вот почему наш опыт, опыт борьбы с меньшевиками и эсерами, есть опыт величайшего международного значения.

Мы показали, в какой форме может быть осуществлена пролетарская диктатура в стране с преобладающей массой крестьянства. Это было одним из главных пунктов сомнения тех, кто нас критиковал: в такой сугубо-крестьянской стране, как Россия, где крестьянство составляет громадное большинство, а пролетариат очень незначительное меньшинство, — как же пролетариат будет осуществлять пролетарскую диктатуру? Мы показали опыт осуществления пролетарской диктатуры, как союза рабочего класса и беднейшего крестьянства с середняцким крестьянством в деле переустройства, переделки хозяйства мелкотоварного, индивидуального хозяйства в социалистическое — коллективное.

* Ленин. Т. XXVII, стр. 26.

Самый выход из войны, когда мы показали на деле, что выход из империалистической войны возможен только на путях превращения войны империалистической в войну гражданскую, имел громадное воспитательное значение. Если в течение стольких лет передышка наша не кончилась, если, несмотря на целый ряд противоречий, на глубокое озлобление всех капиталистов против Советского союза, они не сумели сговориться для совместного нападения на Советский союз для новой войны, — то разве не играет здесь большую роль боязнь того, как бы эта новая империалистическая война не обратилась в гражданскую войну? А мы показали, как это делается и что это значит.

Ни в одной стране пролетариат не имел опыта социалистического строительства. Ленин правильно отмечал: «У нас было только общее знание пути, направления силы, которые могут нам помочь в деле построения социалистического общества, а самого опыта построения социализма у нас не было». А мы имеем теперь опыт миллионов. И разве этот опыт миллионов не составляет самое ценное из того, что дали эти 15 лет? Разве при всех наших ошибках, которые у нас были за эти 15 лет, неизбежных в таком большом новом деле, в такой сложной обстановке, международной и внутренней, в такой отсталой стране, какой была Россия после 1917 года, разве этот величайший опыт построения социалистического общества, когда мы подвели фундамент под социалистическое общество, когда мы смогли накануне XV годовщины поставить на XVII партконференции задачу построения бесклассового общества, задачу ликвидации, выкорчевывания элементов капитализма из экономики и сознания людей в ближайшие пять лет, — разве это не войдет как одно из ценнейших завоеваний международной революции трудящихся всего мира?!

Возьмите такие вопросы, как вопрос о победе социализма в одной стране. Кто всерьез станет оспаривать эту возможность? Разве, если бы победила сейчас пролетарская диктатура в Германии, имел бы какой-нибудь смысл этот спор? Конечно, нет.

После опыта победоносного строительства социализма в нашей стране, когда не только теоретически мы разбили наших противников, но показали на деле, что социализм перестал быть иконой, что мы перенесли его в повседневную жизнь, разве сейчас всякая коммунистическая партия в любой стране капитализма, взявши власть, не перешла бы немедленно к построению социалистического общества? На примере отсталых областей бывшей царской России мы показали целому ряду более отсталых стран возможность, минуя стадию капиталистического развития, перейти к построению социалистического хозяйства.

Возьмите аграрный — крестьянский — вопрос, необычайно сложный в нашей стране, вопрос, который стоял перед всеми политическими партиями в России. Только наша партия, партия большевиков, могла его разрешить так, что это решение было

поддержано десятками миллионов крестьян, подавляющим большинством крестьянства и что мы от социализации земли, на которую мы согласились в начале революции, могли перейти к сплошной коллективизации сельского хозяйства. Разве это не величайшее завоевание международного значения, которое показывает всем нашим братским компартиям путь к победе пролетарской революции, путем привлечения на свою сторону значительных слоев беднейшего крестьянства в отдельных странах, фермеров, как в Америке, разоряемых капитализмом, выбрасываемых им в ряды пролетариата и в ряды пауперов-нищих?

Разве не разрешила Октябрьская революция национальный вопрос так, как не могла разрешить его ни одна революция? Россия была страной, которую называли тюрьмой народов. Десятки национальностей, вымиравших, бесправных, не имевших права говорить, учиться, читать книги на своем родном языке, смогли благодаря пролетарской революции приобщиться к строительству социализма, к созданию своей культуры — национальной по своей форме, социалистической по содержанию.

Революция поставила перед собой большие задачи. Какая была цель революции? Тов. Сталин определяет цель революции в «Основах ленинизма» так:

«Упрочить диктатуру пролетариата в одной стране, используя ее как опорный пункт для свержения капитализма во всех странах. Революция выходит за рамки одной страны. Началась новая эпоха.

Основные силы революции: диктатура пролетариата в одной стране, революционное движение пролетариата во всех странах.

Главные резервы: полупролетарские и мелкокрестьянские массы в развитых странах, освободительное движение в колониях и зависимых странах.

Направление основного удара: изоляция мелкобуржуазной демократии, изоляция партий II интернационала, представляющих собой основную опору политики соглашения с империализмом.

План расположения сил: союз пролетарской революции с освободительным движением колоний в зависимых странах».

Вот прошло 15 лет. Что произошло за это время?

Мы имели во многих странах целый ряд пролетарских восстаний, подавленных, разбитых. Но Ленин правильно указывал, что разбитые армии хорошо учатся, и пролетарские разбитые армии, конечно, усвоят уроки этой учебы. Мы глубоко убеждены в том, что если сейчас в Германии 5 мил. 300 тыс. человек голосуют за Тельмана, то они голосуют не только за Тельмана, но вместе с тем за Ленина, за пролетарскую революцию, за победу социализма.

Освободительное движение в колониях и полуколониях, целиком идущее в основном под лозунгами Октябрьской революции, говорит об огромном влиянии и значении Октября. Разве мы не имеем фактов существования советов в Китае на одной

седьмой части китайской территории в течение продолжительного времени? Это является доказательством того, что советская система применима не только в нашей стране, но в самых разнообразных условиях, в других странах. И то, что соединенные силы империалистов в течение нескольких лет не могут разгромить китайскую красную армию, то; что она черпает новые и новые силы из живого источника пролетарских и крестьянских масс, свидетельствует лучше всего том, что наша революция усвоена не только миллионными массами в нашей стране и в передовых капиталистических странах Европы и Америки, но усвоена трудящимися массами колониальных и полуколониальных стран Востока, а это решает в основном судьбу мировой пролетарской революции.

Мы никогда не забывали о том, что революция наша есть только начало мировой пролетарской революции. Набрасывая проект программы VII съезда партии, Ленин в черновике так отмечает основу международной политики нашей партии: «Поддержка революционного движения социалистического пролетариата в передовых странах и в первую голову пропаганда, агитация, братания, беспощадная борьба с оппортунистами и социал-шовинизмом, поддержка демократического и революционного движения во всех почти странах, особенно в колониях. Федерация, как переход к добровольному слиянию».

Может показаться странным, что в начале декабря 1917 года Совнарком издал такого рода декрет:

«Принимая во внимание, что советская власть стоит на почве принципов международной солидарности пролетариата и братства трудящихся всех стран в борьбе против войны империализма, что может только в международном масштабе привести к полной победе, Совнарком считает необходимым притти всеми возможными средствами на помощь левому и интернациональному крылу рабочего движения всех стран».

А дальше идет речь о том, что Совнарком ассигнует такую-то сумму денег на поддержку левого интернационального крыла. Это писалось тогда, когда у нас не было Коммунистического интернационала и наши братские партии не были такими сильными партиями, какими они являются сейчас. Тогда в Германии была лишь небольшая группа «Спартак» — Либкнехта, Р. Люксембург; в ряде других стран эти группки были ячейками зарождавшегося Коммунистического интернационала. А сейчас, через 15 лет, нет страны, где бы не было коммунистической партии.

Октябрьская революция не только дала мощный толчок к созданию таких партий. Она была почвой, на которой вырастали эти партии. Она давала каждый день силу пропаганде и агитации за Коммунистический интернационал и она сейчас является источником вдохновения, надежды всех угнетенных, всех трудящихся во всем мире, именно потому, что она дала новый тип движения, дала направление массам на путь социализма.

Программа нашей партии прямо указывает на то, что «только пролетарская социалистическая революция может вывести человечество из тупика, созданного империализмом и империалистическими войнами. Каковы бы ни были трудности революции и возможные временные неуспехи ее, или волны контрреволюции, окончательная победа пролетариата неизбежна»*. Эта победа мировой пролетарской революции требует полнейшего доверия, теснейшего братского союза и возможно большего единства революционных действий рабочего класса в передовых странах.

Вот, что дала Октябрьская революция. Я думаю, что вы, проследив за революционным движением любой страны, даже за реформами, которые были произведены в этих странах, увидите, что эти реформы производились или под давлением страха перед социалистической революцией, для того, чтобы создать против нее барьер, или под влиянием того же страха против социалистической революции в форме уступок крестьянам в отдельных областях для компромиссного разрешения аграрного и др. вопросов.

Конечно сейчас еще капитализм достаточно силен для того, чтобы задерживать ход мировой пролетарской революции. Если Октябрьская революция дала громадный толчок этому движению, то Ленин должен был отмечать на первых шагах, что она еще сделала полдела. Он отмечает в речи на торжественном заседании пленума Московского совета 6 ноября 1930 г. «К трехлетней годовщине пролетарской революции», что:

«Мы все время знали и не забудем, что наше дело есть международное дело, и пока во всех государствах,—в том числе в самых богатых и цивилизованных, — не совершится переворота, до тех пор наша победа есть только половина победы, или, может быть, меньше»**.

Чем мы можем ускорить эту победу? Мы начали борьбу в октябрьские дни, когда еще достаточно сильно было влияние помещиков и капиталистов, сильно не только в нашей стране, оно было сильно международной поддержкой империализма. Нас пугали трудностями. Нас было — Ленин подсчитал — 250.000 членов партии. Я. М. Свердлов по своей записной книжке подсчитал 400.000 членов партии, статистический отдел ЦК партии считает примерно 175.000. У нас были заводы, где ячейки составляли 20—30—40 человек и т. д.

На 1 января этого года наша партия насчитывала 3.130.000 членов и кандидатов, кроме Красной армии. К октябрьской годовщине мы подходим с армией в 4.000.000 членов и кандидатов нашей партии. Комсомол, который был организован на шестом съезде партии и к октябрьским дням насчитывал десятки тысяч в своих рядах, подходит к октябрьской годовщине шестимиллионной колонной молодых большевиков.

---

* Ленин. Т. XX, стр. 293.

** Ленин. Т. XXV, стр. 474.

Нас 10 миллионов молодых и старых большевиков, проникнутых глубокой верой в победу нашего дела, проникнутых уверенностью, что дело Октябрьской революции, начатое 15 лет назад, будет закончено мировой пролетарской революцией.

Но для того, чтобы мы могли выполнить такую огромную задачу, организовать такую силу, мы должны были разгромить троцкизм и правый оппортунизм, изгнать троцкистов из наших рядов, закалить партию в борьбе против всех видов оппортунизма. И эта наша борьба имеет глубоко международное значение.

Силы мировой пролетарской революции были тогда, 15 лет назад, неизмеримо малы, если их сравнить с тем, что они представляют в настоящее время. То, что 15 лет, как несокрушимая крепость стоит страна советов, страна пролетарской диктатуры, очаг строительства социализма на земном шаре, является фактом, который революционизирует весь мир. Накануне империалистической войны капитализм мечтал, что он, произведя раздел мира, сумеет развить в гигантских размерах силы капитализма, что он расправится тогда с революционным движением. Ему действительно удалось после войны временно стабилизироваться, ему действительно удалось на время подавить первый тур пролетарских революций и восстаний. Но он уже не в силах остановить начавшееся движение.

Стоя на пороге пятнадцатилетней годовщины Октября, построив фундамент социалистического общества, организовав на 80% всей посевной площади коллективное социалистическое хозяйство, мы выполнили гигантский план электрификации и подвели новую техническую базу под наше социалистическое хозяйство. Мы исполнены решимости и уверенности в нашей победе. Сегодня капиталистический мир переживает период распада, развала, период глубочайшего кризиса, означающего конец капиталистической стабилизации, означающего начало нового тура империалистических войн и пролетарских революций. Наша международная задача заключается в том, чтобы мы так работали, так сплотились вокруг нашего ленинского ЦК во главе с тов. Сталиным, чтобы мы так укрепили свое хозяйство, чтобы миллионные массы видели, что у них действительно есть только один путь — путь мировой пролетарской революции, путь Октября, чтобы они отшвырнули прочь протягивающих к ним руки социал-демократов, чтобы они организовались для плебейской расправы с классовыми врагами, чтобы они могли нанести смертельный удар мировому империализму. И мы глубочайше убеждены в том, что ближайшие годы будут годами еще большего укрепления социализма в нашей стране, что они в то же время будут годами величайших классовых боев во всем мире. И в этих величайших классовых боях победит знамя нашей Октябрьской революции — знамя Коммунистического интернационала.

Да здравствует мировая Октябрьская революция!

ХРОНИКА ОКТЯБРЬСКОГО ПЕРЕВОРОТА *

24 (6) октября

Временное правительство в ночь на 24 октября приступило к осуществлению принятых решений. Все юнкерские училища были приведены в боевую готовность. Стоявший на Неве крейсер «Аврора» с большевистски настроенной командой ночью получил правительственный приказ выйти в море. Министр юстиции Малянтович предписал судебным властям начать официальное расследование деятельности военно-революционного комитета Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. По распоряжению Временного правительства закрыты газеты: «Рабочий путь» (орган ЦК РСДРП(б), «Солдат» (орган военной организации ЦК РСДРП(б), разбиты стереотипы, типография и 8.000 номеров газеты запечатаны.

Штабом военного округа изданы и опубликованы приказы: об отстранении и предании военному суду комиссаров Петроградского совета, о воспрещении частям гарнизона выступать из казарм без приказа штаба округа, о доставке автомобилей в распоряжение штаба округа. Комиссаром Петроградского военного округа опубликовано воззвание с призывом сохранять спокойствие. Министром внутренних дел Никитиным разослана губернским комиссарам Временного правительства телеграмма о подавлении всяких попыток захвата власти.

В 12 часов дня в Зимний дворец прибыл женский добровольческий батальон. Около 3 часов дня на Дворцовую площадь прибыла легкая кавалерия. Нарядами юнкеров заняты правительственные учреждения, вокзалы, мосты через Неву; на углах больших улиц выставлены пикеты, которым предписано реквизировать автомобили. Днем по приказу главнокомандующего округом были разведены все мосты через Неву, соединяющие окраины с центром города, и выключены телефоны Петроградского совета в Смольном.

Вооруженные юнкера в ночь на 25 октября явились в дом № 6 по Финляндскому проспекту для ареста Ленина и редакции газеты «Рабочий путь», но были сами арестованы Красной гвардией.

В Казани юнкера с броневиками напали на 2-й артиллерийский дивизион и обезоружили его.

* «Правда», 1927 г.

Военно-революционный комитет выпускает к населению Петрограда обращение о возможности погромов и приводит список войсковых частей, где находятся комиссары ВРК, к которым надо обращаться за помощью: «Петроградский совет берет на себя охрану революционного порядка от контрреволюционных и погромных покушений».

ВРК разослано всем комиссарам и полковым комитетам гарнизона «Предписание» № 1: «Петроградскому совету РСД грозит опасность. Из окрестностей ночью контрреволюционные заговорщики пытались вызвать юнкеров и ударные батальоны. Закрыли газеты «Солдат» и «Рабочий путь». Предписываем вам привести полк в положение боевой готовности и ждать дальнейших распоряжений. Всякое промедление или неисполнение приказа будет считаться изменой революции».

Военно-революционный комитет предложил всем комитетам, комиссарам и революционным организациям «заседать непрерывно, сосредоточивая в своих руках все сведения о планах и действиях врага, всем солдатам быть неотлучно в своих частях, корниловские эшелоны задерживать силой, крейсеру «Аврора» навести разведенный по приказу Полковникова Николаевский мост».

Воинские части, на которые полагается Временное правительство, отказываются ему подчиняться: самокатчики снялись с караула Зимнего дворца; 5-й самокатный батальон, вызванный Временным правительством с фронта, обращается за разъяснением к совету; кронштадтский военно-сухопутный комитет отдает себя в распоряжение совета.

Начинается. В 5 час. дня комиссары ВРК Пестковский и Лещинский заняли телеграф. В 9 час. веч. комиссар ВРК Старк с отрядом матросов занял Петроградское телеграфное агентство (ПТА). Ночью Бонч-Бруевич установил цензуру «Известий ЦИК» и «Известий совета кр. деп.» и запретил печатать приказы штаба округа. ВРК дана в Кронштадт телефонограмма, предписывающая революционным силам Кронштадта выступить утром 25 октября в Петроград на защиту съезда советов. Дана условная телеграмма в Гельсингфорс о высылке воинских отрядов в Петроград на поддержку восстания.

В Москве на партконференции большевиков решено создать военно-революционный комитет.

На соединенном заседании Московских советов рабочих и солдатских депутатов принят устав московской Красной гвардии.

На заседании ЦК партии решено: делегировать т. Бубнова на железные дороги для налаживания связи, т. Дзержинского — на почту и телеграф, т. Милютина — на организацию продовольственного дела, т. Свердлову поручить организацию наблюдения за Временным правительством и его распоряжениями, тт. Каменеву и Винтер (Берзину) — переговоры с левыми эсерами.

Меньшевики и правые эсеры попрежнему против восстания. Меньшевик Гвоздев в предпарламенте «от имени пролетариата» (?!) заявляет, что рабочий класс не примет участия в восстании.

25 (7) октября

В ночь на 25 ВРК перешел в решительное, открытое наступление.

В 2 часа ночи заняты Николаевский и Балтийский вокзалы, некоторые мосты и осветительные учреждения.

В 3 часа 30 минут ночи Николаевский мост занят моряками с «Авроры».

В 6 часов утра занят Государственный банк.

В 7 часов утра заняты телефонная станция и Дворцовый мост.

В 8 часов утра — Варшавский вокзал.

Керенский мечется в поисках подкреплений и не находит их.

В 11 часов утра освобождены из Крестов большевики Рошаль, Хаустов, Толкачев и др.

В Зимнем дворце беспрерывное заседание Временного правительства.

На Кишкина возложены исключительные полномочия по водворению в столице «порядка». Полковников смещен и заменен генералом Багратуни.

После 12 часов дня отряды военно-революционного комитета начинают окружать Мариинский дворец (предпарламент).

Около часу дня Мариинский дворец занят, предпарламент разогнан.

Занят Невский проспект Павловским полком.

Около 2 часов дня прибыли из Кронштадта суда с 5.000 матросов.

Началась высадка матросов на берег для участия в осаде Зимнего дворца.

В 3 часа 35 минут открыто заседание Петроградского совета. Выступил Ленин.

«Товарищи! — сказал он, — рабочая и крестьянская резолюция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась.

Какое значение имеет эта рабочая и крестьянская революция? Прежде всего, значение этого переворота состоит в том, что у нас будет советское правительство, наш собственный орган власти, без какого бы то ни было участия буржуазии. Угнетенные массы сами создают власть. В корне будет разбит старый государственный аппарат и будет создан новый аппарат управления в лице советских организаций.

Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма.

Одной из очередных задач наших является немедленная ликвидация войны. Но для того, чтобы окончить эту войну, тесно связанную с нынешним капиталистическим строем, — ясно всем, что для этого необходимо побороть самый капитал.

В этом деле нам поможет то всемирное рабочее движение, которое уже начинает развиваться в Италии, Англии и Германии.

Справедливый немедленный мир, предложенный нами международной демократии, повсюду найдет горячий отклик в международных пролетарских массах. Для того, чтобы укрепить это доверие пролетариата, необходимо немедленно опубликовать все тайные договоры.

Внутри России громадная часть крестьянства сказала: «довольно игры с капиталистами, мы пойдем с рабочими».

Мы приобретаем доверие со стороны крестьян одним декретом, который уничтожит помещичью собственность. Крестьяне поймут, что только в союзе с рабочими спасение крестьянства.

Мы учредим подлинный рабочий контроль над производством.

Теперь мы научились работать дружно. Об этом свидетельствует только-что происшедшая революция. У нас имеется та сила массовой организации, которая победит все и доведет пролетариат до мировой революции.

В России мы должны сейчас заняться постройкой пролетарского социалистического государства.

Да здравствует всемирная социалистическая революция!»*

Принята резолюция об успешности восстания, о немедленном предложении мира, о немедленной передаче помещичьей земли крестьянству.

В четвертом часу заняты Полицейский мост и Казанская площадь.

В пятом часу проводится окружение Зимнего дворца и занято помещение военного министерства.

В 9 часов вечера начинается обстрел Зимнего.

В 10 часов 40 минут вечера открылся II съезд советов.

В 2 часа 10 минут ночи Зимний занят, Временное правительство арестовано, офицеры и юнкера обезоружены и отпущены под честное слово, что не будут выступать против советской власти.

Ночью возобновлено заседание съезда советов, на котором декретирован переход власти на местах к советам.

Контрреволюция ночью организует Комитет спасения родины и революции.

Левые эсеры — за захват власти, за единый революционный фронт, но против резкого осуждения колеблющихся; участвова-

---

* Впервые эта речь была напечатана в «Известиях Петербургского совета рабочих, солдатских депутатов».

ли в ВРК и работах съезда советов (дали представителей в президиум съезда).

Эсдеки-интернационалисты (новожизненцы) — за создание социалистического правительства; остались на съезде.

ПЛС (левица) остались на съезде.

Меньшевики-интернационалисты (группа Мартова) — против захвата власти, так как «этот переворот грозит вызвать кровопролитие и междоусобие»; за мирное разрешение конфликта: «Соглашение между восставшей частью демократии и остальными демократическими организациями об образовании демократического правительства, которое было бы признано всей революционной демократией и которому могло бы сдать власть Временное правительство безболезненно»; дважды заявили об уходе со съезда — второй раз об окончательном уходе на заседании съезда 26 октября.

Меньшевики (и Бунд) — против захвата власти, за «переговоры с Временным правительством об образовании власти, опирающейся на все слои демократии»; отозвали своих представителей из Петроградского совета, ушли со съезда советов, вошли в Комитет спасения родины и революции. Петроградский комитет меньшевиков-оборонцев выпустил воззвание, в котором призывает граждан сплотиться вокруг Временного правительства и отстоять его.

Правые эсеры — против захвата власти, за организацию сил, «в предвидении взрыва народного возмущения, неизбежного вследствие долженствующего обнаружиться краха большевистских обещаний..., дабы при грядущей катастрофе взять судьбы страны в свои руки»; ушли со съезда, вошли в Комитет спасения. ЦК ПСР предложил членам партии эсеров выйти из ВРК.

Народные социалисты (н. с.) и социал-демократическая группа «Единство» (группа Плеханова) вошли в Комитет спасения.

В Москве организован военно-революционный комитет.

Военно-революционный комитет дает распоряжение о занятии вокзала, арсенала, почты, телеграфа, госбанка и типографий.

Начинается разоружение юнкеров.

В Иванове-Вознесенске военно-революционный штаб занимает ж.-д. станцию, телеграф и телефон.

В Орехове-Зуеве то же.

В Богородске, Московской губ., власть переходит в руки совета.

В Казани юнкера и броневики сдаются.

26 (8) октября

Революция победила. В ночь на 26 октября организован временный военный штаб. Военно-революционный комитет отдал распоряжение не допускать никаких передвижений войск в на-

правлении к Петрограду. Всероссийский съезд советов выпустил обращение «К фронту», предлагавшее всем армиям создать временные революционные комитеты, на которые возложить ответственность за сохранение революционного порядка на фронте. Военно-революционный комитет Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов издал приказ об открытии всех торговых заведений и о переходе под контроль военно-революционного комитета пустующих помещений и жилых квартир.

Организация советского правительства. Целый день шло совещание ЦК партии большевиков и большевистской фракции съезда советов о создании советского правительства. Фракция левых эсеров отвергла предложение большевиков войти в состав формируемого правительства. По предложению Ленина принято решение о создании правительства в составе одних большевиков.

Вечером состоялось последнее заседание всероссийского съезда советов. Решены вопросы: о мире, земле, и создано временное рабоче-крестьянское правительство — Совет народных комиссаров.

По вопросу о мире Ленин огласил «Обращение к народам и правительствам всех воюющих стран», подчеркнув, что обращение должно быть направлено именно к правительствам и к народам, так как игнорирование правительств затянуло бы возможность заключения мира. Декрет о мире принят съездом единогласно.

По вопросу о земле Ленин огласил «Декрет о земле», немедленно отменяющий без выкупа помещичью собственность на землю и передающий все земли (помещичьи, удельные, монастырские, церковные) со всем живым и мертвым инвентарем, постройками и принадлежностями в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных советов крестьянских депутатов, и наказ земельным комитетам, устанавливающий уравнительное землепользование, с объявлением земли всенародным достоянием, с правом каждого на землю и воспрещением наемного труда в сельском хозяйстве. «Декрет о земле» принят при 8 воздержавшихся и одном против.

Последним вопросом был вопрос о власти. Фракция большевиков внесла предложение: «Образовать до созыва Учредительного собрания временное рабоче-крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом народных комиссаров», и огласила состав правительства. Против предложения выступили объединенные интернационалисты и левые эсеры. Предложение большевиков принято большинством, и съездом принят декрет об учреждении Совета народных комиссаров. Избран ЦИК в составе 100 человек, из которых 70 большевиков. Утром 27 октября съезд объявлен закрытым.

Контрреволюция не сдается. Керенский с генералом Красновым выехали в Остров (штаб корпуса генерала Краснова). От-

дан приказ о выступлении 3-го корпуса на Петроград. Выступившего на митинге казаков Керенского прерывают грубыми выкриками. Железнодорожники задерживают отправку эшелона казаков. Керенский назначает Краснова командующим армией, идущей на Петроград.

Переход власти в руки советов на местах.

Собрание полковых и ротных комитетов московского гарнизона приняло резолюцию о признании советов единственной властью и о всемерной поддержке петроградских рабочих и солдат.

Объединенное собрание московских профсоюзов присоединилось к платформе военно-революционного комитета.

Конференция фабрично-заводских комитетов Замоскворецкого района, совместно с районным советом, приняла резолюцию о передаче власти советам.

В Ревеле военно-революционный комитет Эстонского края выпустил обращение ко всем солдатам, матросам, рабочим и всему населению Эстонского края с извещением о переходе к нему власти в Эстляндии.

Заседание Псковского совета рабочих и солдатских депутатов совместно с заводскими, ротными и полковыми комитетами постановило немедленно принять меры к остановке казачьих эшелонов, двинутых на Петроград.

Минский совет рабочих и солдатских депутатов издал «Приказ» № 1 о переходе к нему полноты власти в городе и окрестностях.

На общем собрании Киевского совета рабочих и солдатских депутатов провозглашена советская власть в Киеве, избран военно-революционный комитет.

В Екатеринославе шесть тысяч рабочих Брянского завода и 2.500 рабочих ж.-д. депо, главный дорожный комитет ж.-д. союза Екатеринославской ж. д., 228-й и 271-й полки, рабочие печного и эстампного завода в Нижне-Днепровске вынесли резолюцию о полной поддержке Петроградского совета с требованием, чтобы Екатеринославский совет немедленно взял власть в городе в свои руки.

В Казани вся власть перешла в руки совета. Командующим войсками округа назначен член военно-революционного комитета; выпущено воззвание к населению.

В Екатеринбурге по получении сообщения о свержении Временного правительства исполнительный комитет совета рабочих и солдатских депутатов объявил себя единственной властью в городе.

В Уфе исполнительный комитет совета рабочих и солдатских депутатов с представителями совета крестьянских депутатов принял решение немедленно взять власть в свои руки.

ОКТЯБРЬСКИЕ БЮЛЛЕТЕНИ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА БОЛЬШЕВИКОВ*

БЮЛЛЕТЕНЬ ЦК РСДРП (БОЛЬШЕВИКОВ) № 1.

В виду того, что газеты не доходят и телеграммы не передаются, ЦК для осведомления решил рассылать бюллетени о положении дел.

Демократия в лице рабочих и солдат идет за нами, а потому сила в наших руках, но мелкая буржуазия и чиновничество идут против нас, саботируют и бойкотируют Военно-революционный комитет и комиссаров, так что технический аппарат не в наших руках. Также саботируют нас телеграфисты: не передают наших телеграмм. Часть гарнизона в Гатчине против нас, а потому было уже столкновение, и надо думать, что подступы к столице придется защищать вооруженной рукой. В Финляндии образована сильная и организованная буржуазная гвардия. Румчерод против нас. В ночь на 29-е в Петербурге юнкера и часть казаков выступили против Революционного комитета, им удалось захватить телефон, два броневика; против них приняты меры. Петербургский гарнизон на стороне Революционного комитета. Керенский с несколькими эшелонами казаков продолжает подступать к Петербургу. Город охраняется гарнизоном и Красной гвардией. В тыл к Керенскому идут войска, ставшие на сторону Ревкома. Северный фронт на стороне Ревкома. В Москве, Минске, Витибске, Уфе, Самаре, Могилеве власть перешла в руки советов.

29 октября 1917 г.

БЮЛЛЕТЕНЬ ЦК РСДРП (БОЛЬШЕВИКОВ) № 2

29 октября ЦК решал вопрос о пополнении ЦИК. Вопрос решен в том смысле, что ЦИК пополняется пропорционально представителями партий, ушедших со съезда советов, а также представителями тех советов, которые отсутствовали, по норме приблизительно один на 125 тыс. Правительство составляется ЦИК и перед ним ответственно. В правительство имеют войти все партии, входящие в совет. Все декреты, изданные до момента соглашения, утверждаются. Всероссийский союз железно-

* Документы впервые были напечатаны в 1921 г. № 1 «Пролетарской революции» с примечаниями т. Бубнова.

дорожников предъявил требование коалиционно-социалистического министерства; в случае отказа враждующих сторон выполнить это требование железные дороги угрожают всеобщей забастовкой. Образована согласительная комиссия, в которую вошли представители ЦИК, ЦК всех партий, Комитета спасения революции, союза железнодорожников, союза почтово-телеграфных служащих. В Петербурге движение юнкеров подавлено.

Было много жертв. В городе спокойно. Заседающий в городской думе Комитет спасения революции издал приказ об аресте членов Ревкома. В Москве юнкера, французские войска снова восстали, идет бой на улицах. По слухам Керенский окружен войсками Ревкома. Корнилов с Керенским сносятся по телефону с Михаилом Александровичем. Вся власть перешла к советам в Крыму (Севастополь, Евпатория, Феодосия). В Симферополе образовался параллельный Комитет спасения революции. Узловые станции Орша, Молодечно, Минск в наших руках. Столичные газеты в провинцию не доходят. Питер плохо осведомлен о провинции. Просим полученные от нас сведения распространять в вашем районе и нас посредством писем информировать о положении дел у вас.

30 октября 1917 года.

БЮЛЛЕТЕНЬ ЦК РСДРП (БОЛЬШЕВИКОВ) № 3

Согласительная комиссия, состоящая из представителей ЦИК, ЦК всех партий, ЦК союза железнодорожников и почтово-телеграфных служащих, ни к какому результату не пришла.

Оборонцы выставили следующие условия:

1) большевики должны объявить, что все полки переходят от Военно-революционного комитета в распоряжение Городской думы;

2) рабочие должны разоружиться и не сопротивляться войскам Керенского;

3) выпустить арестованных Военно-революционным комитетом;

4) распустить Военно-революционный комитет.

На эти условия не согласны большевики, левые эсеры, меньшевики-интернационалисты, меньшевики объединенных интернационалистов, ЦК железнодорожников, Викжель, и почтово-телеграфных служащих колеблется. Общее собрание железнодорожных служащих ст. Званка постановило: стачечного комитета не образовывать и к забастовке не приступать, если она будет объявлена Викжелем. Такие же сведения получены из других пунктов. В городе спокойно. Штат высших телеграфных служащих будет удален; возможно, телеграф временно прекратит работу. Почта функционирует. Офицеры авиационной школы в Лесном пытались разоружить Красную гвардию. В Царском и в Павловске уже наши войска. Три латышских полка за-

няли Гатчину. При штабе Керенского по слухам Войтинский и Савинков. В Москве бой на улицах продолжается. Есть сведения, что в помощь Москве идут войска из ближайших городов. На Урале власть перешла к советам. По слухам Харьков занят Калединым. Телеграфное сношение между Ревелем и Петербургом прервано вследствие порчи проводов. Ревель сносится через Гельсингфорс. В Финляндии настроение бодрое. В Шлиссельбурге образовался уездный Военно-революционный комитет. Избран начальник гарнизона.

31 октября 1917 года.

БЮЛЛЕТЕНЬ ЦК РСДРП (БОЛЬШЕВИКОВ) № 4

ЦК объединенных меньшевиков признал единственным выходом из создавшегося положения образование однородного министерства из социалистов, начиная от н. с. и кончая большевиками. Состоялась петербургская городская конференция эсеров. На ней было 99 левых и 4 правых. Конференция призывает к полному подчинению и содействию комитету Совета народных комиссаров. Фракция эсеров ЦИК приняла такую же резолюцию. Левые эсеры официально заявили о том, что принимают участие во всех работах Рев. комитета. После занятия Царского села у Керенского осталось всего 700 казаков. В наши руки попали тяжелая артиллерия и один блиндированный поезд. Из Луги к Керенскому была прислана помощь в лице казаков и 350 эсеров. Делегаты от лужского гарнизона в Ревкомитете заявили, что они идут против своего совета и, вернувшись к себе, тотчас произведут перевыборы и выкинут всех оборонцев из совета. В течение вчерашнего дня в Военно-революционном комитете были делегаты от 5-й, 1-й, 12-й, 10-й, 2-й, 3-й и 8-й армий с сообщениями о том, что и их армии идут с Петербургским советом и везде вынесены соответствующие резолюции. Отовсюду сведения о бодром настроении. В Москве движение успокаивается. Подошли войска из провинции; между прочим из Ростова-Ярославского прибыла артиллерия, которая и помогает московскому гарнизону справляться с противником. В Петербурге продовольствия имеется на 7 дней. Матросы производят розыски припасов по всему городу и обнаружили уже 80 тысяч пудов муки, 50 тысяч пудов сахара, 30 тысяч пудов капусты. Сегодня в 6 часов утра к казакам должна поехать делегация от петербургских полков и от фронтовиков и предложить им сдаться и не вести борьбы. В Минске после первых дней победы совета ему пришлось потерпеть поражение и уступить главенство контрреволюционному фронтовому комитету, который частью уже переизбран, но не слагает своих полномочий. В виду создавшегося положения армии, переизбравшие уже своих представителей, направляют на Минск свои части, чтобы сместить комитет и передать власть совету. Фронтовый комитет

успел вывезти снаряжение и передать его казакам, окружающим Минск, но оружие в руках у совета. Положение тотчас изменится с приходом фронтовиков. Аналогичное положение в Смоленске. В Орше существуют Военно-революционный комитет и Комитет спасения революции, власть в руках у первого. Вызванный Керенским с фронта полк, узнав в Орше о положении дел, остановился в Орше и несет караульную службу на вокзале, не пропуская контрреволюционеров. Казаки в Орше колеблются. В Саратове было столкновение гарнизона с юнкерами и офицерством (только два офицера остались с гарнизоном). Победа за советом. В Тамбове власть в руках совета, но кадеты распространяют ложные слухи о Питере, и возможно столкновение. Дольше всего упорствовала кавалерия, но пехотинцы заставили ее сдаться, окружив ее. В Вильманстранде в Финляндии казаки волновались, разагитированные представителями казачьих войск. Для успокоения их посланы делегаты от Выборгского совета, армейского комитета и казачьих частей, находящихся в Выборге. В Гомеле совет принял резолюцию о поддержке Петербургского совета, но исполком, избранный на пропорциональных основах, не проводит этого постановления в жизнь. Харьков до воскресенья вечера ничего не слыхал о Каледине. Гарнизон наш очень сильный. С западного фронта сообщают о фактическом перемирии: солдаты с обеих сторон выходят косить осеннюю осоку. Братанья нет.

1 ноября 1917 года.

БЮЛЛЕТЕНЬ ЦК РСДРП (БОЛЬШЕВИКОВ) № 5

Казаки в Гатчине перешли на сторону совета после переговоров с народным комиссаром Дыбенко и представителем 5-й армии. Казацкий дивизионный комитет принял решение срочно закончить гражданскую войну, арестовать Керенского, выдать его в распоряжение Военно-революционного комитета, чтобы предать гласному народному суду. Керенский переодетый бежал. Казаки приняли энергичные меры к его задержанию. Штаб Керенского, Краснов и Войтинский арестованы. Гатчина занята Финляндским полком, там полный порядок. Караул несет Финляндский полк вместе с казаками. В Гатчине 1 ноября организован Военно-революционный комитет, в который вошли казаки-уссурийцы, стоящие на платформе перехода власти советам. Петербургская дума созывается на 8 ноября для воссоздания власти. Сбор представителей городских и земских самоуправлений и исполкома совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. С Урала получены сведения, что там все спокойно. ЦИК принял резолюцию, предложенную фракцией большевиков (40 против 30), о соглашении социалистических партий. ЦИК заявляет, что соглашение может быть достигнуто только на следующих условиях: 1) признание программы советского правитель-

ства, как она выражена в декретах о земле, мире, в обоих проектах о рабочем контроле, 2) признание необходимости беспощадно бороться с контрреволюцией (Керенский, Корнилов, Каледин), 3) признание II всероссийского съезда советов рабочих и солдатских депутатов с участием крестьян единственным источником власти, 4) правительство ответственно перед ЦИК, 5) полное отклонение представительства в ЦИК организаций, не входящих в состав советов, 6) дополнение ЦИК представителями от непредставленных в нем сов. раб., солд. и кр. деп. и всероссийских профорганизаций, как-то: совет проф. союзов, сов. фабр.-зав. комитетов, Викжеля и почтово-телеграфного союза при условии и только после перевыборов Всероссийского совета кр. деп. и тех войсковых организаций, которые не переизбирались за последние три месяца. Разосланы телеграммы от ЦИК, Военно-революционного комитета и Совета народных комиссаров о задержании Керенского. В 12 часов ночи на 1 ноября в Финляндии началась всеобщая политическая забастовка: проведение в жизнь законопроектов, принятых сеймом в июне — июле.

2 ноября 1917 года.

БЮЛЛЕТЕНЬ ЦК РСДРП (БОЛЬШЕВИКОВ) № 6

Меньшевики раскололись. Либер, Скобелев и др. вышли из ЦК. По слухам, раскалываются и эсеры. ЦИК по вопросу о соглашении принял следующую резолюцию: ЦИК считает желательным, чтобы в правительство вошли представители тех социалистических партий и советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые признают завоевания революции 24—25 октября, т.-е. власть советов, декреты о земле, о мире, рабочем контроле и вооружении рабочих. ЦИК постановляет поэтому продолжить переговоры о власти со всеми советскими партиями и настаивает на следующих условиях соглашения. Правительство ответственно перед ЦИК. ЦИК расширяется до 150 человек. К этим 150 делегатам с.-р. и с.-д. добавляется 75 делегатов от губернских крестьянских советов, 80 от войсковых частей и от флота, 40 от профессиональных союзов, 25 от всероссийского профессионального объединения, 10 от Викжеля и 5 от почтово-телеграфных служащих и 50 делегатов социалистических от Петербургской городской думы. В правительстве не менее половины мест должно быть предоставлено большевикам. Министерства труда, внутренних дел и иностранных дел должны быть предоставлены большевистской партии во всяком случае. Распоряжение войсками Московского и Петербургского округов принадлежит уполномоченным Московского и Петербургского совета рабочих и солдатских депутатов.

Правительство ставит своей задачей систематическое вооружение рабочих по всей России. Постановляется настаивать на кандидатуре т. Ленина. Резолюция принимается голосами всех

против 6, при 1 воздержавшемся. Народный комиссар почт и телеграфов увольняет всех контрреволюционеров на телеграфе, которые, получая отставку, обязаны являться к воинскому начальнику. Вакансии их замещаются товарищами из профессиональных союзов, знакомыми с телеграфным делом. В Иваново-Вознесенске все бастовавшие почтово-телеграфные служащие после 5 часов ареста дали подписку в том, что будут исправно выполнять свою работу. Финляндская ж. д. забастовала вплоть до Петербурга, и таким образом Россия отрезана от Европы. В Петербурге конфисковано 300 тысяч пудов хлеба. Служащие и рабочие Николаевской ж. д., помимо своего комитета, отправили 4 воинских поезда в помощь Москве, в том числе один поезд матросов и один блиндированный. В Москве власть перешла к совету. Юнкера сдались. Новгородский совет оборонческий, но за ним идет только один ударный батальон, которому Военно-революционный комитет, избранный кавалерийскими частями, заявил, что не пустит их, а уложит всех до одного. Однако военно-революционный комитет действует в контакте с советом и железнодорожниками, которые не хотят давать вагонов ни одной стороне. К Гатчине 3 ноября подошли ударники и произошли стычки, но затем они послали делегацию в Петербург, в Смольный, и оттуда делегация уехала с решением убедить свою часть ехать назад на позиции. 2-го ноября ЦК РСДРП принял следующую резолюцию:

1. ЦК подтверждает, что, изменяя* лозунгу власти советов р., с. и кр. деп., нельзя перейти к мелкому торгашеству за присоединение к советам организаций несоветского типа, т.-е. организаций не добровольного объединения революционного авангарда борющихся за свержение помещиков и капиталистов масс.

2. ЦК подтверждает, что уступки ультиматумам и угрозам меньшинства советов равносильны не только полному отречению от совласти, но и от демократизма, ибо такие уступки равносильны боязни большинства использовать свое большинство, равносильны подчинению анархии и повторению ультиматумов со стороны любого меньшинства.

3. ЦК подтверждает, что, не исключая никого со II всероссийского съезда советов, он и сейчас вполне готов вернуть ушедших и признать коалицию этих ушедших в пределах советов, что, следовательно, абсолютно ложны речи, будто большевики ни с кем не хотят разделить власть.

4. ЦК подтверждает, что в день образования теперешнего правительства, за несколько часов до этого образования, ЦК пригласил на свое заседание трех представителей левых эсеров

* К этому пункту т. Бубнов делает разъяснение. В бюллетени № 6 в тексте резолюции ЦК РСДРП (большевиков) имеется несомненная опечатка — в пункте 1-м напечатано: «что, изменяя лозунгу власти советов р., с. и кр. деп., нельзя перейти к мелкому торгашеству...» и т. д., надо читать, что «не изменяя лозунгу власти советов р., с. и кр. деп., нельзя...» и т. д.

и формально предложил им участие в правительстве. Отказ левых эсеров, хотя он был временным и условным, возлагает всецело и всемерно всю ответственность за несостоявшееся соглашение с ними на этих левых эсеров.

5. ЦК напоминает, что состоялось внесенное фракцией большевиков постановление II всероссийского съезда советов, выражающее готовность пополнять совет солдатами из окопов и крестьянами с мест, из деревень, что, следовательно, абсолютно ложны утверждения, будто большевистское правительство против коалиции с крестьянами. Напротив, ЦК заявляет, что земельный закон нашего правительства, целиком списанный с эсеровского* наказа, доказал на деле полную и искреннейшую готовность большевиков осуществлять коалицию с огромным большинством населения России.

6. ЦК подтверждает наконец, что, вопреки всем трудностям, победа социализма и в Европе и в России обеспечивается только неуклоннейшим продолжением политики теперешнего правительства. ЦК выражает полную уверенность в победе этой социалистической революции и приглашает всех скептиков и колеблющихся бросить все свои колебания и поддержать всей душой и беззаветной энергией деятельность этого правительства.

БЮЛЛЕТЕНЬ ЦК РСДРП (БОЛЬШЕВИКОВ) № 7

ВЦИК большинством 34 против 24 принята резолюция Ленина против свободы печати. Народные комиссары Ногин, Рыков, Милютин, Теодорович, Рязанов, Дербышев сложили с себя звание народных комиссаров. Ими подано следующее заявление в ЦИК, совет рабочих и солдатских депутатов и Совнарком: «Мы стоим на точке зрения необходимости образования социалистического правительства из всех советских партий. Считаем, что только образование такого правительства дало бы возможность закрепить плоды героической борьбы рабочего класса и революционной армии в октябрьско-ноябрьские дни; полагаем, что для этого (? — Ред. бюллетеня) есть только один путь — сохранение чисто большевистского правительства средствами политического террора. На этот путь вступил Совнарком. Мы на него не можем и не хотим вступать. Мы видим, что это ведет к отстранению массовых пролетарских организаций от руководства политической жизнью, к установлению безответственного режима и к разгрому страны и революции. Нести ответственность за эту политику мы не можем и потому слагаем с себя перед ЦИК звания народных комиссаров». Комиссар Шляпников, присоединясь к общей оценке политического момента, считает недопустимым сложить с себя ответственность и обязанности. Каменев, Рыков, Милютин, Зиновьев и Ногин

* 242 крестьянских наказа, которые легли в основу мероприятий о социализации земли.

вышли из состава ЦК большевиков. Немецкие и австрийские социалисты приветствуют русскую революцию. Венский пролетариат требует немедленного перемирия. Французские интернационалисты приветствуют большевиков. В Харькове власть находится в руках Революционного комитета. Подступа казаков к Харькову не было. В Красноярске власть в руках советов; сведений о Петербурге и всей России нет, просят сообщить, чем и как могут помочь петербургскому движению. В Челябинске убито 500 человек, масса раненых. Викжель принимает меры для доставки продовольственных грузов в Петербург. Из 1.000 ударников, подошедших к Гатчине 4 ноября, сдалось 700, остальные разбежались, за остальными послана погоня, и надеются их остановить и разоружить. Из Двинска сообщают: поставлены заставы на путях к Петербургу, Режица, Сокольники и установлена связь до Смоленска. 5-я армия задержала три казачьих полка, 16 броневиков и 1 бронированный поезд с определенно враждебным настроением. Если Петербургу потребуется помощь, то через двадцать четыре часа после радиотелеграммы отряды 5-й армии будут под Петербургом, под Смоленском и в Великих Луках.

Резолюция фракции большевиков принята в заседании ЦИК с. р. и с. деп. Закрытие буржуазных газет вызывалось не только чисто боевыми потребностями в период восстания и подавления контрреволюционных попыток, но и являлось необходимой переходной мерой для установления нового режима в области печати, такого режима, при котором капиталисты — собственники типографий и бумаги — не могли бы становиться самодержавными фабрикантами общественного мнения. Дальнейшей мерой должны быть конфискация частных типографий и запасов бумаги и передача их в собственность советской власти в центре и на местах с тем, чтобы партии и группы могли пользоваться техническими средствами печатания сообразно своей действительной идейной силе, т.-е. пропорционально числу своих сторонников. Восстановление так называемой «свободы печати», т.-е. простое возвращение типографий и бумаги капиталистам, отравителям народного сознания, явилось бы недопустимой капитуляцией перед волей капитала, сдачей одной из важнейших позиций рабочей и крестьянской революции, т.-е. мерой безусловно контрреволюционного характера. ЦК предлагает поэтому большевистской фракции ЦИК категорически отвергнуть всякие предложения, клонящиеся к восстановлению старого режима в деле печати, и безоговорочно поддержать в этом вопросе Совнарком против претензий и домогательств, продиктованных мелкобуржуазными предрассудками или прямым прислужничеством интересам контрреволюционной буржуазии.

5 ноября 1917 г.

Ф. САМОЙЛОВ

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ИВ.-ВОЗНЕСЕНСКЕ *

Иваново-Вознесенск, как один из крупнейших промышленных пунктов России, со значительным рабочим населением, еще до 1917 г. был в числе главных очагов революционного движения в России, а в дни Октябрьской революции был одной из основных ее баз.

Говоря о роли иваново-вознесенского пролетариата в Октябрьской революции, нельзя умолчать о том, что у нас было не только стремление к захвату власти, но и прямое применение власти на деле задолго до октябрьских дней 1917 г. Так, еще на митинге 1 мая 1917 г. на Городской площади, после речи Н. А. Жиделева, толпой рабочих, участников митинга, был по собственному почину арестован ряд виднейших монархистов, участников и руководителей черносотенного погрома в октябре 1905 года.

Дело было так. Выступая на митинге Н. А. Жиделев сказал, что вот, мол, товарищи, у нас теперь победила революция, старой царской власти уже нет, а вместо нее есть так называемое Временное правительство, но, несмотря на это, наши злейшие враги — монархисты, ярые защитники царской власти, те, которые по приказу полиции до революции громили, убивали и всячески над нами издевались, — все они до сих пор находятся на свободе, и власти Временного правительства не только не собираются подвергнуть их заслуженному наказанию, но всячески их защищают. До каких же пор это безобразие будет продолжаться? Этого дольше терпеть мы не можем, и должны немедленно сами позаботиться о мерах против них.

После этих слов Жиделева толпой рабочих тут же была арестована и посажена в тюрьму целая группа известных тогда в городе видных черносотенцев (Куражевы, Селивановский и многие и другие).

* Материалом для воспоминания послужили моя статья, напечатанная в № 10 (33) журнала «Пролетарская революция», и книга «За власть советов», изданная Иваново-Вознесенским истпартом, и мои личные воспоминания.

Об Октябре в Иваново-Вознесенске см. также статьи т. Дм. Фурманова в № 10 «Пролетарской революции» за 1922 г. и Фигнер в № 6 «Красной летописи».

Это событие стало известно центральным властям, и в Иваново-Вознесенском исполкоме очень скоро был получен приказ Керенского освободить арестованных. На это бывший тогда председателем исполкома Н. А. Жиделев ответил Керенскому, что «в виду того, что арестованные являются важными преступниками, контрреволюционерами и по их делу ведется следствие, они освобождены быть не могут». В ответ на это из центра поступил новый приказ, еще более решительно требующий немедленного освобождения арестованных. Но на этот приказ было отвечено еще более категорическим отказом его выполнить. Тогда в Иваново-Вознесенск из центра явился какой-то прокурор (меньшевик). Однако прокурору было предложено убираться «по добру, по здорову» обратно и не лезть в дела, в которых он ничего не смыслит. Он уехал ни с чем, а арестованные громилы продолжали сидеть под арестом. Следствие по их делу продолжалось.

Это было первое открытое неподчинение иваново-вознесенцев власти Временного правительства. После этого в глазах последнего мы в первый раз попали в «штрафные», как опасный, бунтующий пункт.

Второй случай, когда Иваново-Вознесенский совет раб. и солд. депутатов проявил себя властью, не подчинившейся царским и охраняемым тогда Временным правительством законам, был в середине июня.

В виду большого неудобства помещения, находившегося на Напалковской улице и занимавшегося тогда Иваново-Вознесенским исполкомом, исполком решил подыскать для себя новое, более подходящее помещение. Решение это было поручено выполнить тогда же избранной для этого специально комиссии из тт. Н. А. Жиделева, В. С. Бубнова (занимавшего тогда должность начальника городской милиции) и Д. И. Шорохова. Комиссии были даны широкие полномочия вплоть до права реквизиции, если таковую потребуется произвести.

Очень скоро комиссией был намечен на Александровской ул. дом фабриканта Полушина. Владелец И. Н. Полушин в качестве офицера старой армии в то время находился на военной службе, а дом его был арендован фабрикантом Дербиневым, и в нем жила старуха Дербинева. От Кучина, заведовавшего тогда фабрикою Дербинева, члены вышеназванной комиссии случайно узнали, что срок аренды дома Полушина Дербиневым уже подходил к концу.

Когда комиссия явилась в названный дом и заявила жившей там старухе Дербиневой, неугодно ли, мол, вам из дома убраться, так как мы этот дом должны будем занять для совета, старуха ответила, что дом не ее, что она только арендатор и что поэтому обращайтесь, мол, к владельцу дома. Когда ей напомнили, что срок аренды уже истекает, старуха начала сильно волноваться и кричать, что ее выселить никто не имеет права, что это насилие, дом есть частная собственность, поэтому, если ее выселят, она будет жаловаться англичанам, французам и т. д.

Члены комиссии тогда направились к фабриканту С. Н. Полушину, брату владельца дома. Последний встретил их очень вежливо. На его вопрос: «Чем могу служить?» о цели визита сообщил В. С. Бубнов. Полушин сказал, что дом не его, а его брата, что поэтому нужно обращаться к брату, а не к нему. Тогда уже в более решительной форме Жиделев заявил, что раз совету дом нужен, владельцы дома должны пойти ему навстречу, ибо совет есть фактическая власть в городе. Но Полушин упорно отвечал, что дом есть частная собственность его брата и что он тут сделать ничего не может. Тогда Д. И. Шорохов заговорил в еще более решительной форме. Он потребовал от Полушина написать записку о том, что он, Полушин, зная своего брата, как непротивника революции, ручается за то, что в случае занятия его дома советом собственник дома сопротивляться этому не будет и т. д. Полушин эту записку дал, и дом очень скоро был занят советом.

А С. Н. Полушин, несмотря на данную им записку, послал жалобу в центр на незаконный захват Иваново-Вознесенским советом дома, а сам скрылся неизвестно куда. В результате из центра явился какой-то следователь и приступил, было, к расследованию этого дела. Но следователю этому была показана вышеназванная бумажка Полушина и предложено было убираться восвояси, что он и сделал.

За три дня до июльских событий по полученной через горком от Московского обкома большевиков директиве, а именно 1-го июля (нов. ст.), Ивановским советом была организована демонстрация против Временного правительства с лозунгами: «Долой царскую думу и государственный совет», «Долой 10 министров-капиталистов» и др.

На митингах выступали только большевики, так как все остальные были против этой демонстрации и ее бойкотировали.

В «Известиях» совета в этот день было напечатано воззвание ко всем трудящимся, рабочим, солдатам, работницам с призывом участвовать в демонстрации:

«Товарищи! 18 июня* во всей России будут устроены мирные демонстрации против нарастающей контрреволюции. Всероссийский съезд решил устроить повсеместно демонстрации. Со своей стороны Центральный комитет РСДРП перенес назначенную мирную демонстрацию с 10 на 18 июня. В этой демонстрации должны участвовать все солдаты, рабочие и работницы, дабы поддержать революционный пролетариат и революционную армию города Петрограда. В этот день вы должны продемонстрировать свою революционную силу и тем самым показать притаившимся контрреволюционерам, что революционная демократия не дремлет и по первому зову вождей грудью встанет на защиту завоеванных ею свобод, поэтому, товарищи, все на улицу. Товарищи! Тяжелые испытания переживает Россия. Война, уносящая миллионы жертв, все еще продолжается. Ее намеренно затягивают наживающиеся на войне миллионеры-банкиры. Промышленная разруха, вызванная войной, ведет к приостановке заводов, к безработице. Ее намеренно обостряют жадные до сказочных барышей локаутчики-капиталисты. Недостаток хлеба и прочих продуктов становится все ощутительнее. Дороговизна душит население. А цены все растут во имя

* Старого стиля.

прихотей мародеров-спекулянтов. Зловещий призрак голода и разрухи носится над нами. В то же время надвигаются черные тучи контрреволюции. Третьеиюньская дума, помогавшая царю душить народ, требует теперь немедленного наступления на фронте. Для чего? Для того, чтобы потопить в крови добытую свободу. Государственный совет, поставлявший царю министров-вешателей, плетет в тиши предательскую петлю, прикрываясь именем закона, для чего? Для того, чтобы в удобную пору выйти на свет и накинуть ее на шею народа. А Временное правительство, поставленное между царской думой и Советом депутатов с 10 буржуа в своем составе, явно подпадает под влияние помещиков и капиталистов. Вместо обеспечения прав солдат — «декларация», нарушающая эти права в ряде очень важных пунктов. Вместо закрепления вольностей, добытых солдатами в дни революции, — новые «приказы», грозящие каторгой. Вместо закрепления свободы, добытой гражданами России, — аресты без суда и следствия, новые предположения о 129 ст., грозящие каторгой. Вместо борьбы с контрреволюцией — попустительства разгулу и вакханалии контрреволюционеров. А разруха все растет и никаких мер против нее. А война все идет и никаких действительных мер для ее прекращения. А голод все надвигается и никаких действительных мер против него. Можно ли удивляться, что контрреволюционеры все наглеют, подбивая правительство на репрессии против солдат, матросов, рабочих и крестьян. Товарищи! Молча терпеть такие порядки нельзя. Молчать после всего этого преступно.

Протест уже начинается в глубинах рабочих. Мы — свободные граждане, мы имеем право протестовать и мы должны воспользоваться своим правом, пока не поздно. Право мирной демонстрации остается за нами. Выйдем же на мирную демонстрацию и поведаем о своих нуждах и желаниях. Пусть взовьются сегодня победные знамена на страх врагам свободы и социализма. Пусть наш клич, клич сынов революции, облетает сегодня всю Россию на радость всем угнетенным и порабощенным. Рабочие! Присоединяйтесь к солдатам и поддержите их справедливые требования: сила революции в союзе солдат и рабочих. Ни один полк, ни одна рота не должны сегодня сидеть в казармах. Все на улицу, товарищи! Стройными рядами шествуйте по улицам города, спокойно и уверенно, как подобает сильным, заявите о своих желаниях.

Вся власть советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов! Долой контрреволюционеров! Долой царскую думу и Государственный совет! Долой 10 министров-капиталистов! Долой капиталистов, дезорганизующих производство! Да здравствует контроль над распределением и производством!

Хлеба, мира и свободы!».

Когда через 3—4 дня после этой демонстрации горкомом большевиков была получена телеграмма, что в Петрограде идут решительные выступления фабрик и полковое обл. бюро (было такое. — Ф. С.) большевиков призывает к демонстрациям под лозунгом: «Вся власть советам!», Ивановский исполком решил, что Временное правительство уже свергнуто и что центр призывает к соответствующим решительным действиям.

Поэтому на состоявшемся экстренном совещании исполкома с представителями центр. бюро фабзавкомов и горкома большевиков в ночь на 5 июля было решено приступить к фактическому захвату советом власти. Для этого на почту и телеграф был немедленно же поставлен контроль совета. Утром 5 июля на пленуме совета по докладу А. С. Киселева была принята следующая резолюция:

...«Экономическая разруха хозяйства страны и усиленная кровавая бойня ставят Россию на край пропасти. Временное правительство ничего не сделало для задержки этой грядущей гибели, а, наоборот, своими распоряжениями вносит еще большую неурядицу в те начинания, которые революционная демократия в лице советов проводит на местах для ослабления и спасения от разрухи и безработицы, а потому, протестуя против соглашательской политики с буржуазией в министерстве, СР и СД вместе с революционными войсками и рабочими Петербурга присоединяет свой голос к лозунгу «Вся власть советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», который и поддерживает вооруженной демонстрацией».

6 июля состоялась грандиозная демонстрация всех рабочих городских предприятий совместно с вооруженными солдатами гарнизона, которая проявила полную готовность рабочих и солдат поддержать ивановских большевиков в деле создания власти рабочих и крестьян, и только почтово-телеграфные служащие, находившиеся под сильным влиянием с.-р. и меньшевиков, в день этой демонстрации выпустили воззвание с угрозой прекратить работу в случае захвата советом власти.

Воззвание их на массы никакого впечатления не произвело. Они вместе со своими руководителями являлись ничтожной кучкой и повлиять на ход событий ни в какой мере не могли, но благодаря провалу восстания в Петрограде и иваново-вознесенцам пришлось на этот раз отступить. Пикеты наши всюду были сняты, а в городской думе по этому поводу произошел большой скандал. Кадетско-меньшевистско-эсеровское меньшинство ее кричало и шумело на все лады, обвиняя большевиков в преступлении против революции, называя нас захватчиками, авантюристами и т. д. Помню, на этой почве в пылу спора между В. С. Бубновым (начальником милиции) и гласным думы Грушке (учителем реального училища) произошло столкновение, дошедшее до драки и ликвидированное только после извинения Грушке.

Нашу попытку захватить власть было не так легко ликвидировать. Вскоре в Иваново-Вознесенск, как и в некоторые другие опасные для Временного правительства промышленные пункты, была назначена карательная экспедиция. Но после неудачи подобных экспедиций в других местах дело это сорвалось. По поводу нашей активности поднял большой шум так называемый «революционный комитет общественных организаций». Он посылал жалобы в центр, создал специальную комиссию для расследования наших «преступлений» и т. д. В результате правительством Керенского все мы, большевики, члены совета и гласные думы, были привлечены к ответственности по знаменитой 102 статье еще старых, столь известных нам в дореволюционное время царских законов.

Назначено было следствие, и в качестве следователя по этому делу к нам явился А. М. Братенши, бывший тогда губернским комиссаром Временного правительства. По приезде в Иваново-Вознесенск он явился к Д. И. Шорохову и, сообщив, что ему поручено вести следствие по нашему делу, спросил Шорохова,

как ему вести его: через совет или через городскую думу? Шорохов ответил ему, это, мол, уже ваше дело, как хотите, так и ведите.

Как вел это дело Братенши, я не помню, но знаю, что он старался просто тянуть время и, в конце-концов не выполнив поручения, ушел в отставку. Не знаю, кто был его заместителем и продолжалось ли следствие.

В течение ряда месяцев до Октябрьской революции Иваново-Вознесенск бурлил и шумел, как громадный паровой котел. Мы напряженно подготовляли почву для организации власти советов. За все это время на бесчисленных собраниях и митингах гремели речи представителей могущественной, как нигде, иваново-вознесенской организации большевиков: «Вся власть советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», и ничтожно жалкие кадетско-меньшевистско-эсеровские группки тонули в огромной массе нашей организации и массе подавляющего большинства рабочих, настроенных большевистски. Фактически вся полнота власти в Иваново-Вознесенске к большевикам перешла еще после переизбрания городской думы 7-го сентября (27 августа), в которую из общего числа 102 гласных большевиков было избрано 58 человек. С этого момента закончился период некоторого «двоевластия», так как существовавший в городе так называемый «революционный комитет общественных организаций», в котором большевики составляли меньшинство, к этому времени потерял всякое значение. С ним совершенно перестали считаться, и он был бессилен предпринять что бы то ни было против большевистских городской думы и совета.

Большевики почувствовали себя полными хозяевами положения и повели еще более решительную борьбу за окончательный переход власти к советам и стали в открытую борьбу с Временным правительством. Так на заседании 2-го ноября (20 октября) пленум Иваново-Вознесенского совета принял следующее постановление:

> ... «Буржуазно-империалистическая контрреволюционная власть, поддерживаемая потерявшими всякое влияние на массы партиями эсеров и меньшевиков, окончательно дискредитировала себя в глазах рабочих, солдат и крестьян. Освобождаясь всецело от иллюзии возможности мирного развития русской революции, массы стихийно снова вступают на путь революционной борьбы, свидетельством чего служат усиливающееся аграрное движение, растущее недовольство, стихийные выступления в городах и резко изменившееся положение на фронте. В этой начавшейся борьбе массы возлагают все свои надежды на революционную партию пролетариата и на руководимые ею советы. Империалистическая власть, опасаясь растущего влияния столичных революционных советов, потерпев крах в политике, стремится к созданию в лице совета Российской республики органа, способного заменить открытую революционную борьбу парламентской говорильней, готовится оставить революционную столицу, чтобы тем легче нанести смертельный удар революции. С другой стороны, русские империалисты, смертельно напуганные революцией, растущей в Западной Европе, пытаются задушить русскую революцию, а поэтому Иваново-Вознесенский совет рабочих и солдатских депута-

тов на своем общем собрании постановил: 1) объявить Временное правительство и все партии, поддерживающие его, правительством и партиями измены революции и предательства народа; 2) считать отныне все советы Владимирской губернии на положении открытой и беспощадной борьбы с Временным правительством и на основании этого установить по отношению к распоряжениям Временного правительства и его агентов на местах полную свободу действий Советов, приступая немедленно к регулированию политической и хозяйственной жизни своею собственной властью, строго сообразуясь с интересами трудовых масс. Обратиться с призывом к советам крестьянских депутатов вступить на тот же путь активной революционной борьбы с правительством народной измены, чтобы помочь рабочим и солдатам спасти страну и революцию, а также обратиться к товарищам матросам Балтийского флота с горячим приветом и заверением, что рабочие и солдаты города Иваново-Вознесенска не оставят их в героической борьбе за революцию».

На этом же заседании был утвержден устав Красной гвардии и вынесено решение организовать штаб Красной гвардии, в состав которого были включены члены исполкома (начальники Балакин, Монахов, Волков и Синицын). Одновременно с этим (в ночь с 2 на 3 ноября) иваново-кинешемским союзом текстилей была объявлена всеобщая стачка, после чего все фабрики встали и со всем имуществом перешли под вооруженную охрану рабочих.

Таким образом к моменту октябрьского переворота, имея фактически всю власть в своих руках, ивановские рабочие ожидали с часа на час только директивы нашего центра, чтобы приступить к оформлению своей власти.

В ночь с 25 на 26 октября (ст.ст.) во время заседания совета из Петрограда была, наконец, получена долгожданная весть о падении Временного правительства и об организации Совета народных комиссаров. Я тогда был председателем Иваново-Вознесенского исполкома и председательствовал на этом историческом заседании совета рабочих и солдатских депутатов. Помню, когда Д. А. Фурманов, бывший тогда моим заместителем, взял слово для внеочередного сообщения и огласил только-что полученное сообщение о нашей победе в Петрограде, произошло нечто такое, что трудно передать словами. Разом загремело «Ура!», «Да здравствует власть советов!», «Да здравствует революция!», «Интернационал» «Интернационал!», и понеслась могучая песня рабочей революции. Пели с таким воодушевлением и подъемом, как, казалось, никогда не пели.

После пения собравшиеся долго еще волновались и обменивались мнениями. Был отклонен ряд внесенных сгоряча неудачных предложений вроде «выслать немедленно в Москву весь наш гарнизон; итти на фабрики и заводы и организовать рабочих для отправки в Москву» и т. п.

Когда настроение стало более спокойным, было решено принять меры к выяснению подробностей событий, организовать особый революционный штаб из 5 человек для руководства дальнейшей борьбой на первое время и для выработки соответ-

ствующих мер по обороне города. Штаб был составлен из товарищей: А. С. Киселева, Дм. Фурманова, Д. И. Шорохова, А. И. Жугина, Ф. Н. Самойлова и А. Ф. Федорова. Удалившись с заседания, штаб сейчас же приступил к выполнению возложенных на него обязанностей.

На этом заседании совета внезапно был пущен слух, что на станцию жел. дороги прибыл большой отряд казаков для принятия против «вредных» иваново-вознесенцев репрессивных мер. Получалось впечатление, что прибыл какой-то отряд карателей. Произошло небольшое замешательство, но срочно принятыми мерами было установлено, что никаких казаков на станции не было и что слух был, повидимому, простой провокацией с целью вызвать замешательство в наших рядах. Публика быстро успокоилась. В этот же вечер во всех важнейших учреждениях вновь избранным революционным штабом были поставлены вооруженные пикеты; на станцию жел. дор., на телефонную станцию, на почту и телеграф были посланы наши контрольные комиссары.

Стоявший в городе 199 пехотный полк, хорошо распропагандированный нами еще задолго до октября, конечно, был весь на нашей стороне, и в нем также немедленно из надежных товарищей солдат (Жугина, Федорова и др.) организовался свой военно-революционный руководящий орган. На станции жел. дороги также быстро был создан особый коллектив для руководства движением. Словом, в течение кратчайшего времени нами было сделано все необходимое для полного перехода власти в наши руки. Многотысячная демонстрация рабочих вместе с солдатами нашего гарнизона шумно высказывала радость по поводу свержения власти буржуазии и соглашателей и клялась все свои силы отдать на защиту своей власти советов рабочих, солдатских и красноармейских депутатов.

Но не все еще было ясно в создавшемся положении. В Петрограде власть была наша, но Москва была еще загадкой, там началась борьба с представителями буржуазии и соглашателей, не пожелавшими уступить без боя своего господства. Создалось тревожное положение, таившее в себе всякие возможности. Поэтому наше главное внимание было направлено на оказание посильной поддержки бившейся в последней и решительной схватке революционной Москве. Чтобы быть ежеминутно в курсе всего происходившего там, наш прямой провод телефона работал почти круглые сутки. Мы старались получить какие только возможно сведения из Москвы и в свою очередь немедленно их передавали в уездные города и связанные с нами промышленные пункты и местечки.

В первый день нам казалось, что у нас в рабочем городе положение совершенно ясно, наша большевистская организация, опиравшаяся на многочисленные рабочие массы и гарнизон, была так сильна, что никаких серьезных противников в городе для нас быть не могло. Все они против нас были бессильны и, казалось,

что они никаких серьезных враждебных действий предпринять против нас не посмеют. Но мы ошиблись — на другой же день выяснилось, что на почте и телеграфе неблагополучно *.

Иваново-вознесенские почтово-телеграфные служащие еще в 1905 году показали себя с плохой стороны. Будучи явными противниками революции, они тогда не приняли никакого участия во всеобщей октябрьской забастовке. Мы знали их эсеро-меньшевистские настроения и помнили их неудачную попытку внести дезорганизацию в ряды демонстрировавших за переход власти к советам рабочих и солдат еще в июльские дни (выпуск почтовиками антибольшевистской листовки), но не считали их способными на более решительные действия, поэтому выступление почтовиков явилось для нас неожиданностью. Почтовики потребовали снять наш контроль с почты и телеграфа, угрожая в противном случае всеобщей забастовкой. Их было немного (всего около 200 чел,), но в виду невозможности заменить их другими мы были поставлены в довольно затруднительное положение. Мы пытались вначале этот конфликт уладить миром, но скоро нам стало ясно, что миром тут ничего не поделаешь. Тогда было решено принять против почтовиков решительные меры, и почтовики все были арестованы. Идя под конвоем до места заключения, они очень храбро пели революционные песни, но, просидев ночь в одной из фабричных столовых, они на утро заявили, что согласны стачку окончить и подчиняются всем распоряжениям новой власти. После этого почтовики были освобождены, но настроение саботажа кое у кого из них, видимо, осталось. Об этом говорит следующий эпизод: через некоторое время после того, как почтовики были арестованы, к члену революционного штаба Д. И. Шорохову явился какой-то субъект и заявил, что он почтовик и против произведенного над его товарищами насилия (ареста) он протестует и, желая разделить их участь, требует, чтобы и его немедленно арестовали и посадили к его товарищам, среди которых находится в частности его жена.

— А почему вы не были арестованы вместе с другими? — задает «храброму» субъекту вопрос Д. И. Шорохов.

— Я случайно не присутствовал на собрании своих товарищей, когда они были арестованы, — отвечает «храбрец».

— Так, — говорит Д. И. Шорохов, — значит, вы настаиваете, чтобы я вас арестовал и посадил к вашим товарищам и к вашей жене?

— Да, я требую этого, ибо желаю разделить участь страдающих от вашего насилия моих товарищей и моей жены, — снова заявляет с театральным пафосом почтовик.

— Хорошо, — говорит Д. И. Шорохов, — ваше желание будет исполнено. Но если уж вы такой храбрый, что так решительно и горячо желаете пострадать за свои убеждения, так вы бу-

* Подробнее об этом см. статью Д. А. Дурманова в № 10 «Пролетарской революции» за октябрь 1922 г.

дете отправлены не к вашим единомышленникам и не к вашей жене, о которой вы, должно быть, так заскучали, а в Красную (так называлась известная в Иваново-Вознесенске одиночная тюрьма, сложенная из красного кирпича).

Затем, обращаясь к находившимся тут же красногвардейцам, тов. Шорохов крикнул: «Отправить его!» Но едва субъекта взяли и повели, как с ним внезапно произошла резкая перемена. «Храбрец» вдруг побледнел и, жалко трясясь всем телом, дрожащим голосом начал бессвязно лепетать извинения, что он, мол, это только погорячился, что новую власть он признает и будет ей подчиняться, что никакого ареста он не хочет и т. д. После этого Д. И. Шорохов отпустил «храбреца» во-свояси.

После некоторой небольшой канители с имевшимися в составе совета маленькими группками меньшевиков и эсеров временный революционный штаб передал власть вновь созданному советом «Штабу революционных организаций», в который вошли. А. С. Киселев (от городской думы, председатель), Д. Фурманов (от максималистов), А. И. Жугин (большевик), Д. И. Шорохов (большевик), Балакин (максималист). Этот штаб и был в первое время (до передачи им власти совету) высшей властью в городе.

Далее организация новой власти в Иваново-Вознесенске пошла уже без особых инцидентов, и скоро наш город и весь район превратились в один из надежнейших опорных пунктов диктатуры пролетариата.

Из прилегающих к Иваново-Вознесенску промышленных пунктов только в Кинешме было засилие с-р. и меньшевиков, где большевикам пришлось приложить немало усилий в борьбе за установление власти советов. Поэтому там совету фактически удалось взять власть только 19 декабря, во всех остальных местах обошлось без особой борьбы.

Виднейшими руководящими работниками, членами партии, в этот период в Иваново-Вознесенске были: Любимов И. Е. (городской голова), Киселев А. С., Кузнецов В. П., Жиделев Н. А., Самойлов Ф. И., Фурманов Д. А., Наумов В. Н., и др. (сменявшие друг друга председатели и зам. председатели совета), Фрунзе М. В. (председатель Шуйского совета), Коротков И. И. (пред. Тейковского совета), Малахов (пред. Кохомского совета), Белов И. В. (пред. Кинешемского совета), Зернов (пред. Вичугского совета), Федоров А. Ф. и Шугин А. И. (руководители гарнизона), Шорохов Д. И. (комиссар юстиции), Асеткин А. Н. и Климохин С. К., руководители Иваново-Кинешемского союза текстилей и целый ряд других.

Г. ПЕТРОВСКИЙ

ОЧЕРК ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ДОНБАССЕ

Октябрьская революция застала меня в Донецком бассейне, куда я был послан Центральным комитетом нашей партии с заданием объехать все места, найти старые связи, делать попутно везде доклады о положении дел в Петербурге и вообще наладить нашу организацию в Донбассе.

Первое известие об Октябрьской революции мною было получено на станции Никитовка. Никитовка была средоточием наших большевистских организаций Щербиновского и Горловского районов. Сюда же были доставлены первые декреты Совета народных комиссаров о земле и здесь же нами было решено срочно созвать конференцию этого района. Сюда приехал один питерский товарищ (фамилии его не помню) с образцом потребляемого питерскими рабочими хлеба пополам с соломой с тем, чтобы побудить здесь к заготовке и отправке продовольствия на помощь авангарду революции — петербургскому пролетариату.

Сейчас же было сообщено всем узловым станциям о проталкивании грузов, а по всем волостям дали знать о том, что в Петербурге власть перешла к рабоче-крестьянскому правительству, которым издан декрет о переходе земли к крестьянам, а промышленности к рабочим. В посланной нами тогда телеграмме был призыв ко всему крестьянству, как можно скорее притти на помощь Совнаркому РСФСР продовольствием.

Вскоре после этого, приблизительно через сутки, было созвано небольшое совещание Щербиновского и Горловского районов под председательством т. Смолякова, на котором после краткого доклада о положении в Петербурге было признано необходимым организовать советскую власть в районах и издать специальную прокламацию, организовать кадр агитаторов для посылки их с листовками на село.

Большевистская организация была крепка в Донецком бассейне, но в то же время во многих местах бассейна мы наблюдали и гнезда меньшевиков.

Любопытно отметить позицию, занимаемую тогда провинциальными меньшевиками. Они делились на 2 сорта, если можно так выразиться: одни из них интеллигенты, которые просто и ясно ставили перед собою задачу о том, что никакой социалистической партии политической власти в руки брать нельзя, что власть нужно передать Учредительному собранию, за что и нужно активно бороться; другая часть меньшевиков — рабочие, которые недостаточно ориентировались в октябрьском перевороте и не решались примкнуть к нему. В этом отношении особенно любопытно выступление меньшевика Гената на Петровском заводе, который всю свою речь свел к тому, что надо, мол, немножко выждать, вообще не торопиться и услышать, что скажет центральный орган «интернациолистов» «Новая жизнь». Однако эта позиция была высмеяна тут же на рабочем собрании.

Мы неоднократно указывали меньшевикам на многочисленных собраниях в Донецком бассейне, что за ними идет главным образом вся мелкобуржуазная братия, начиная от крупных инженеров и кончая десятниками, т. е. кнутогоны и лакеи капиталистов на производстве и все лавочники в городе.

Наши воспоминания мы пишем сейчас для истории. Многие лица, о которых я упоминаю, сейчас живут и работают в Донецком бассейне, они могут подтвердить, что 9/10 рабочих тогдашнего времени, наиболее решительных, самых, что называется, революционных, с энтузиазмом шли за нами, большевиками.

Я помню этот здоровый революционный шахтерский инстинкт, когда продвигались казачьи эшелоны через Никитовку: без всяких директив откуда бы то ни было рабочие смекнули, что казаки идут на харьковских, московских и питерских рабочих, что их нужно задержать и разоружить. Тогда никто из меньшевиков не стал во главе огромных шахтерских масс, которые рвались на разоружение казачьих эшелонов. Дело, к сожалению, кончилось тем, что казаки, замаскировав оружие, в числе двух эшелонов пробрались дальше.

А вот и другой факт, в высшей степени знаменательный. Дело происходит в Горловке, где после устроенной дискуссии несколько меньшевиков подходят ко мне и жалуются, что т. Казимирчук, будучи комиссаром Горловского района, конфискует все кадетские газеты — «Южный край» и «Речь» — и не допускает их распространения. Так вот эти самые господа вместо того, чтобы действительно занять революционную позицию по примеру тов. Казимирчука и пресечь распространение контрреволюционных кадетских и нововременских изданий, обратились ко мне с противоположной просьбой.

Я помню также отчаянную борьбу меньшевиков в Константиновке за влияние на рабочие массы и поддержку Временного правительства. Разумеется, по всем кардинальным вопросам, как например, по вопросу об отдаче всей земли крестьянам, организации земельных комитетов, борьбы с помещичьим засильем

в селах, — по всем этим вопросам меньшевики не хотели проронить ни одного слова, а о влиянии кулаков и не думали. Более того, они всюду решительно выступали против нас, называя наш призыв к крестьянам авантюрой. Когда нам приходилось голосовать подобную резолюцию, меньшевики, ничто же сумняшеся голосовали против нас. Когда же им на собрании прямо ставили вопрос, возражают ли они против перехода всей земли к крестьянам, они, конфузливо отступая, говорили об этом, как о деле отдаленного будущего и т. д.

Первые дни революции наряду с энтузиазмом, который проявлялся тогда в Донецком бассейне шахтерами и крестьянами, пробудили первую реакцию со стороны услужающих капиталу. С первого рудника, с Петропавловских заводов рабочие начинают жаловаться на саботаж, проявляемый начальством: ни штейгеры, ни инженеры не обращают внимания на ремонт шахт, сводов, клетей, машин.

Этот злостный саботаж имел своей целью поставить рабочих перед фактом разрушения. Тогда рабочие должны были бы смириться и просить господ инженеров, директоров, начальников, мастеров и десятников взять власть и полномочие над рабочими в свои руки. Это было так ясно каждому из рабочих, что после многократных обсуждений на партийных и общих собраниях рабочих мы вынуждены были притти к заключению о необходимости национализации Донецкого бассейна и как можно скорее, чтобы разрушающие тенденции саботажников не причинили непоправимого вреда.

Мне пришлось ехать в Петербург, ставить там и проводить вопрос о национализации рудников с принципиальной точки зрения, так как тогда мы еще были неподкованные, чтобы управлять угольным хозяйством.

Не помню сейчас, в каких числах ноября был я в Харькове. Здесь все клокотало, заваривалась украинская авантюра. Помню, как на заседании городского совета трудно было уловить, куда льнут меньшевики: не то к советской власти, не то к украинцам, а скорее всего — ни туда, ни сюда. Однако в воздухе пахло боем с петлюровцами.

В горсовете украинским фронтом руководил Северо-Одоевский, а меньшевиками — Сан. Во главе большевиков стояли тт. Артем, Рухимович и Межлаук. Власти прочной не было. Образовавшаяся здесь девятка из украинцев, большевиков и меньшевиков должна была зорко следить за контрреволюцией и не допускать ее. В то же время эта же девятка, по тройкам каждая, организовала свои отдельные штабы. Шли слухи о враждовании этих троек между собою; на всех собраниях и на улице говорили: сегодня арестован Артем, завтра Артемом арестован Северо-Одоевский и т. п. Что же касается меньшевиков, то о них ничего не говорилось, ибо уже тогда они были живым трупом.

На заседании Харьковского горсовета был поставлен национальный вопрос, и любопытно то, что как везде, так и здесь украинцы в своих выступлениях за угнетение украинцев царским правительством требовали расплаты от советской власти и организации самостоятельной и независимой Украины. В таком городе, как Харьков, эти претензии встречались со смехом. Тогда, вероятно, никто не подозревал, что из этого смеха родится Центральная рада, а потом с различными перипетиями та красочная картина вероломства, которая закончилась авантюрой петлюровцев.

Накануне моего отъезда в Москву в одном из кабинетов Харьковского совета, знаменитом здании бывших присутственных мест, я, Рухимович и Артем устроили совещание, на котором выяснили положение советской власти в Харькове, и т. Рухимович тогда прямо сказал, что тов. Артем, прекрасный оратор и агитатор, совершенно не может взяться за организационную власть и за хозяйственное дело и что у нас почти нет работников, поэтому нужно просить Центральный комитет о присылке таковых в Харьков для организации советской власти. «Иначе, — сказал т. Рухимович, — наше положение станет критическим». Это подтвердил и тов. Артем. На одном из заседаний с углепромышленниками, также любопытном тем, что к этому моменту Совнаркомом уже был издан закон о 8-часовом рабочем дне, вопрос был поставлен ребром: проводить этот закон или нет. Конечно, углепромышленники, тогда еще преисполненные полной пренебрежительности к советской власти, решительно отказались проводить его и с надменностью и усмешкой говорили, что это еще не правительство и что этот закон — не закон. В этом гнусном деле капиталистов поддерживали на этом собрании меньшевики. Но здесь же я заявил, что закон правительством издан, что он должен быть неукоснительно проведен в жизнь и что всякое его непроведение внесет лишь только больше антагонизма между капиталистами и рабочими, а может быть и худшее — капиталисты могут попасть в тюрьму. Это привело в негодование и главное не столько капиталистов, сколько меньшевиков, которые потом на отдельном совещании укоряли большевиков в бестактности и грубости.

Вскоре мне пришлось выехать из Харькова и уже в Петербурге и Москве принимать участие в дальнейшем ходе революции.

В первых числах ноября я приехал в Питер, когда там после взятия власти все кипело, особенно в Смольном. Наряду с Реввоенкомитетом, который там был образован для взятия власти, в Питере уже регулярно заседал под председательством тов. Ленина Совнарком.

Сначала я говорил с некоторыми товарищами из Совнаркома — с тт. Шляпниковым, Шмидтом и другими — о событиях в Донбассе и о том, что для того, чтобы нам сохранить «всерос-

сийскую кочегарку», придется брать быка за рога, решительно бороться против контрреволюции и саботажа и национализировать все рудники, приступив к организации этого дела. Товарищи обещали мне поставить этот вопрос в Совнаркоме.

На одном из свиданий с тов. Лениным он меня спросил: «Я слышал, вы интересуетесь Донбассом и пришли к мысли с донбасскими товарищами о национализации рудников. Этот вопрос очень серьезный. Его нужно обсудить в ЦК партии». Затем, передавая общее впечатление о событиях на Украине, Донбассе и в Харькове, тов. Ленин сказал: «Да, дела развернулись. Нужны люди, а главное — теперь всем нужно надеяться на самих себя, быть более расторопными». Затем около нас собралось несколько товарищей. Тов. Ленина отозвали по срочному делу.

Не больше как через пару дней я вел с тов. Мурановым разговор в приемной Совнаркома. Владимир Ильич вышел с заседания, посмотрел на нас, поздоровался и сказал: «Вот у меня для вас есть подходящее дело», — и ушел. Вскоре снова вышел с заседания и объявил нам решение ЦК партии и Совнаркома о назначении меня народным комиссаром по внутренним делам, а тов. Муранова заместителем. Я взмолился и попросил тов. Ленина поставить вопрос в ЦК, чтобы там отказаться от этого поста, потому что не надеялся справиться. Однако тов Ленин сказал: «Ничего, мы вам дадим пару хороших выборгских рабочих с хорошими маузерами, и вы управитесь». Пришлось почесать затылок и браться за гуж. Что касается Муранова, то он как заявил, что никогда не будет заместителем, так и остался непоколебимым в этом. Я заходил к нему на квартиру, упрашивал итти на работу, но он сказал: «Кем угодно пойду работать, только не заместителем».

А события разворачивались своим чередом. Нужно было скорее проводить организацию власти на местах, ликвидировать старые царско-буржуазные учреждения: городские думы, земские управы, дворянские собрания и т. п. учреждения. Все это относилось к задачам НКВД, и пришлось этим заниматься. На счастье в коллегию НКВД тогда попали такие смелые революционеры, как Дзержинский, Уншлихт, Яковлева (В. Н.), Лацис, Смирнов и Правдин.

Волны революции поднимались все выше и выше. Контрреволюция тоже ширилась. Начались большие заговоры и покушения — первое на тов. Ленина и некоторых других товарищей. Вскоре наряду с НКВД образовалась Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем под председательством тов. Дзержинского, и огромная часть политической работы и борьбы за новые формы советской власти перешла к ней.

Сибирь, Волга, Украина клокотали тогда в классовой борьбе. В военных действиях наступило «премирие». В это время в партии велась горячая дискуссия — воевать или заклю-

чать мир. В то время как тов. Ленин почти в единственном числе требовал прекращения войны и подписания какого бы то ни было мира, крайний фланг нашей партии во главе с тов. Бухариным (особенно я вспоминаю дискуссию, в которой выступал тов. Осинский в Смольном) требовал продолжения революционной войны против немцев и проведения для этого всенародного голосования. Тов. Ленин тогда, с удивлением обращаясь к левакам, говорил, что солдаты голосуют ногами, убегая с военных позиций в села и города. Одно время собрала большинство голосов формула Троцкого: мира не заключать, но войны не продолжать. Но тут как раз немцы отрезвили всех, известив, что перемирие закончилось, и начали наступление.

На одном из заседаний Совнаркома, в котором принимали участие левые эсеры, когда была получена телеграмма о том, что немцы движутся, тов. Ленин сказал: «Если партия и Совнарком не примут решения о подписании мира, то империалистический зверь может не только сожрать огромную часть территории, ибо теперешнюю битву решает вопрос силы, но и возможна гибель нашей социалистической революции».

Скоро было созвано заседание ЦК, на котором было принято решение о подписании мира с немецкими империалистами, и за подписью тов. Ленина и Троцкого такое соглашение радиотелеграммой было передано немцам. Так ошибочная тактика группы Троцкого и Бухарина облегчила немцам дальнейшее продвижение. Потом, после ряда огромных перипетий борьбы, мне пришлось с тт. Сокольниковым, Караханом и др. подписывать «похабный мир» в Брест-Литовске.

Озираясь назад в этом очерке исторической классовой борьбы рабочих против капитализма, просматривая выступления тов. Ленина в те времена, надо прямо сказать, как генеальны были предвидения Владимира Ильича, говорившего, что империалистический зверь объелся, обожрался и несомненно идет к поражению, хотя тогда еще не было никаких признаков этого поражения, а наоборот, немецкий империализм захватывал Украину, Кавказ. Но, видя разложение немецкой армии, тов. Ленин по этим признакам уже судил о финале немецкого империализма. Вернее, точное понимание учения Маркса — Энгельса и глубочайшее знание революционной классовой борьбы оказались в руководстве тов. Ленина в Октябрьские дни, когда он проявил свой гений, как никто и нигде в истории возникавших революций. В тов. Ленине был сосредоточен не только революционный пафос, но и глубокое знание народных масс, их движения, а главное — борьбы рабочего класса за диктатуру пролетариата, которая дала возможность через пятнадцать лет подойти к построению бесклассового общества в СССР.

А. БУБНОВ

ГЕТМАНЩИНА, ДИРЕКТОРИЯ И НАША ТАКТИКА*

(1918 — 1919 гг.)

I. Последние дни гетмана Скоропадского

Гетманщина на Украине просуществовала около 8 месяцев — с апреля 1918 г. по декабрь того же года. Но за это время гетман Скоропадский два раза менял своих хозяев. В апреле 1918 г. он, под знаком якобы украинской ориентировки, начал служить режиму генеральской диктатуры австро-германского империализма. В ноябре 1918 г. он под лозунгом «единая неделимая Россия» пошел на службу к англо-американскому империализму. Единственной причиной, которая заставила гетмана переменить германский штык на скверную винтовку добровольческой армии, была германская революция. Генерал Скоропадский стал гетманом «всея Украины» волею германских генералов, и держался он в этом звании около 7 месяцев исключительно на германском штыке. Германская революция сломала этот кайзеровский штык, и режим гетманщины на Украине в своем падении зацепился еще на один месяц за пуговицу добровольческого генерала. После своего второго «переворота» гетман Скоропадский пытался использовать германский штык, а одновременно добровольческие генералы, князь Долгоруков и граф Келлер, спешно силились создать офицерские и юнкерские добровольческие части. Генеральско-гетманская диктатура начала свою «историю» с растрела студенческой сходки и закрытия высших учебных заведений. В дальнейшем — беспомощные попытки задержать немцев и создать «свою армию».

Это было жалкое барахтание умирающего режима. Как раз после 9 ноября мне пришлось ехать по железной дороге Сумы

---

* Заголовком для настоящей статьи мною взято название доклада, который я по поручению Киевского областного комитета КП(б)У делал в январе 1919 г. на городской конференции киевской партийной организации.

Настоящая статья не ставит своей целью исчерпывающего фактического описания и анализа событий конца 1918 г., начала 1919 г. на Киевщине. Статья не имеет также намерения осветить хоть сколько-нибудь исчерпывающе работу киевской партийной организации в эти месяцы. Моя задача значительно скромнее, а именно: на основании материалов сборника Киевского истпарта и личных воспоминаний составить общую картину событий того времени и выяснить основную линию нашей тактики.

— Киев. На всех станциях, на улицах и площадях городов бросались в глаза толпы немецких солдат, грузящиеся немецкие подводы и не совсем твердо чувствующие себя немецкие офицеры. Ясно было, что немецкой армии на Украине уже не существует. В самом Киеве — разряженная толпа на Крещатике, битком набитые кафе и рестораны, генеральские отвороты, безусые юнкерские физиономии и безудержная спекуляция, заливавшая все и вся.

Примерно 14—15 ноября Скоропадский проделал свой второй «переворот». И почти тотчас же после этого под самым Киевом и Белой Церковью началось восстание сечевых стрельцов, во главе которого стояла так называемая директория, выделенная Украинским национальным союзом. Вооруженных сил у директории было очень немного, но эта группа чрезвычайно быстро начала обрастать «крестьянским ополчением», выделяемым широко разлившимся по Киевщине крестьянским восстанием. Одновременно с этим в северной части Украины на борьбу с гетманщиной поднялась рабоче-крестьянская масса, во главе которой встало временное рабоче-крестьянское правительство Украины. В силу этого в Киевщине движение пошло под лозунгом «самостийная Украина» и возглавилось предателями из Центральной рады, ловко примазавшимися к массовому крестьянскому восстанию, а в Харьковщине массовое движение, возглавляемое рабоче-крестьянским правительством, пошло под лозунгом «вся власть советам». В левобережной Украине рабоче-крестьянское правительство имело могучую поддержку со стороны рабочих Харьковщины и Донбасса. Помимо этого оно имело достаточно крепкую опору в тех двух повстанческих дивизиях, которые были сформированы Всеукраинским центральным военно-революционным комитетом в августе — октябре 1918 года. И, наконец, немалую помощь оказали советскому правительству и немецкие солдатские советы, с которыми нашей харьковской партийной организации удалось установить надлежащую связь. Этими обстоятельствами и было предопределено то, что на левом берегу Днепра восстание рабочих и крестьян быстро справилось и с гетманщиной и с балбачановщиной. В правобережной Украине обстановка была несколько иная. Значительных рабочих центров здесь не было. Вооруженных сил тоже почти не имелось. Использовать помощь немецких солдатских советов удалось в очень незначительной степени. Это обеспечило временный перевес сил на стороне петлюровской директории. И поэтому на правом берегу Днепра после падения генеральско-гетманской диктатуры установилась власть кулацко-офицерской директории. Она существовала непродолжительное время, но тем не менее она дорого обошлась киевскому рабочему, крестьянину и местечковому населению правобережья.

После своего второго «переворота» гетман Скоропадский просидел в Киеве все-на-всего один месяц. Этот месяц был ме-

сяцем жестокой вооруженной борьбы как на левобережье, так и, в особенности, на правобережье Украины.

II. Киевская организация во время гетманщины

Я остановлюсь лишь на работе и тактике киевской организации за последний месяц существования гетманского режима. В напечатанном в «Киевском коммунисте» докладе Киевского областного комитета мы читаем о партийных мероприятиях в самом начале этого периода: «Киевская организация партии была переведена на военное положение. Соединенное совещание областного, городского и губернского комитетов выделило «пятерку», образовало ревком и поручило им руководство всей работой. Областной штаб (выполнявший и обязанности городского штаба) назначил по всем районам комендантов, которым поручалось руководство всей военной работой в районах. Постепенно, в ходе работы, коменданты сосредоточили в своих руках всю работу в районах, так как условия момента на три четверти превращали ее в работу военную».

Продвижение войск директории к Киеву и все расширяющееся крестьянское восстание вокруг Киева с чрезвычайной резкостью ставили перед нашей киевской организацией задачу организации своих вооруженных сил и подготовку к восстанию. В самом начале выступления сечевых стрельцов под Белой Церковью наш штаб предпринял ряд шагов по вооружению рабочих в самом Киеве и установлению связи с теми украинскими воинскими частями, которые в той или иной степени проявляли признаки революционности. Я помню, что на штабной явке в районе еврейского базара числа 16 — 18 ноября рассматривался вопрос о железнодорожном «полке», в котором, по нашим сведениям, наблюдались «большевистские настроения». Но в действительности очень быстро обнаружилось, что этот полк находится под влиянием украинской директории и им распоряжается полковник Капкан. По части вооружения киевских рабочих нам удалось кое-чего достигнуть, но и эта работа наталкивалась нередко на значительные затруднения. Источником, откуда можно было получить оружие, являлась немецкая армия, солдатский и унтерофицерский состав которой не прочь был в некоторой части своей оказать нам содействие в покупке винтовок и пулеметов. Мне помнится попытка купить таким образом несколько броневиков, которая кончилась полнейшей неудачей и чуть было не принесла нам крупнейших неприятностей. Одновременно с этими попытками в самом Киеве штабом был предпринят ряд шагов в отношении «петлюровского фронта» под Киевом. Для нас было ясно, что повстанческие крестьянские отряды, вливавшиеся в войска директории, лишь очень кратковременно будут поддерживать Петлюру и Винниченко и что стихийно поднимающееся крестьянское восстание не сегодня, так завтра перемахнет че-

рез лозунг «Самостийная Украина» и пойдет под своими коренными революционными крестьянскими требованиями. В силу этого нам чрезвычайно важно было немедленно же начать работу в войсках директории под Киевом в целях подготовки к овладению движением крестьянских масс. Областной комитет послал на петлюровский фронт несколько товарищей во главе с Петром Слинко для образования такого военно-политического центра, который занялся бы систематической агитацией в петлюровских войсках, установил бы связь с отрядами, проявляющими большевистские настроения, и там, где возможно, предпринял бы их оформление. Наши советские отряды должны были, сохраняя свою организационную самостоятельность, вливаться в общую массу повстанцев. Слинко с товарищами была дана директива ни в какие соглашения с директорией не вступать.

Работа нашего военно-политического центра под Киевом была сопряжена с большими трудностями. Центру не удалось создать своего штаба и установить прочную связь с советскими вооруженными отрядами. Но зато агитацию в войсках Петлюры удалось развернуть неплохо. Работа центра закончилась тем, что два товарища были арестованы, часть агитаторов тоже, а оставшийся на свободе товарищ Слинко принужден был вернуться в Киев. В самом Киеве мы ставили своей задачей спешную работу по организации восстания. Мы имели намерение захватить город вооруженной рукой, дабы поставить директорию перед фактом захвата власти в Киеве большевиками. Восстание в городе мы хотели приурочить к первому штурму Киева, начатому Петлюрой 18 ноября. 19-го были получены сведения, что петлюровский полковник Капкан организует восстание в Киеве и собирается выступить в ночь на 20-е число. Это непрошенное вмешательство в наши планы грозило их расстроить, а поэтому областной комитет разрешил мне и Ю. Коцюбинскому отправиться к Капкану для переговоров.

С полковником Капканом мы имели два свидания. На первом мы заявили Капкану, что настаиваем на подчинении действий его отрядов нашим планам, указали ему, что выступление 20-го должно быть отменено. Он согласился с этим. На втором свидании мы отвергли предложение Капкана слить штабы, заявили ему о том, что он будет осведомлен о времени нашего выступления, а также, что ему будут указаны район действий и боевые задачи. В разговоре с Капканом ему было также заявлено, что в случае успешности восстания властью в городе будет объявлен наш большевистский ревком.

Назначенное на 21-е восстание в городе не удалось, хотя в некоторых районах имели место отдельные выступления. Неудача восстания 21—22 ноября объяснилась тем, что подготовка к нему была недостаточна, да и наши вооруженные силы были из рук вон слабы. Я уже отмечал, что попытка купить у немцев

броневики чуть-чуть не принесла нам крупнейших неприятностей. Дело в том, что по разработанному нами плану восстания центром его должен был явиться Подольский район и туда должны были прибыть купленные у немцев броневики. Покупка состоялась, места для броневиков были указаны, но они к месту назначения в условленный час не прибыли. И если бы восстание развернулось хоть сколько-нибудь широко, это безусловно принесло бы нам тяжкие потери. Во время второго штурма Киева мы уже, имея ноябрьский опыт, не ставили себе задачи овладения городом, а лишь преследовали цель организации и накопления наших вооруженных сил. Во время второго штурма нам удалось захватить немало боевых средств и даже на время овладеть некоторыми участками, что тоже было использовано нами в целях усиления нашего вооружения.

В цитированном выше докладе областного комитета тактика этого периода характеризовалась следующим образом: «Наша тактика сберегла рабочие силы от растраты, дала возможность до конца сохранить руководство массой в руках партии и привела в результате к значительному увеличению наших вооруженных сил». Последние дни гетманщины ознаменовались очень большим «оживлением» деятельности весьма многочисленных в Киеве соглашательских партий, которые устраивали постоянные совещания, заседания, согласования и т. д. Наша организация на некоторых из этих совещаний принимала участие, при чем наши представители неизменно заявляли, что они присутствуют на совещании исключительно с информационными целями. Перед первым штурмом секретариат совета профессиональных союзов сделал попытку призвать массы киевских рабочих к стачке протеста. Мы самым решительным образом выступили против этого, заклеймили призыв к стачке как провокационный жест соглашательских партий и выставили лозунг: «Не стачка протеста, а вооруженное восстание».

В ответ на объявление гетманским правительством мобилизации в Киеве мы обратились к массам с призывом не давать ни одного солдата гетману и наряду с этим организовали отправку уклонявшихся от военной службы на повстанческие фронты. Печатная агитация в этот период поставлена нами была довольно слабо, но все же на каждое крупное событие нам удавалось откликаться выпуском соответствующей листовки. За этот период нами были выпущены воззвание «К оружию», листовка во время первого штурма, специальная листовка по поводу объявления гетманом мобилизации в Киеве и один номер «Бюллетеня Киевского областного военно-революционного комитета». За это время связи партийной организации с киевскими фабриками и заводами значительно окрепли. Уделялось внимание также и немецкому солдатскому совету, но хоть сколько-нибудь заметных результатов эта работа не давала, и попытки использовать совет в целях вооружения рабочих Киева были мало успешны.

III. Директория в Киеве

В половине декабря петлюровские войска вступили в Киев. Через несколько дней в Киев прибыла директория. 2—3 февраля 1919 г. директория эвакуировалась в Винницу. В ночь на 5 февраля 1919 г. остатки власти директории в лице штаба осадного корпуса были изгнаны из города, и власть перешла в руки исполнительного комитета Киевского совета рабочих депутатов. Утром 6 февраля войска временного рабоче-крестьянского правительства Украины вступили в город. Таким образом директория просуществовала в Киеве 52 дня. За это время обнаружилось, что она является не чем иным, как кулацко-офицерской диктатурой.

Тотчас же по вступлении войск директории в Киев по улицам города было развешено объявление о том, что «до прибытия членов директории высшим органом государственной власти является Украинский революционный комитет». А одновременно с этим начальник гарнизона города Киева Тимченко объявил, что вверенная ему первая казачья Днепровская дивизия вступила в город, и приказал городской управе ведать до прибытия директории всеми «административно-гражданскими делами». 15 декабря революционный комитет ко всеобщему сведению объявил, что «всякое посягательство на свободу слова, печати и собраний будет караться по законам военного времени». А полковник Коновалец — командир осадного корпуса — запретил всякие свободы и не допускал никаких рабочих собраний. В довершение всего тот же самый Коновалец распустил Украинский революционный комитет и приказал снять всех назначенных комитетом комиссаров. Несколько коммунистов, выпущенных из тюрьмы, были распоряжением штаба осадного корпуса опять взяты под арест. Киев был объявлен на осадном положении. Такими мероприятиями ознаменовала директория первые дни своей власти в Киеве. «Правительство директории, — читаем мы в уже цитированном мною докладе Киевского областного комитета,— боровшееся еще под Киевом против рабочих, вступив в Киев, развернуло целую систему мер против рабочих, крестьян и солдат. Передав власть в центре и на местах в руки военной клики (штаба осадного корпуса в Киеве), директория оформилась как кулацко-офицерская диктатура. Эта диктатура в случае своего утверждения должна была неизбежно превратиться в диктатуру империализма».

По приезде в Киев директория продолжала то, что начали начальник гарнизона Тимченко и командир осадного корпуса Коновалец. Под прикрытием директории, с ее верховного соизволения, штаб осадного корпуса установил такой режим, который перещеголял «методы управления», практиковавшиеся на Украине гетманщиной во все время ее существования. 21 декабря рабочие профессиональные союзы на Трехсвятительской улице

подверглись наглому налету со стороны отряда сечевых стрельцов. Помещение союзов было разгромлено. Налет был повторен 23 декабря, при чем сопровождался арестом целого ряда товарищей. Когда депутация от профсоюзов отправилась для переговоров по этому поводу к председателю директории Винниченко, то последний заявил, что это случайное недоразумение и что виновные будут наказаны. Верхушки соглашательских партий склонны были рассматривать этот налет как случайный факт и хотели отделаться назначением комиссии, расследованием, привлечением и прочими пустяками. На самом деле этот факт целиком и полностью вытекал из характера власти директории. В директории дело было поставлено таким образом, что украинская национальная интеллигенция разговаривала о свободе, интересах трудящихся, социальных преобразованиях, вообще говорила пышные фразы, а под их прикрытием орудовали офицеры и кулаки, которые в конечном итоге и определяли действительную линию политики директории. Винниченко разговаривал, а полковник Коновалец громил рабочие организации.

За налетами последовали расстрелы. Числа 18 тов. Врублевский, только что выпущенный из гетманской тюрьмы, был снова арестован властями директории. 25 декабря отряд казаков пришел в гостиницу «Версаль», где содержались Николай Врублевский с товарищами, взял их с собой и на Владимирской горке всех арестованных — их было четверо — расстрелял в спину. 27 декабря на Подоле было арестовано собрание солдат и рабочих. В ночь на 28-е арестованные были приведены в царский сад и там над ними была учинена штыковая расправа. В листовке, выпущенной по поводу этой подлой расправы над коммунистами, директории были брошены такие обвинения:

«Они прикрываются именем трудового народа, а за их спиной, с их соизволения командуют над рабочими и крестьянами генералы, кулаки, офицеры.

Проклятье им! Мы никогда не забудем зверского расстрела и штыковой расправы над нашими товарищами. Их имена напишем на наших боевых красных знаменах, и под ними пойдем на борьбу за власть рабочих и крестьян, за власть советов на Украине.

Товарищи! Всю вашу ненависть обратите на голову тех, кто правит в настоящее время Украиной, издевается над рабочими и крестьянами, расстреливает борцов за рабочую революцию. Сомкните ваши ряды. Будьте готовы к защите пролетарских лозунгов. Все под красные рабочие знамена!

Долой кулацко-офицерскую диктатуру!

Да здравствует власть советов на Украине!»

26 декабря директория официально объявила, конечно с оговоркой, что «советы рабочих депутатов могут существовать как типы классовой организации пролетариата, а потому выборы в такие советы могут производиться без помехи». На самом

же деле одной из причин налета на помещение профсоюзов было то, что в нем помещалось также бюро по созыву совета рабочих депутатов. Предвыборные собрания запрещались, а выступления наших ораторов были сопряжены с большим риском. Первое и единственное собрание совета в театре Берганье происходило под охраной полицейских, шпиков и под особым наблюдением агентов коновальцевского штаба. Нечего говорить о том, что главные удары падали на нашу большевистскую организацию, которая фактически была объявлена вне закона. Эту серию своих «мероприятий» директория завершила целой волной еврейских погромов. М. Рафес в своей книжке «Два года революции на Украине» сообщает о разговоре двух членов Центральной рады в январе 1919 г., когда один из них жаловался на бессилие Центральной рады перед большевиками, а другой сказал ему на это: «Обождите, мы не использовали еще нашего главного козыря. Против антисемитизма никакой большевизм не устоит». И вот этот «главный козырь» был пущен в ход директорией в январе 1919 года. Волна погромов прошла Бердичев, Бахмач, Овруч, Житомир, Павлоград и т. д.

Погромы происходили «при бездействии» органов петлюровской власти. Главными погромщиками являлись сечевики.

Директория сначала замалчивала погромы, а потом заявила, что погромы устраиваются гетманцами и добровольцами и «теми, кто именует себя большевиками». А сам председатель директории в своем ответе объединенной делегации соглашательских партий указал, что меры будут приняты, виновные будут наказаны, но что евреи сами виноваты в погромах, так как принимают участие в большевистском движении. В заключение же своего разговора он советовал делегации убедить евреев не участвовать в большевистских выступлениях. Дальше этого итти было некуда. Из-под хитро сплетенной сети ни к чему не обязывающих народолюбивых фраз беззастенчиво и нагло выглядывала гнусная физиономия остервенелого кулака и коновальцевского офицера.

В декларации директории была объявлена широковещательная программа по рабочему вопросу. Директория «восстановляла» 8-часовой рабочий день, коллективные договоры, гарантировала право коалиций и забастовок, а также провозгласила «всю полноту прав рабочих фабричных комитетов». Но это было лишь на словах. На деле — разгром рабочих организаций, осадное положение против рабочего движения, борьба против рабочих забастовок и полное бессилие принять какие-либо меры к прекращению промышленной разрухи.

В области земельных мероприятий директория провозгласила уничтожение права частной собственности «на все земли с их водами, надземными и подземными природными богатствами и лесами в границах Украинской народной республики». Все это на бумаге становилось добром народа Украинской народной рес-

публики. На деле же директория установила такой режим, который был направлен против деревенской бедноты, охранял и насаждал кулацкую собственность и боялся притронуться к землям иностранных помещиков. Завершением всех этих начинаний директории являлся созыв так называемого трудового конгресса. Этот конгресс должен был состоять из депутатов «от трудового крестьянства, рабочих и трудовой интеллигенции». На самом же деле система выборов на конгресс целиком и полностью обеспечивала преобладание кулацких элементов. Директория лишила избирательских прав даже солдат петлюровской армии. В резолюции исполнительного комитета Киевского совета рабочих депутатов об отношении к трудовому конгрессу читаем: «Конгресс является попыткой создания представительства национально-кулацких групп, могущего стать для правительства директории опорой в его борьбе против пролетариата и трудового крестьянства Украины». Этот кулацкий парламент был не чем иным, как центром организации всех контрреволюционных сил против социалистической революции. С «высокой» трибуны трудового конгресса председатель директории Винниченко не нашел ничего лучшего, как заявить об «агонии» большевизма и довести до сведения господ депутатов, что в Харьковском совете «преобладают китайцы и латыши». Конгресс оказался вполне на высоте того контрреволюционного задания, которое ему было поставлено: он выразил «свое полное доверие» директории. Тем самым он целиком и полностью оправдал и покрыл всю гнусность кулацко-офицерского режима директории с ее расстрелами, надругательствами над рабочими и крестьянами, еврейскими погромами и заигрыванием с антантовским империализмом. Последнее обстоятельство с особенной отчетливостью обнаружилось именно на конгрессе. Еще до открытия конгресса директория вступила в конфликт с единственной в мире советской республикой, а одновременно с этим она под шумок пышных фраз о независимости, мире и «международных освободительных силах» начала переговоры с французским командованием на Украине.

Во время конгресса нами в Киеве был получен текст договора «между представителями директории и союзниками». Этот текст обязывал директорию «всеми силами бороться с большевиками». В свою очередь «союзное командование» обязывалось «всемерно поддерживать Украинскую народную республику в ее борьбе с большевиками, снабжая боевыми принадлежностями». Войска директории должны были находиться в оперативном подчинении специального штаба, состоявшего из представителей «союзного командования», украинских войск и польских легионов. Даже на кулацком конгрессе этот документ произвел впечатление разорвавшейся бомбы. Разъяснения петлюровского военного министра Грекова ничего не разъяснили и ничего разъяснить конгрессу не могли. «Конгресс, — говорит т. Рафес в своей книжке, — разошелся под впечатлением, что договор с

Антантой заключен». В донесениях адмиралу Колчаку с Украины, относящихся к февралю — марту 1919 года, мы находим следующие места: «Несмотря на заявление генерала Бертело, сделанное в беседе с В. В. Шульгиным, о том, что он не примет никаких серьезных решений до свидания и переговоров с генералом Деникиным, в действительности после отъезда генерала Бертело переговоры генерала д'Ансельма и его штаба с директорией продолжались и н ы н е привели к заключению соглашения» *

Свою подлую деятельность правительство директории начало с разгрома рабочих организаций и расстрела революционеров, а кончило заключением договора с французским командованием.

Этим директория показала, что правительство кулачья и коновальцевской офицерии не могло быть не чем иным, как только агентурой империализма.

IV. Киевская организация во времена директории

Во времена директории в Киеве наша партия была объявлена вне закона. Быть арестованным в те времена означало быть расстрелянным. Кулацкая директория создала в Киеве такой режим, который не снился даже германским генералам, залившим рабоче-крестьянскую Украину в месяцы немецкой оккупации потоком крови.

Осадное положение было направлено прежде всего против нашей партии. Петлюрой был издан ряд приказов, по которым «агитаторы» должны были расстреливаться на месте «своего злочинства». Военный суд угрожал любому организатору собраний, «яки выдбуваются без дозволу». И, наконец, военно-полевому суду предавались те, кто был повинен в издании и распространении всякого рода «летучек». Большевиков «приказывалось» считать гетманцами-добровольцами и как таковых истреблять всеми способами. Коновальцевские охранники, эти мастера застенка, неустанно охотились за большевиками, арестовывали и расстреливали их десятками. Некоторые иллюстрации того, в каких условиях пришлось работать нашей партии в киевский период существования директории, дает «Киевский коммунист», орган Киевского областного и городского комитета КП(б)У. В номере от 1 января 1919 г. мы читаем такое редакционное заявление: «Киевский коммунист» издавался и при гетманщине. Переход власти к директории нисколько не улучшил положения пролетарской печати. Свобода печати, провозглашенная директорией, оказалась свободной только для буржуазных и кулацких газет. Происходящие сейчас в Киеве преследования коммунистов лишают возможности быть уверенными в ежедневном выпуске газеты. Поэтому «Киевский коммунист» будет выходить ежедневно только по возможности. Полицейские условия, в которых происходит

* См. «Красный архив», том XIX, стр. 6.

издание нашей газеты, лишают возможности вести корректуру набора».

В номере от 29 января того же года редакция снова заявляет: «Товарищи-рабочие знают, в каких невероятно тяжелых условиях происходит издание «Киевского коммуниста». Пролетарскую печать душат одинаково как Скоропадский, так и Винниченко. Технические условия печатания «Киевского коммуниста» таковы, что корректура не может вестись и представитель редакции не может присутствовать при выпуске номера. Этим объясняются наличность опечаток, неправильное распределение шрифтов и т. д.».

Товарищу, в руках которого была сосредоточена техническая сторона издания газеты, приходилось всячески изворачиваться, дабы очередной номер мог быть отпечатан и распространен по районам. Но, несмотря на это, «Киевский коммунист» выходил и делал свое дело. Редакции газеты (которая состояла из меня, Алгасова и Ларина) приходилось тоже основательно приспособляться к этим «техническим условиям» издания нашей газеты. В еще более трудных условиях протекала вся остальная работа киевской партийной организации. Основной линией нашей работы было настойчивое и беспощадное разоблачение каждого шага директории как кулацко-офицерской диктатуры, в центре же всей нашей работы стояла прямая и непосредственная подготовка к вооруженному восстанию для свержения власти петлюровской диктатуры.

В платформе большевиков, выпущенной перед выборами Киевского совета рабочих депутатов, в качестве очередной задачи выдвигалась «неуклонная и последовательная борьба за власть советов в центре и на местах», при чем указывалось, что «киевскому пролетариату необходимо прежде всего создать совет и мобилизовать вокруг него все пролетарские силы». В качестве конкретных директив нашим депутатам в Киевском совете выдвигались следующие: 1. Разоблачение «перед массами контрреволюционного характера правительства директории». 2. «Мобилизация пролетарско-крестьянских сил для решительной борьбы за власть советов». 3. Организация «в той или иной форме» рабочей красной гвардии. 4. «Всемерное содействие солдатам армии директории в организации совета солдатских депутатов» и 5. Установление теснейшей связи «с германским советом солдатских депутатов и массой германских солдат». Под такими лозунгами входили мы в состав Киевского совета рабочих депутатов. Выборы в Киевский совет нам удалось целиком и полностью использовать для организации наших сил и разоблачения контрреволюционного характера директории. Несмотря на запрещения, преследования и расстрелы, киевской организации удалось развернуть широкую предвыборную кампанию: кроме газеты нами выпускались специальные листовки. Наши агитаторы выступали на фабриках и заводах, а также на специаль-

ных собраниях, связанных с выборами. Мы заранее учли, что открытое существование Киевского совета в обстановке каторжного режима директории невозможно, и стремились только к тому, чтобы собрать хотя бы одно заседание совета и выбрать на нем исполнительный комитет. Это нам удалось в полной мере. Несмотря на скорпионы и преследования, Киевский совет собрался, заслушал краткую информацию, несколько приветствий и выбрал исполнительный комитет, если я не ошибаюсь, из 11 человек. В своем обращении к рабочим Киева исполнительный комитет заявлял: «Исполнительный комитет считает необходимым заявить вам, что открытое существование Киевского совета рабочих депутатов при настоящих условиях невозможно. Товарищи! Опыт революции научил нас тому, что советы являются органами власти и могут существовать только в том случае, если рабочие и крестьяне побеждают или уже победили всех своих классовых врагов. Если же советы не имеют власти, если они не имеют даже возможности открыто и прямо, решительно и неуклонно бороться за власть, то они или сметаются с открытой арены борьбы натиском враждебных сил, или принуждены в случае открытого существования урезывать свои боевые революционно-пролетарские лозунги и отказываться от своей главнейшей основной задачи—борьбы за установление полновластия пролетариата и беднейшего крестьянства над капиталистами, кулаками и помещиками».

Подчеркивая, что правительство директории вполне оформилось как кулацко-офицерская диктатура, воззвание исполнительного комитета утверждало: «И ясно, что правительство директории примет все меры, дабы не допустить существования Киевского совета как органа, мобилизующего массы для решительной борьбы за полновластие совета. На открытой арене этой задачи мы выполнить не сможем, нам приходится уйти в подполье и там напрячь все усилия, чтобы организовать рабочие массы, крепко связанные с солдатами, сплотить вокруг себя беднейшее крестьянство. Это не значит, конечно, что мы отказываемся от массовой работы. Ни на одну секунду. Мы сделаем все, чтобы использовать имеющиеся легальные возможности, и не оставим без внимания ни одного средства для организации широкой массовой деятельности».

Обращение заканчивалось призывом к восстанию и свержению власти директории. Созывом совета и уходом его в подполье открывался новый период в деятельности нашей киевской организации во времена директории. Уход в подполье совета означал для нас переход к активным вооруженным действиям против директории. С этого момента начинается период организации ряда восстаний против директории вокруг Киева.

В самом Киеве мы ограничивались лишь накоплением вооруженных сил, заранее предвидя, что они будут нужны нам к моменту подхода красных войск непосредственно к подступам

города. Несмотря на ряд попыток, нам не удалось установить непосредственной связи с нашими повстанческими дивизиями, наступавшими от Нежина. В начале февраля, в последние дни существования петлюровской директории в Киеве, наши разведчики неоднократно пытались пройти через петлюровский фронт и связаться с красными войсками. Но все попытки кончались неудачей. Связь нам удалось установить лишь 5 февраля, когда Киев находился уже в руках наших рабочих отрядов, а в здании городской думы уже заседал исполнительный комитет Киевского совета рабочих депутатов. Я помню курьезный инцидент, который произошел вечером 5 февраля, когда в Киев приехало дивизионное начальство и, полагая, что в городе нет еще советской власти, решило объявить об организации ревкома. В здании городской думы, в комнате исполнительного комитета, это недоразумение в два счета разъяснилось, но для ликвидации ревкома пришлось направить по городу десяток рабочих, которые и «счистили» со стен некоторых домов уже кое-где расклеенные объявления об организации ревкома. Мы ничего не имели против ревкома, но мы полагали, что существование в городе исполкома, при этом выбранного на заседании Киевского совета рабочих депутатов, вполне обеспечивало нормальную работу советской власти в только-что освобожденном городе.

Все это имело место 5 февраля, но до этого дня в течение нескольких недель исполнительному комитету из подполья приходилось напрягать все усилия, дабы удар за ударом сламывать сопротивление директории.

Помню, что в это время в Киев приезжало немало представителей от различных организаций Киевской губернии, которые на местах принимали все меры для подготовки и организации восстания. На явку в клуб имени Борухова приезжали товарищи из Житомира, из Бердичева, из Василькова, в конце января приезжали за указаниями представители наших организаций из Черкасс и Золотоноши. Директории проходилось постоянно брать войска с фронта и бросать их на подавление то там, то здесь вспыхнувших восстаний. Нашу главную ставку мы ставили на Ржищево-Обуховский район, где была сосредоточена повстанческая дивизия, державшая с нами связь. В этой дивизии имелось немало наших людей, было довольно крепко наше влияние, и поэтому украинское командование этой дивизии готово было принять участие в восстании против петлюровской директории. Во второй половине января мы направили в этот район группу товарищей во главе с П. Дегтяренко. Мне и товарищу Голубенко было назначено явиться туда же несколько позже. Наша попытка пройти туда прямым путем не увенчалась успехом, ибо мы наткнулись на какую-то часть сечевых стрельцов и принуждены были вернуться обратно. В ту же ночь мы направились в этот район другим путем, через Васильково. Восстание в Ржищево-Обуховском районе было подавлено войсками

директории, но, несмотря на это, как ржищево-обуховское, так и другие восстания вокруг Киева очень дорого обходились директории уже по одному тому, что они дезорганизовали аппарат петлюровской власти и постоянно отвлекали войска с фронта. Наша повстанческая работа в Киевском округе облегчалась тем, что мы, если можно так выразиться, имели в своих руках пересыльный пункт для возвращавшихся из австро-немецкого плена солдат. Административно-хозяйственной частью в этом пункте, занимавшем большой дом в районе Бибиковского бульвара, заведывала покойная В. Н. Лобова. Этот пункт служил нам военной явкой, был надежным местом для наиболее конспиративных встреч, здесь собирался наш штаб, а иногда устраивались заседания нашей областной пятерки. С военнопленными свидетельствами наши товарищи беспрепятственно передвигались по Киевской губернии и имели возможность выполнять поручения, даваемые нашим штабом. В качестве военнопленных ездили и т. Дегтяренко и его группа в Ржищево-Обуховский район; в таком же виде путешествовали и мы с тов. Голубенко.

Всей организационной работой в Киеве ворочал в то время т. С. Косиор, который был тогда секретарем Киевского областного комитета. В январе 1919 года военнопленный пункт был его главной штаб-квартирой, откуда он мог выполнять те обязанности, которые были возложены на него областным комитетом. А работу проходилось вести громаднейшую и при этом в чрезвычайно сложных условиях. Более или менее регулярный выпуск «Киевского коммуниста» давал нам возможность откликаться на все важнейшие события и шаг за шагом разоблачать все действия директории перед массами киевского пролетариата. Специальные листовки дополняли эту работу. Как только войска директории вступили в Киев, областной комитет немедленно же выпустил воззвание «К солдатам армии, с бою взявшей Киев». Накануне изгнания директории из Киева областной комитет снова обратился к солдатам армии директории с призывом «обратить винтовки и пулеметы против бывшего правительства директории и изверга Коновальца». В связи с созывом трудового конгресса нами была выпущена специальная прокламация «К киевским рабочим» с призывом отказаться от выборов в кулацкий парламент.

На страницах «Киевского коммуниста» был помещен ряд статей, посвященных созыву и «работе» трудового конгресса. Исполнительный комитет Киевского совета рабочих депутатов выпустил специальный бюллетень, в котором был помещен весь осведомительный материал по вопросу о трудовом конгрессе. Областной комитет КП(б)У высказался против участия на трудовом конгрессе. Но, применяя тактику байкота, областной комитет предложил всем партийным организациям принимать самое энергичное участие на фабрично-заводских собраниях и сельских сходах для разоблачения контрреволюционного харак-

тера политики директории. Несмотря на режим террора, который установила директория в Киеве, нам удавалось в достаточной степени регулярно вести нашу партийную работу. 19 января была созвана городская конференция, на которой присутствовали представители всех районов, кроме Подольского. Конференция обсудила ряд вопросов и приняла резолюцию, определяющую основную линию нашей тактики. Конференция избрала городской комитет и делегатов на губернскую конференцию.

Правительство директории на каждом шагу убеждалось в том, что, несмотря на режим застенка, наша партийная организация ведет настойчивую и планомерную работу как в самом Киеве, так и в губернии. Директория знала об этом по то и дело вспыхивавшим восстаниям, по выступлениям наших агитаторов на рабочих собраниях, которые собирались «без дозволу», по изданию «Киевского коммуниста», который нередко расклеивался в рабочих районах под самым носом петлюровских полицейских. Партия бойкотировала трудовой конгресс. Ни одного официального представителя партии не было на нем. И тем не менее, мы на конгрессе сказали свое веское большевистское слово. Как только текст договора директории с союзным командованием был нами получен, мы немедленно же распространили его в помещении, в котором заседал конгресс. И «нелегальный листок» загнанной в подполье партии заставил подниматься на трибуну и председателя директории и выступать с разъяснениями военного министра генерала Грекова. Директория знала о нашей работе и хваталась за всякое средство, чтобы помешать ей. Директория то давала согласие Центральному комитету Украинской с.-д. рабочей партии обратиться к нам с предложением принять участие в междупартийной социалистической делегации, организуемой Центральным комитетом для проездки в Москву, то фабриковала обращение «К рабочим и крестьянской бедноте» под заголовком «Манифест Центрального комитета партии украинских коммунистов (большевиков)» за подписями какого-то мерзавца Столицкого и других (было помещено в газете «Новая рада»). В этом воззвании заявлялось, что всеукраинский съезд большевиков постановил считать старый Центральный комитет партии распущенным и вместо него избрал новый Центральный комитет, а наряду с этим пускался ряд провокационных слухов и явно вздорных общих рассуждений. Под воззванием не только была подпись какого-то Столицкого, но было использовано славное имя тов. Чудновского, погибшего под Харьковом в апреле 1918 года. Областной комитет в своем обращении указал, что данный манифест «является низким средством борьбы с коммунистическим пролетариатом и рабочей революцией». Директория хваталась за самые низкие средства борьбы, но все они обращались против нее.

В Киеве в обстановке режима директории, разоблачившей себя до конца как правительство кулацко-офицерской диктатуры,

имел место процесс образования и выделения левых групп в составе различных соглашательских партий (Бунда, объединенных еврейских социалистов, украинской СДРП и т. д.).

Областной комитет в своем докладе на январской городской конференции таким образом оценивал этот процесс, происходивший не без нашего влияния: «Процесс образования левых советских (или почти советских) групп в Бунде, в укр. СДРП (фракция незаможных) и в партии объединенных еврейских социалистов, по мнению областного комитета, является результатом трех основных факторов: революции в Германии, разгрома уфимской директории и явного превращения украинской директории в кулацко-офицерскую диктатуру. Полагая, что образование этих групп есть лишь первый решительный шаг по пути изживания мелкобуржуазных колебаний и начало поворота мелкой буржуазии к пролетариату и рабочей революции, областной комитет считает, что лишь до конца последовательная и принципиально выдержанная тактика с нашей стороны может ускорить этот процесс и привести к консолидации всех становящихся советскими партий и групп вокруг нашей партии».

К этому же времени относятся первые встречи наших представителей с представителями партии украинских боротьбистов, которые впоследствии привели к тому, что эта партия сначала все ближе и ближе подходила к нам и принимала наши революционные лозунги, а затем вошла в состав КП(б)У.

Я остановился на главнейших моментах работы и тактики киевской партийной организации во времена директории. Само собой разумеется, что я далеко не исчерпал всего содержания работы нашей партии в тот период. Но и отмеченного мною достаточно для того, чтобы убедиться в том, что киевской партийной организации удалось справиться с теми труднейшими задачами, которые стояли перед нею в конце 1918 года, в начале 1919 г., во времена гетманщины и директории.

В ночь с 4 на 5 февраля 1919 года власть в Киеве перешла в руки исполнительного комитета совета рабочих депутатов. 6 февраля утром в город вошли красные войска. И в этот же день вечером состоялось заседание Киевского совета рабочих депутатов. В обращении исполнительного комитета Киевского совета рабочих депутатов, опубликованном 5 февраля 1919 г., читаем: «Директория изгнана из Киева. Красные советские батальоны вступают в город. Именем Временного рабоче-крестьянского правительства Украины объявляем власть Киевского совета рабочих депутатов восстановленной».

Это было главным итогом революционной работы киевской партийной организации, ведшей за собой широкие массы киевского пролетариата и умевшей своей тактикой обеспечивать союз рабочего класса с крестьянством в интересах восстановления власти советов и победы социалистической революции.

Т. СЕРЕГИН

ШТАБ ОБОРОНЫ ЦАРИЦЫНА *

Начиная с мая 1917 г., нам было ясно, что рано или поздно неизбежна вооруженная схватка с силами местной буржуазии и реакционной частью донского казачества. К этому времени Керенский стал применять к большевикам небывало жестокие репрессии, это еще больше требовало скорейшего вооружения. С этого времени большевики Царицына ломали головы над тем, как достать оружие для рабочих.

Но несмотря на такое серьезное положение, оружие достать было очень трудно. Первое время приходилось ограничиваться главным образом револьверами системы Смит-Вессон, Бульдог и кинжалами. К июлю таким оружием в Царицыне (Сталинграде) было вооружено около ста членов большевистской организации. Но этого было далеко недостаточно. Особенно почувствовалась нужда в оружии с прибытием в Царицын отряда юнкеров и уральских казаков во главе с начальником карательного отряда, полковником Корвин-Круковским. С 26 июля 1917 г. каратели открыто повели борьбу с большевиками.

В это время руководители большевистской организации неоднократно арестовывались. Многие из рабочих были подвергнуты порке. Собрания и демонстрации не разрешались и немедленно разгонялись.

Рабочие ставили перед нами, большевиками, в высшей степени резко вопрос о вооружении. Поэтому царицынский комитет большевиков на своем заседании решил во что бы то ни стало достать оружие (винтовки). Был разработан план и было поручено нескольким товарищам осуществить это мероприятие. 31 августа ночью нами был сделан налет на 4 роту 93 полка, где было забрано и увезено все находящееся оружие (около 250 винтовок и по одной обойме патронов на винтовку). Одна из этих подвод была направлена на завод ныне «Красный Октябрь», а другая на лесозаводы, где в эту же ночь оружие раздали на руки рабочим.

* Обзор охватывает период времени с мая 1917 г., включая Октябрьскую революцию, по июнь 1918 года. Написан он в основном по протоколам штаба обороны.

Оружие выдавалось по списку в первую очередь революционному активу.

Для большевиков это была крупная победа, поэтому утром рабочие ликовали. Делясь между собой этой удачей, они говорили: «Ну вот теперь иное дело, теперь можно с «ними» разговаривать».

Слух об этом случае быстро разнесся по всему городу и окрестности. Начальник карательного отряда полковник Корвин-Круковский после этого события издал грозный приказ по гарнизону:

...«В ночь на 31 августа неизвестные лица от имени революционного штаба, организовавшегося при совете рабочих и солдатских депутатов, явились в одну из рот N пехотного полка и захватили около 200 винтовок и патроны к ним. Считаю подобные действия каких бы то ни было организаций недопустимыми и направленными к свержению существующего строя и правительства спасения революции. Вместе с тем приказываю поставить усиленный караул у складов патронов, винтовок, и часовым в случае повторения подобных явлений действовать согласно соответствующим статьям устава гарнизонной службы, т.-е. применять к охране вверенного имущества оружие. В случае нарушения чинами караула своих обязанностей они будут привлекаться к полевому суду, как за измену революции».

Вскоре палач, полковник Корвин-Круковский по требованию царицынского пролетариата был отозван командующим Казанским военным округом. В это время уже не чувствовалось прежней остроты с оружием — в сентябре мы насчитывали до 400 вооруженных рабочих. Кроме того некоторые части гарнизона целиком поддерживали большевиков.

Постепенно оружие стягивалось из военного ведомства в наши склады. Только один т. Савкин, железнодорожный рабочий, сумел забрать в 141 полку и раздать красногвардейцам около 120 винтовок, а таких случаев в то время было много.

Были случаи, когда солдаты сами приносили на квартиры рабочих оружие. Хотя и с большими трудностями, но к моменту октябрьского переворота у большевиков при штабе Красной гвардии было вооружено около 600 красногвардейцев, что несомненно способствовало переходу власти в руки советов без кровопролития.

С этого момента на сторону совета перешел и царицынский гарнизон. В первые дни после переворота солдаты стремились как можно скорее попасть домой, поэтому немалое количество оружия было увезено по домам. Много оружия попало также в руки жителей Царицына. К сожалению, никто за этим не следил, а советы еще находились в стадии организации. В конце ноября на Дону зашевелились генералы, немцы двинулись на Москву, а Юденич — на Петроград (Ленинград).

Нужно был организовать отряды и вооружать их, а оружия было недостаточно. Тогда Царицынский совет на своем заседании 3 ноября 1917 года решил забрать все оружие в студенческом батальоне. Таким образом было взято около 600 винтовок и 6 пулеметов.

Почти одновременно из Саратова прибыл первый красный отряд в составе 1 батальона пулеметной команды и 1 сводной революционной батареи. Этот отряд с собой привез 8 орудий, несколько (помнится 12) пулеметов, а также около 1 000 винтовок русского образца.

Но и этого оружия далеко нехватало, так как станичные и сельские организации тоже хотели вооружиться. В это время кадеты уже намеревались разогнать советы в некоторых районах, там же, где еще советы не были организованы, они не допускали их создания.

Но достать оружие было нелегко. Когда был произведен учет всего оружия, оказалось, что его не так-то много. Особенно мало было винтовок русского образца и боевых пулеметов. В наличии были в большинстве берданки Витерли, Гра и учебные пулеметы. Вот почему наше положение оставалось тревожным.

Совет знал, что получить оружие из центра было невозможно. Вопрос об оружии был настолько злободневным, что он обсуждался на всех заседаниях совета и даже на собраниях рабочих.

С Северного Кавказа и других районов через Царицын проходили в то время эшелоны солдат, казаков и других частей старой армии, вооруженные винтовками, пулеметами, пушками. Эти эшелоны возглавлялись еще старым офицерством, правда, уже не носившим золотых погонов. Эти боевые единицы пробирались в зону, где свирепствовали кадеты, а также туда, где советы еще не окрепли.

Перед советом стал вопрос, можно ли в дальнейшем пропускать через Царицын такие эшелоны в тот момент, когда нам угрожает серьезная опасность, когда нам нужно оружие для Красной гвардии. Этот вопрос был поставлен на одном из заседаний партийного комитета.

Я хорошо помню установку, которая была дана штабу обороны — нам предложили не пропускать через Царицын ни одного эшелона с оружием в руках. Такое решение для многих было неожиданным и смелым, но оно являлось в то время единственным выходом из создавшегося положения, ибо иначе мы не могли бы обеспечить оборону города.

Конечно провести установку партийного комитета и решение исполкома о разоружении эшелонов являлось задачей очень нелегкой. Проходящие части оружия не сдавали, многие из них заявляли: «Оружие отдадим только тогда, когда вы перейдете через наши трупы». Это настроение солдат объяснялось тем, что эшелоны возглавлялись контрреволюционным офицерством, меньшевиками и эсерами. Солдаты обрабатывались еще до прибытия в Царицын, и нам с большим трудом удавалось их разубеждать.

Были такие случаи, что солдаты при отборе у них оружия говорили: «Мы везем оружие домой для защиты советов, а вам передавать оружие не можем, так как здесь засели не наши лю-

ди (жиды). Вы, мол, нашим оружием нас потом же и задушите». Случалось, что солдаты и казаки не поддавались никакой агитации, наши убеждения на них не действовали.

Иногда на станциях Сталинград, Сарепта и Ельманка скоплялось по нескольку эшелонов, вооруженных что называется до зубов, и так как это были большей частью фронтовики, регулярные войска, то нам приходили в голову жуткие мысли: «Вот взбунтуются и все разнесут». Однако в нас жила уверенность, что «наша возьмет». Часто нам приходилось действовать не только посредством агитации, но и с оружием в руках.

О наших действиях по разоружению эшелонов знал весь пролетариат Царицына и окружающих районов. Мы были уверены в том, что в случае надобности получим полную поддержку рабочих масс. Это подтверждали факты. Многие рабочие, даже не будучи красногвардейцами и членами организации большевиков, приходили на станцию для помощи в разоружении солдат. Здесь они дежурили по нескольку суток без отдыха, не уходя домой, без сна и горячей пищи. Многие из них совместно с красногвардейскими отрядами участвовали в вооруженных схватках с проходящими солдатами.

Первое разоружение проходящих эшелонов было произведено в половине декабря. Эта операция была по существу первой удачей в силу того, что мы застигли офицерство врасплох, когда они не успели подготовить солдат к сопротивлению. В этом разоружении главную роль играл юго-восточный ж.-д. ревком во главе с председателем ревкома т. Родиным и его членами тт. Новиковым, Кузнецовым и др. Тогда было отобрано около 350 винтовок русского образца, 8 револьверов и 12 бомб.

Донская контрреволюция очень скоро узнала об этом и подняла большую бучу. Наши действия были им против шерсти, в силу чего войсковое казачье правительство юго-востока телеграфно предложило царицынским организациям не задерживать эшелонов. 23 декабря председатель совета т. Ерман получил от командующего казачьими войсками угрожающую записку, в которой было сказано:

> «Имеем сведения, что проезжающие через Царицын казаки вами обыскиваются и отбирается у них оружие. Мы настойчиво просим все отобранное у них оружие собрать и сообщить, куда за ним можно командировать приемщика. Помните, что оружие казака составляет его личную собственность, и, повторяю, подобное мы будем понимать как акт дурного соседства».

Эта записка была подписана командующим частями Максимовым. Но эта угроза не подействовала на царицынские организации и пролетариат. Разоружение мы продолжали; нужно оговориться, что оружие приходилось потом брать уже не так легко. Были такие случаи, когда эшелоны еще со станций Котельниково, Чира и др. в штаб обороны посылали своих делегатов с целью узнать, пропустят их с оружием или нет. Делегаты зачастую заявляли:

— Если не пропустите нас с оружием, мы вынуждены будем вернуться обратно или пробраться через Царицын с боем.

Иногда проходящие эшелоны требовали от начальников станций, ревкомов и штаба обороны пропускать и другие эшелоны по усмотрению их схода и под их контролем.

Часто делегации являлись в штаб обороны не одни, а приводили с собой десятки вооруженных солдат из своего эшелона. Они предъявляли ультимативные, угрожающие требования, пытаясь пустить в ход оружие. Но, невзирая на эти угрозы, штаб обороны твердо и непоколебимо выполнял директиву партии и совета.

Невозможно описать всех трудностей по разоружению. Начиная с декабря 1917 г. и по март 1918 г. включительно, редко проходили дни, когда бы мы не возились с вопросами разоружения. Будучи товарищем председателя штаба обороны и комиссаром оружейного арсенала, я совершенно не имел возможности даже для ночевки уйти на квартиру; буквально все время находился в стенах штаба обороны или в 1 сводной революционной батарее, которой я непосредственно командовал.

В Сталинграде осталось очень много живых участников этих событий, и они хорошо помнят эти боевые дни, когда организовалась и крепла Красная гвардия.

В феврале и марте 1918 г. кадеты уже начали развивать военные операции против Царицына.

У нас в это время в рядах красногвардейских отрядов насчитывалось около трех тысяч бойцов да предполагалось организовать еще гораздо больше. Следовательно, нужда в оружии была огромна. Разумеется генералы это учли и ставили все на карту, принимая все меры к тому, чтобы оружие не попало царицынскому пролетариату.

Начиная с февраля, оружие отбиралось уже с большими скандалами, а порой с большим риском для нас. Главное, Царицынский совет не мог гарантировать, что несколько эшелонов не соединятся и не дадут нам трепки. Но вопрос стоял так: или мы будем с оружием, или Царицын будет разбит. В силу такой обстановки штабу обороны пришлось еще энергичнее взяться за это сложное дело.

20 февраля были получены сведения от командующего советскими отрядами Кавказского района т. Садлина о том, что проходящий эшелон солдат, около 1 000 человек, твердо решил оружия не сдавать. Солдаты и офицерство держат себя вызывающе, а в Цацынском ими были произведены грабежи. Штаб обороны рассмотрел это донесение на своем заседании 21 февраля и постановил приготовиться для встречи. Вблизи ст. Ельшанки был расположен отряд Красной гвардии и были установлены орудия. Ревкому Владикавказской жел. дор. было вменено в обязанность этот эшелон дальше Ельшанки не пропускать.

В ночь под 23 февраля эшелон прибыл на ст. Ельшанку, откуда солдаты настойчиво требовали немедленного отправления

их в Царицын. Но со станции Ельшанки еще заранее были отосланы все паровозы в Царицынское депо. Мы с Тулоком в это время были на ст. Ельшанке, где совместно с членами ж.-д. ревкома (фамилий не помню) пытались убедить свирепых фронтозиков сдать оружие, но они чуть нас не растерзали. Мы были вынуждены покинуть станцию.

На другой день солдаты врываются к нам в штаб обороны. Пятьдесят с лишним человек с большим гонором, шумом стали напирать на нас, требуя отправления. Они ставили ультиматум:

— Если вы не дадите по телефону распоряжения начальнику станции об отправлении, то мы будем вынуждены силой забрать паровоз и пробраться с боем.

Вместе с тем солдаты намекали, что сил для этого у них хватит, и не только для того, чтобы пробраться, но и для того, чтобы навести порядок в Царицыне.

Момент был очень тревожный, дело могло дойти до кровопролития — стоило нам чуть-чуть поколебаться, взять неверный тон, и резня началась бы.

Для разрешения этого вопроса было созвано экстренное совещание совета под председательством т. Ермана. Вопрос разбирался при закрытых дверях. Было решено оружие отобрать силой. К зданию штаба немедленно были вызваны т. Тулок с конным отрядом и один взвод артиллеристов 1 сводной революционной батареи в конном составе. Всадники по приезде к зданию штаба с коней не сходили, а Тулок и делегаты от эшелона приглашены были на совещание.

На заседании делегация солдат доходила чуть ли не до обнажения оружия, но мы себя держали совершенно спокойно. Совещание тянулось очень долго, и если бы его не прервал своим выступлением т. Ерман, то вряд ли оно окончилось бы. Тов. Ерман долго молчал, выслушивая делегатов, затем, с силой стукнув кулаком по столу, вскочил и, обращаясь к стоявшему у окна командиру конного отряда т. Тулоку, спросил: «Отряд готов? Орудия установлены?» Тулок ответил утвердительно. Тогда тов. Ерман обернулся к делегатам эшелона и заявил: «Если вы сию минуту не дадите официального согласия на сдачу оружия, эшелон будет немедленно уничтожен артиллерийским огнем. А вас как главных виновников отсюда не выпустим». Затем т. Ерман указал пальцем на окно: «Вон, видите, вы окружены! Я объявляю вам, что вы арестованы и обязаны оружие с себя снять. На размышление даем вам пять минут. В случае отказа вы немедленно будете отправлены в тюрьму. С эшелоном мы поступим так, как я уже сказал».

Делегация перешла к своим солдатам в другую комнату, а Тулок сел на коня в ожидании приказания.

Делегация решила сдать оружие, о чем согласилась сообщить по телефону в эшелон. Спустя несколько минут мы с т. Тулоком и двумя делегатами выехали на ст. Ельшанку для приема оружия. Насколько мне помнится, нами было взято 400 винто-

вок, 2 орудия трехдюймовые, 12 пулеметов, 18 револьверов, много бомб и около 50 шашек. В эту же ночь эшелон был отправлен по назначению.

Следующий крупный конфликт при разоружении произошел 1 марта на ст. Сарепта. Здесь у солдат, руководимых меньшевиками и белым офицерством, политика была совершенно иная. Делегация, приехавшая от эшелона в штаб обороны, держала себя удивительно скромно, вежливо и политично: ни одного мата, ни одного бранного слова против совета и вообще царицынских организаций. Посредством такой политики они хотели, что называется, подмылиться, уговорить, чтобы проехать с оружием.

Один белый офицер, кажется, полковник, заявил: «Мы ведь тоже большевики, нам оружие необходимо, ибо мы следуем в те районы, где враги народа посягают на советы». Когда ему было предложено пойти вместе со штабом против врагов, делегат, понятно, отказался. В свое оправдание он заявил: «Ведь мы, как вам известно, только-что с фронта, следовательно, нам сначала необходимо побывать дома, а затем уже мы будем защищать советы».

Конечно, в этом эшелоне имелись и большевики, но их было очень мало. Два товарища даже нашлись в числе делегатов; один из них и разоблачил замыслы меньшевистско-эсеровской дряни. Он в присутствии своих делегатов прямо заявил: «Достаточно того, что многих вы обдурили на предыдущих станциях, мороча голову темным, забитым солдатам эшелонов. Как видно, здесь ваш номер не пройдет. Я большевик и вполне сознаю и вхожу в положение штаба обороны, я не только согласен сдать оружие, дальше с этим эшелоном я не пойду и поступаю в полное распоряжение Царицынского штаба. Если, — обращается он к своим делегатам, — вы большевики, несомненно вы обязаны так же поступить, как я».

Меньшевики, конечно, не пошли на это предложение, они были огорошены выступлением своего спутника. Однако, пытаясь нас провести, они решили выехать в Сарепту для обсуждения этого вопроса совместно с солдатами всего эшелона.

В 6 часов утра штаб обороны получил сведения о том, что солдаты решили оружия не сдавать. Штаб обороны на своем заседании 1 марта 1918 года постановил: «Отобрать оружие, невзирая ни на какое сопротивление, для чего предъявить ультиматум о сдаче оружия не позже 24 часов этого же числа и предложить ревкому выехать на ст. Сарепта для переговоров».

Прошел срок ультиматума, но эшелон не сдал оружия, не подавая о себе каких-либо сведений.

Оказывается, ночью на ст. Сарепта один из членов ревкома проводил митинг солдат, которые разбились на два лагеря: одни высказывались за сдачу оружия, другие против. Дело дошло до того, что они чуть не перестреляли друг друга. Это обстоятельст-

во заставило ревком продлить срок ультиматума о сдаче оружия до 12 часов следующего дня.

Все же штаб обороны, не дожидаясь времени сдачи, утром послал туда конный отряд и артиллерийскую батарею. Красная гвардия галопом продемонстрировала свои силы на ст. Сарепта и вокруг станции. Это оказало моральное воздействие на солдат. После чего оружие было сдано без боя. Всего оказалось: винтовок около 500, револьверов 35, шашек 18 и несколько бомб.

Не раз контрреволюция хотела перевезти оружие в лагерь белых обманным путем, в различных поездах и отдельных вагонах, но штаб обороны раскрывал эти мошеннические махинации. 12 марта утром с Кавказа следовал через Царицын санитарный поезд. Железнодорожный ревком заинтересовался этим поездом, было установлено, что в нем не было ни одного больного и раненого, но пассажиров вообще виднелось изрядное количество. Поезд был, конечно, задержан. Обо всем было сообщено штабу обороны.

Штаб обороны предложил железнодорожному ревкому проверить документы и произвести обыск в поезде, но часовые, стоявшие в дверях вагонов, не впустили представителей ревкома и отказались дать какие-либо справки, мотивируя это тем, что начальник поезда отстал с документами в пути следования (см. протокол штаба обороны от 12 марта 1918 г.). Поезд простоял до самой ночи, но начальник поезда все еще не показывался.

Председатель ревкома т. Родин доложил вторично, что солдаты возятся с какими-то станковыми пулеметами и что в вагонах заметна какая-то суматоха. Выявить в чем дело, нам не удалось, так как к вагонам даже близко нас не подпускали.

Мне пришлось созвать заседание штаба обороны, где было решено выдать т. Тулоку мандат на право обыска поезда и отбора оружия. Тов. Тулоку было поручено сделать операцию как можно скорее. Спустя несколько часов Тулок сделал распоряжение красногвардейскому отряду оцепить поезд. Вначале он сам пытался войти в вагон санитарного поезда, но часовые его не впустили. Тогда тов. Тулок подал отряду команду: «Готовься к бою!».

Отряд винтовки взял наизготовку. Поезд был отправлен в тупик на дровяные пути. Здесь красногвардейцы дали несколько залпов вверх, а Тулок заявил часовым: «Если вы не допустите нас к осмотру вагонов, мы откроем боевую стрельбу». Тов. Тулок выхватил свой маузер и направил его на часового, последний не выдержал, сдался, а за ним последовали и другие.

В поезде оказалось почти сплошь белое офицерство, у которых отобрано было 100 револьверов, 7 пулеметов, много винтовок и бомб. Начальника эшелона мы так и не нашли, очевидно, его скрывали.

На этом и окончилась авантюра кучки прохвостов.

В апреле 1918 года на ст. Царицын прибыл бронепоезд под командой Колотилина. Последний пробирался к белым и упорно

отказывался сдать оружие. Команда этого поезда состояла в большинстве из совершенно чуждого элемента. Колотилин по телефону предложил штабу обороны отказаться от разоружения. В свою очередь он предъявил штабу обороны контрультиматум, требуя не позже 24 часов ночи сделать распоряжение железнодорожной администрации о пропуске их поезда. В противном случае он грозил открыть с поезда артиллерийский огонь по городу и станции.

Штаб обороны поручил т. Арзамасцеву, известному своей твердостью, провести операцию. Тов. Арзамасцев сделал распоряжение красногвардейским частям оцепить бронепоезд, после все вагоны были заняты красногвардейцами. Колотилин и весь отряд были обезоружены и отправлены в тюрьму. Штаб обороны в своем определении не ошибся — в этом поезде находились контрреволюционеры, которые в 1919 г. при занятии белыми Царицына оказались на службе в контрразведке, как, например, Рождественский. Все они активно действовали против советов.

Примерно в это же время через Царицын следовал эшелон солдат, который расположился на станции. Солдаты этого эшелона продолжительное время и упорно не сдавали оружия, на предложение штаба обороны о сдаче оружия отвечали отказом.

Было предложено коменданту города, члену штаба обороны, стянуть все красногвардейские части и оцепить прилегающий к станции район, артиллерийской батарее было приказано установить орудия в районе бывших студенческих казарм. Когда эшелоном был отвергнут второй ультиматум, т. Арзамасцев отдал приказание артбатарее открыть огонь шрапнелью высокого разрыва, а пехотному красногвардейскому отряду 1 района приказано двинуться в наступление на эшелон.

Солдаты эшелона убедились в том, что с большевиками шутки плохие, и согласились сдать оружие. Наш оружейный арсенал был пополнен ценным оружием.

7 апреля со ст. Котельниково было получено новое донесение о том, что 153 бакинский полк отказался разоружиться и проследовал с боем через ст. Котельниково. Через несколько часов начальник ст. Сарепта докладывает: «153 полк на станции поразогнал всех служащих и отправился в Царицын». Штаб обороны решил задержать эшелон.

Солдаты знали, что их непременно будут разоружать, поэтому они высадились из вагонов и выставили дозор, а по телефону со штабом обороны повели дипломатические переговоры. Понятно у штаба обороны разговор был короток: «Оружие сдать». На это предложение представители полка заявили обычным трафаретом: «Оружие возьмете, когда перейдете через наши трупы». На этом переговоры были прерваны.

Для разоружения этого полка были подготовлены следующие красногвардейские части: конный отряд, одна бронемашина, комендантская команда и артбатарея. Эту операцию пришлось

выполнить мне с т. Кучиным, батарее была подана команда открыть огонь, а отряду двинуться на станцию к эшелону. После двух орудийных выстрелов полк сдался, и оружие было отобрано. Всего было взято около 800 винтовок, много револьверов, один пулемет и другое оружие.

Таких случаев было сколько угодно, было много и случаев, гораздо более серьезных, как, например, с эшелоном пресловутого Петренко, Маруси и т. д. (о которых придется писать отдельно).

Во второй половине апреля положение с оружием во много раз улучшилось, но потребность в оружии оставалась попрежнему острой. Однажды, не помню в какое время, на станции В. К. ж. д. рабочие обнаружили в двух ящиках вместо машинных частей револьверы системы Кольт, которые следовали в Белокаменную. Револьверы эти были задержаны и переданы в штаб обороны. Револьверов оказалось 200 штук с обоймами и патронами к ним. Было установлено, что это оружие было предназначено для известного белогвардейского генерала Мамонтова.

Когда на нас стали наседать белые, Москва помогла нам присылкой военного снаряжения. 12 марта штаб обороны получил от московского главного военного арсенала извещение о том, что им для Царицына выслано 12.000 винтовок русского образца, соответствующее количество патронов, пулеметных лент и другое оружие. Но это оружие было получено с большим опозданием, так как белые периодически занимали железнодорожные линии (см. протокол штаба обороны от 5 марта 1918 г.).

В апреле на фронтах бои разгорались, потребность в оружии прогрессировала. Штабу обороны было ясно, что у нас было далеко недостаточно оружия, патронов, снарядов и других предметов боевого снабжения. Достать все это на месте было негде. С целью быстрого разрешения этого вопроса в Москву был командирован т. Минин. Спустя некоторое время командировали и меня, а в помощь мне дали секретаря штаба обороны т. Кириченко, уполномоченного Дьячкова, Пинцеля и др. Также был дан красногвардейский отряд для сопровождения и проталкивания грузов. А проталкивать их было необходимо, так как грузы зачастую задерживались белыми. Иногда приходилось эти грузы продвигать и доставлять в Царицын с боем.

В Москве все организации нам хорошо помогали, да и как бы они не стали помогать, когда сам Ленин дал всем установку о важности Царицына и о необходимости быстрого и бесперебойного снабжения его.

Немного позже, т.-е. в июне, в этом вопросе помог нам т. Сталин, который писал об этом в Москву. В общем из Москвы в короткий срок было отгружено несколько эшелонов, которые в Царицын отправлялись по разным направлениям.

С получением первых партий военного снаряжения проблема с оружием была разрешена окончательно. Царицын к этому

времени стал уже иметь возможность удовлетворять своевременно свои отряды.

Придется остановиться еще на вопросе о том, как же проходило снабжение оружием различных отрядов города и деревни. В штаб обороны обращались из самых отдаленных районов, например, Борисоглебска, Грязей, Себрякова, Арчада, Иловля, Качалина, Урюпина, Чиры, Котельникова, Сарепты, Жутова, Великокняжеской, Кубреле, Ремонтной, Бекетовки, Ленинска, Царева, Черного Яра, Николаевской слободы, Морозовской и др. Мы получали просьбы об отпуске оружия и по телеграфу, и письмами, и через делегатов, все они ссылались на самые разнообразные доводы.

Конечно, мы не могли удовлетворить все эти требования, так как запросы были очень велики. Некоторым же совершенно нельзя было выдавать оружие по соображениям классового характера. Иногда за оружием присылали отряды и организации далеко неустойчивые. Разумеется, отпуск оружия таким районам не только не оказал бы пользы советам, а скорее принес бы вред революции. Например, было установлено, что требование, поступившее из калмыцких степей, исходило от крупного коннозаводчика, который хотел из своих пастухов и батраков-калмыков организовать вооруженный отряд с целью защиты гуртов скота и борьбы с красными отрядами. В отпуске оружия было отказано (см. протоколы штаба обороны).

Мы не отказывали в оружии только тем районам, в которых были уверены. Например, 9 марта Морозовский ревком просил штаб обороны об отпуске ему оружия. Но оружие выдать было нельзя, так как в том районе свирепствовал Мамонтов, который очень часто прерывал путь в Чиру, и Морозовский район по существу находился в зоне противника.

Штаб обороны наряду с выдачей оружия организациям одновременно производил вооружение красногвардейских отрядов. Так был вооружен отряд Павика, который был послан на западный фронт в декабре 1917 года, затем отряд Сергеева 2 апреля, который мы послали на Чирск. фронт.

До июня 1918 года штабом обороны было вооружено не меньше 20.000 бойцов. Выдача оружия штабом обороны производилась ежедневно. Упаковка и отправка протекали круглые сутки. В оружейном арсенале очень часто можно было видеть представителей организаций, стоящих в очереди за оружием. Настолько много было делегатов, что мы не успевали их удовлетворять.

В начале вооруженной борьбы с белыми, т.-е. в январе 1918 года, мы еще не имели ни одного бронепоезда, поэтому штаб обороны предложил депо Ю.-В. ж. д. срочно соорудить их хотя бы примитивным способом. Рабочие сами изготовили два броневика из пульмановских угольных платформ и передали их красногвардейским отрядам.

В то время у нас не было также аэропланов и аэростатов, посредством которых можно было вести разведки и наблюдения во время военных действий. Между тем они были нам необходимы, тем более что наши действия происходили на степных равнинах с полным отсутствием лесов. В связи с этим штаб обороны предложил заводу «Красный Октябрь» сделать пять металлических вышек, что последним было быстро выполнено, и вышки были отправлены на фронт.

Вскоре после первых же боев с фронта в оружейный арсенал стали поступать испорченные и разбитые пушки, пулеметы и другое вооружение, которое штаб обороны направлял на пушечный завод («Баррикады») для производства ремонта. Нужно отметить, что ремонт оружия выполнялся очень быстро и добросовестно. Это безусловно помогало красногвардейским отрядам справиться с белыми.

В конце июня 1918 г. на царицынском фронте уже было пять броневиков и около пятидесяти разных орудий. В число этих орудий входили те, которые были в отряде т. Сталина и в армиях т. Ворошилова. Заканчивая свои воспоминания, я еще раз оговариваюсь, что мною затронута лишь частичка событий, относящихся к истории вооружения Сталинграда и прилегающих районов.

Картина была бы гораздо полней, если бы по вопросу обороны Сталинграда и снабжения оружием красногвардейцев высказались еще некоторые из участников, в памяти которых, конечно, сохранились некоторые моменты. Многие товарищи, не щадя своей жизни, героически, стойко и решительно действовали, выполняя директивы партии большевиков и советов. Часть этих товарищей погибла на своих революционных постах. Вот их имена: 1) председатель совета Ерман, 2) товарищ председателя штаба обороны т. Кучин И., 3) командир отряда, а затем и командующий фронтом Тулок.

Из оставшихся в живых участников этих событий надо назвать: 1) секретаря штаба обороны и нач. разведки тов. Казьмина, 2) члена секрет. штаба обороны тов. Кириченко М. А., 3) коменданта штаба обороны и города тов. Арзамасцева, 4) председателя казачьей секции совета тов. Шманова А. Г., 5) председателя центрального штаба красногвардейцев Бытова и Изюмского, а также членов Ц. Ш. Косякова, Чекосинова, Чернецова, председателя Ю.-В. ж.-д. ревкома Родина, затем Кузнецова И. Е., Совкина, Дубинина.

Из организаций, непосредственно в этом принимавших участие, были рабочие железнодорожного транспорта, штаб Красной гвардии, объединявший Ельшанский район, 1 сводная революционная батарея, конный отряд Тулока, железнодорожный ревком и комендантское управление.

И. ТАРАЕВ

В БОЕВЫХ РЯДАХ УРАЛЬСКИХ РАБОЧИХ

(Личные воспоминания)

В сентябре 1917 года я переехал из Перми в Усть-Катавский завод. Это был мой вторичный приезд сюда.

После Февральской революции рабочие Усть-Катавского завода узнали от своих товарищей, работающих в Перми, что я работаю на заводе «Леснер» (Пермь), что я член партии большевиков и что я вовсе не Кучумов, а Тараев (в Перми я жил под своей настоящей фамилией). Усть-катавцы предложили мне переехать к ним на завод в качестве мастера механического цеха, так как своего мастера Бархатова они прогнали, озлобленные на его многолетнее угнетение. На предложение усть-катавцев я согласился.

В Усть-Катаве существовала небольшая организация «Красной гвардии» из рабочих в 30—40 чел., несущая охрану села и завода.

Известие об октябрьском перевороте в Усть-Катаве было получено по телеграфу. К этому времени я успел уже войти в жизнь организации. В ту же ночь мы сделали налет на нашу заводскую администрацию, разоружили ее. Заводская администрация состояла главным образом из бельгийцев за исключением директора завода. Мы знали, что у них есть оружие, очень хорошие револьверы системы Браунинг, Кольт и др. Мы этим оружием на первое время вооружились.

Вскоре после этого наша заводская боевая группа получила приглашение на съезд боевых организаций в г. Уфу. Это было приблизительно в ноябре. Я не могу уверенно сказать, был ли это первый съезд или второй, но он для меня лично был первым. На этом съезде делегатом были выбраны я и еще два или три товарища.

На съезде был поднят вопрос об объединении всех боевых и вооруженных организаций Уфимской губ. Южного Урала. Первым вопросом стояло принятие устава боевых организаций народного вооружения. Следующим вопросом — выбор штаба и мобилизация всех партийцев, а также вопрос о вооружении. Возможно, что был и еще ряд других вопросов, но я их сейчас не могу припомнить.

Устав боевых организаций народного вооружения Южного Урала был принят. Таким образом съезд объединил все боевые вооруженные группы рабочих южно-уральских заводов и создал губернский штаб.

По приезде в Усть-Катав со съезда я сделал доклад на заводе о постановлении съезда и о мобилизации всех членов партии большевиков, находящихся в усть-катавской организации.

Я помню, что мобилизация прошла довольно успешно. В Усть-Катавском з-де была к этому времени довольно сильная партийная организация в количестве 1.000 с лишком человек; вся эта тысяча членов партии была мобилизована в боевую единицу. Такая же мобилизация была проведена и на других заводах, лежащих недалеко от Усть-Катава.

В это же время мы от уфимского штаба получили некоторую часть оружия, винтовки, правда, не совсем хорошие, амуницию и небольшое количество другого оружия. Конечно, присланного оружия было слишком мало для наших боевых сил после проведенной мобилизации, мало было и обмундирования. Приходилось задумываться над добычей оружия.

В скором времени мы были вызваны златоустовской боевой организацией и златоустовским партийным комитетом на помощь боевой дружине для разоружения казачьего эшелона.

В тот момент усть-катавская организация не приступала еще к разоружению проходящих мимо эшелонов демобилизованных солдат с фронта, поэтому нами было выделено и направлено 50 боевиков на помощь Златоусту. В числе их был и я.

Приехав вечером в Златоуст, мы узнали, что едущий в Сибирь казачий эшелон, хорошо вооруженный, сопротивляется разоружению. Мы знали, что если он пройдет Златоуст, то к месту своего расформирования он придет в полном вооружении, а настроение казаков было далеко не революционным. Поэтому перед нами стояла задача: во что бы то ни стало разоружить этот эшелон.

Златоустовский комитет старался переговорами с командным составом этого эшелона добиться разоружения мирным путем, и это затягивало дело.

Живя на Урале, я уже немного знал казачество и был уверен, что путь переговоров и убеждений вряд ли будет удачен. Вместе с тем я учитывал, что при прямых вооруженных действиях против казаков с нашей стороны мы можем много потерять наших боевиков и вряд ли преодолеем дисциплинированную, хорошо вооруженную казачью массу, имевшую опытный командный состав.

Тогда я предложил избежать вооруженного столкновения и применить разрыв поезда. Я старый железнодорожник, а железнодорожники знают, как это сделать.

Я предложил взять в депо из запаса два паровоза и, поставив их спереди и сзади эшелона, разделить поезд на три части

с таким расчетом, чтобы командный состав остался на месте, а казачьи части растащить в противоположные стороны, версты на 2 — 3 от станции, после чего уже и произвести операцию разоружения.

При таком положении казаки дали бы себя свободно разоружить, так как я имел в виду сведения, полученные от самих казаков, что они драться с рабочими не будут, но не пойдут против своего начальства.

Вечером, часов в 11, я созвал рабочих депо Златоуста и сообщил им мой план. Они в темноте не знали, кто с ними говорит и сначала отнеслись ко мне недоверчиво. Когда же я напомнил им о себе и спросил:

— Вы помните, товарищи, в 1906 г. я работал здесь в депо вместе с вами? Помните ли вы меня, Петрова? — тут же из среды рабочих послышалось несколько голосов:

— Товарищ Степан, это ты?

При напоминании фамилии Петрова и по голосу многие товарищи узнали, кто с ними говорит, несмотря на то, что прошло с тех пор 10—11 лет. На улице ночью в темноте мы поговорили, по душам, мое предложение рабочие решили поддержать. Но златоустовский комитет не решился на предложенный мною план, боясь последствий. Он не учел, что паровоз под паром хотя и не стреляет, но для едущих в вагонах страшнее пушек.

Ночевать я ушел на квартиру к своему старому товарищу Зимину.

Так этот эшелон простоял всю ночь, и уже начинались вторые сутки его пребывания на станции.

Меня нашел на квартире, где я ночевал, т. Скворцов, член комитета, и стал уговаривать, чтобы я «не капризничал», — как он выразился, — а принял бы участие в разоружении.

Златоустовский комитет согласился с моим планом разрыва поезда.

Когда поезд был разорван на три части, то командный состав пошел на соглашение, и эшелон быстро был разоружен без всякого столкновения.

Разоруживши эшелон, мы получили от златоустовской организации немного винтовок и бомб и возвратились в Усть-Катав.

Вскоре после этого уфимский штаб дал нам приказ, чтобы мы не пропускали вооруженных демобилизованных эшелонов, следующих в Сибирь мимо нашего Усть-Катавского з-да с оружием, а разоружали бы их. Этот приказ нашего штаба был мною (так как я был начальником усть-катавского боевого штаба) весьма точно выполнен: ни один эшелон после приказа не был пропущен неразоруженным мимо Усть-Катава.

Как мы это делали?

После получения приказа мы с членами нашего усть-катавского штаба осмотрели местность, где лучше всего можно было бы разоружать эшелоны. Нужно сказать, что проходящих эше-

лонов было много, так как большое количество демобилизованных армий следовало в Сибирь и на Дальний Восток по Самаро-Златоустовской ж. д.

Вблизи Усть-Катавского з-да, у полотна железной дороги, мы нашли местность, очень подходящую для наших целей, с готовыми окопами. Эти готовые окопы представляли собой старое высохшее русло реки Юризань, которая отодвинулась назад к заводу. Между этим окопом и полотном ж. д. рос высокий кустарник, который представлял для нас естественное проволочное заграждение. Этими окопами мы и воспользовались.

С другой стороны полотна ж. д. начинался откос высоких гор, поросших сосновым лесом. На этих горах мы устраивали боевую маскировку: там ставились деревянные пулеметы, издали ничем не отличающиеся по виду от настоящих, клались чучела, одетые в шинели, в тех позах, в каких обычно лежат пулеметчики при стрельбе.

Мы выбирали время разоружения ночное, используя темноту для усиления эффекта нашей маскировки. Чтобы эта маскировка была видна и эффектнее выделялась ночью, задолго до прихода поезда мы зажигали костры, а потом эти костры тушились с таким расчетом, чтобы горящие угли и небольшие языки пламени освещали имитацию лежащих пулеметчиков и стрелков во время прибытия эшелона.

Когда эшелон останавливался, солдаты, не зная в чем дело, выскакивали из вагонов и перед видом пулеметов на горе терялись в полной деморализации. Они не знали, что сзади на них в затылок действительно направлены настоящие пулеметы и винтовки, готовые к бою при попытке встретить нас с оружием в руках. Такая тактика всегда приводила к успеху.

К нам, в Усть-Катав, попадали самые агрессивные воинские части, которые так или иначе пробивались, не давая себя разоружить на расстоянии тысячи верст в пути от Сызрани до Усть-Катава. От нас они уже уезжали без оружия.

Этим самым усть-катавская организация по всей Самаро-Златоустовской ж. д. везде заслужила хороший боевой отзыв.

Рабочие дружины других городов, вынужденные пропускать вооруженные эшелоны для дальнейшего следования, говорили сопротивляющимся солдатам или казакам:

— Все равно вас разоружит Усть-Катав...

Об Усть-Катаве начали создаваться легенды.

Приезжая на станцию Усть-Катав, поезд останавливался в большинстве случаев на очень короткое время на станции. Станция Усть-Катав очень маленькая, на станции никого нет, не видно никаких боевых сил. Паровоз дает свисток к отправлению, и поезд трогается. В вагонах солдаты начинают удивляться:

— Вот тебе и Усть-Катав!.. Пугали нас Усть-Катавом, а здесь одни горы.

Но решающим пунктом у нас была не Усть-Катавская станция, а заводская платформа, несколько далее станции. Солдаты

не знали, что со станции Карпачево, где менялся паровоз для их эшелона, они едут вместе с боевиками-рабочими, что машинист на паровозе полностью подчинен нашей организации, на тормозах и даже в вагонах вместе с ними тоже едут боевики.

Отъехав от станции версты три к нашим окопам, машинист останавливает поезд. Подбегают боевики, отцепляют паровоз, он уходит и скрывается за скалами. Едущие остаются без паровоза. Ночь. Перед ними горы, лес. Они видят перед собой догорающие костры и направленные на них пулеметы.

Мы давали время им опомниться и спрашивали:

— Будете разоружаться или нет?

Видя, что они попали в ловушку, солдаты обычно соглашались на наше требование.

Но бывали и такие случаи, что 3—4—5 вагонов не хотели разоружаться. Тогда те, кто согласился разоружиться, уже начинали требовать, чтобы мы их не задерживали и отправили дальше. Я им отвечал:

— Подействуйте на своих товарищей и докажите им, что они своим упрямством и нежеланием разоружаться задерживают отправку поезда. Иначе я не пропущу вас...

В большинстве случаев разоружившиеся шли агитировать неразоружившихся, требуя не задерживать эшелон и сдать оружие.

Как правило, наши действия кончались полным успехом. Но были случаи, когда какая-нибудь часть разоружиться отказывалась. Тогда я составлял поезд из разоружившихся и отправлял их дальше, а 5—6—10 вагонов неразоруженных оставлял на пути. При этом я заявлял оставшимся:

— Не разоружаетесь — не нужно... Я отвезу вас на завод и сдам в распоряжение совета рабочих и крестьянских депутатов. Там будут вас держать, пока вы не сдадите оружия; а кормить вас мы не будем, так как нечем. Если вы подымете оружие, мы ответим тем же.

Такой метод применялся в самом крайнем случае. Видя, что мы с ними не шутим, солдаты соглашались на разоружение.

Об эшелоне, который нужно было разоружить, мы узнавали иногда за двое суток до прибытия его к нам. Знали мы об этом потому, что нам о нем сообщали от самой Самары по прямому проводу, что такой-то эшелон не разоружается, имеет столько-то оружия, людей, пулеметов и т. д. Нашим разведчикам удавалось по мере приближения эшелона тоже много выследить. По телеграфу я все время следил за его движением.

Уфимская железнодорожная администрация часто нам портила дело, меняя номер поезда, за которым мы следили, и не сообщая нам об этом. Когда поезд выходил из Уфы под другим номером, у нас получалась путаница.

Однажды чуть не проскользнул мимо нас вооруженный эшелон. Смена номера поезда происходила, как нам говорили, по техническим причинам. Но мы пригрозили ж.-д. администрации,

что если она не будет сообщать нам о смене номеров поезда, то к ней будут применены самые жесткие меры.

Интересный эпизод вышел с одним артиллерийским эшелоном. Шла артиллерия с тремя пушками; пушки были на платформе. Этот эшелон не сдавался, не сдавал и пушек. Ну, а какой же организации не хотелось добиться пушек? За пушками гонялись все. У нас в то время не было ни одной пушки. Эшелону в пути все время угрожали, что Усть-Катав все равно отберет пушки и людей разоружит.

С самого выезда из Уфы я следил за эшелоном и на нужных мне станциях давал распоряжения задержать или наоборот торопил из расчета, чтобы они прибыли к нам ночью. Для них было приготовлено два паровоза, которые стояли под парами за выступом горы.

Прибыл эшелон, как я и рассчитывал, ночью. Сейчас же наши боевики расцепили в двух местах поезд: первая часть состава ушла дальше, задняя часть с нашим паровозом ушла обратно на ст. Корпачево, а средняя, с пушками, осталась у нас на станции. Второй запасной паровоз подхватил эти вагоны с орудиями и отвез их на завод.

Задняя часть эшелона по приказу остановилась на первой маленькой станции, а передняя часть была остановлена на Вязовой, куда было дано распоряжение не пропускать вагонов дальше, а отправить их снова обратно.

На Вязовой начальник станции передал артиллерийской части, что получено распоряжение отправить их обратно на ст. Усть-Катав.

Начальник эшелона по аппарату запрашивает меня, в чем дело? Почему их хотят везти обратно?

Я ответил, что говорит начальник боевых организаций Усть-Катава и что мы требуем сейчас же вернуться и сдать то оружие, которое у них имеется на руках.

Они спрашивают, а куда же девались пушки и остальная часть эшелона.

Я отвечаю, что не знаю, куда они девали свои пушки. Есть часть их эшелона, но без пушек, она — на станции Усть-Катав.

Когда их привезли обратно, быстро договорились, и они сдали оружие. Потом мы подтянули сюда же другую часть эшелона, те также разоружились без особых разговоров, узнав, что первая часть уже разоружена. Потом мы их снова сцепили и отправили, а пушки и оружие остались у нас.

Второй интересный эпизод немного другого рода: прибыл эшелон, полностью нигде не позволявший себя разоружить.

В Корпачеве один из кулачков рассказал начальнику эшелона о всей нашей стратегии. Выдал тайну нашей маскировки, местонахождения наших сил и т. д.

В эшелоне находилась кавалерийская часть. Они везли лошадей, оружие и полковую кассу. Начальник эшелона, узнав наши приемы и наше расположение, принял соответствующие меры.

На тормозах оказались солдаты, и, хотя наша разведка была в вольной одежде, а не в военной, их не пустили ни на тормоза, ни на паровоз. Солдаты заняли паровоз и взяли машиниста под винтовку.

Это было нам сообщено, и мы приготовились к боевым действиям.

Когда эшелон остановился в Усть-Катаве, они тотчас же потребовали отправки.

Обычно мы поезд останавливали красным фонарем (поднимем фонарь, и поезд останавливается). Теперь, получив известие о создавшемся положении, мы сделали иначе: мы воткнули шест и повесили на него красный фонарь. Поезд не остановился. По фонарю с паровоза дали выстрел и разбили его. Бросили 3 бомбы в кусты по направлению нашего окопа, но взрывы бомб вреда не причинили— спасли кусты. После выстрелов из вагонов мы немедленно открыли огонь из всех пулеметов (их было у нас установлено 15 на расстоянии, равном протяжению эшелона в 40—50 вагонов). Пулеметы загрохотали, затрещал огонь из ружей, но эшелон все-таки проскочил.

Как только уехал эшелон к Вязовой, я отдал распоряжение угнать у них паровоз. Железнодорожная администрация так и сделала. Когда эшелон подошел к ст. Вязовой, то паровоз сейчас же отцепили, и он отошел на много вперед от станции. После долгих переговоров по прямому проводу со ст. Вязовой я добился того, что начальник эшелона согласился приехать ко мне для личных переговоров.

Я им послал паровоз, на котором он приехал со своей охраной. Эту охрану мы взяли в кольцо.

Начальник эшелона интересуется:

— Кто вы такие?

Я заявил, что мы рабочие вагоностроительного завода, что у нас такое-то количество рабочих, что нас больше половины вооружено, а если понадобится, так и все население в 35 тыс. будет вооружено. У нас имеется приказ разоружать все проходящие воинские эшелоны.

Тогда начальник спрашивает:

— А у нас вы отберете только оружие?

— У нас есть приказ отбирать только оружие, — отвечаю я.

Были, правда, случаи, когда некоторые солдаты везли по 20 — 30 пар белья. Мы считали, что это краденое военное имущество и отбирали его, но если мы знали, что солдат везет 2 — 4 пары белья, хотя бы и казенного, то мы вещей не касались.

Начальник эшелона заявляет, что у них полковая касса, как мы с ней поступим?

Мы ответили, что брать кассу мы не имеем распоряжения и оставим этот вопрос открытым.

— Разоружить — разоружим, а кассу разрешим везти, но сообщим о кассе в Челябинск.

Тогда начальник эшелона говорит:

— Возьмите нашу кассу, возьмите наше оружие, а нас распустите.

Я ответил, что для этого у нас нет соответствующего распоряжения.

После долгих разговоров мы пришли к соглашениею, что они добровольно разоружатся.

Начальник эшелона на этом же паровозе снова поехал на ст. Вязовую, и оттуда вернулся обратно весь эшелон. Мы поставили их под огонь и разоружили.

У них было очень много лошадей. В разговоре начальник эшелона спросил, как мы поступим с лошадьми. Я ответил, что нам все время приходится проводить в боевых действиях, берем лошадей с завода, так как собственных мы не имеем, но в то же время, пользуясь заводскими лошадьми, мы лишаем производство необходимого транспорта.

Тогда начальник эшелона предложил: возьмите лошадей у нас.

Мы ответили: взять лошадей, мы не возьмем, а если вы подарите нам лошадей, мы не откажемся.

50 лошадей они нам отобрали.

Оружие — винтовки — у нас было, но мы гонялись за револьверами, и каждому из нас хотелось добыть револьвер. У каждого же артиллериста был револьвер. Но когда мы стали обыскивать эшелон, то оказалось, что револьверы были найдены, но в очень малом количестве. Потом сами же солдаты шепнули нам, чтобы мы поискали под хвостами у лошадей. И действительно, когда ребята стали осматривать хвосты и гривы у лошадей, то нами было найдено много револьверов.

Несколько револьверов было спрятано на крышах вагонов, но у нас обычно 2—3 человека проходили по крышам вагонов и забирали все, что там находили.

После разоружения мы дали эшелону несколько своих боевиков для охраны кассы, которая и была доставлена в Челябинск.

При осмотре эшелона оказалось, что все вагоны были изрешечены нашими пулями выше середины (пулеметы были наведены ошибочно выше прицела). У нас обычно было принято ставить прицел на середину вагона. Убитыми оказались мадьяр и доктор, лежавшие на верхних полках. Все остальные остались нетронутыми, так как находились внизу вагона. Если бы не это обстоятельство, то убитых и раненых было бы много больше.

Наши боевые действия не были ограничены только разоружением, которое я описал. Наши боевые действия были очень разнохарактерны.

Одновременно с разоружением нам пришлось выступать и в борьбе против самогоноварения, развитого среди кулачества и зажиточного крестьянства.

Завод окружали большие хлебопашные земли, и крестьяне, которые не были заняты на заводе, занимались хлебопашеством. Вот в этих-то хлебородных селах стала развиваться выгонка самогона.

Самогонкой кулаки не только спаивали местных крестьян и рабочих, но стали транспортировать свою продукцию в Уфу. На самогон тратились большие запасы хлеба. К нам стали поступать жалобы на то, что крестьяне не продают рабочим хлеба, заявляя: зачем мы будем вам отдавать хлеб по 40 руб. пуд (считая на керенские деньги), когда мы из этого пуда выгоним самогонки на 120 руб.

Хлеба в селах было очень много, особенно в селе Муратовке, в котором находились запасы от урожая 1913 года. Урожай 1914 г. не был обмолочен, урожай 1915—16 гг. лежал в снопах, и этот хлеб стал тратиться на самогонку.

Мы прекрасно понимали, что борьба с развивающейся варкой самогонки и истреблением хлеба не может быть проведена только агитационно-пропагандистским путем, потому что это дело велось под руководством кулачества, а его не проберешь ни агитацией, ни пропагандой. На него можно было подействовать только силой, которую оно почувствует, т.-е. реальной вооруженной силой.

Мы взяли самое злостное село по самогоноварению — Муратовку, — от которого зло распространялось на другие близлежащие села.

В с. Муратовку я послал 5 боевиков с винтовками и агитаторов, предложив им созвать общее собрание и разъяснить вред самогоноварения.

Товарищи, приехав туда, нашли почти все село пьяным. Но, несмотря на это, собрание все же было созвано. Крестьяне обещали, что они варку самогона прекратят, и выдали два или три аппарата.

В Муратовке было 1½—2 тысячи домов, но никакой советской организации не было, был председатель, как бы староста, и на этом кончалась вся организация советской власти на месте. Этот староста заявил, что он будет смотреть, чтобы не было случаев варки самогона, и, если таковые будут, он немедленно даст знать нам и арестует того, кто будет варить самогонку.

После этого через два дня мы получаем известие, что этот староста сам варит самогон на ручье. Такие сведения подтвердили наше мнение, что агитационными способами на кулаков не воздействуешь. Они отнеслись к нам как к простачкам, которых можно провести за нос.

Тогда я взял вооруженный отряд в 50 человек и поехал с ними в Муратовку. Прибыли мы ночью, секретно разместились в заранее указанных амбарах и при помощи местных крестьян бедняков, хорошо знавших, где варится самогон, начали операцию.

Всю муратовскую фабрику мы захватили врасплох. Забрали у кулаков аппараты, барду из теста, изготовленный самогон, все это уничтожили тут же, а самогонщиков арестовали.

Однако я не все предусмотрел. Арестованных самогонщиков мы поместили в одну сельскую избу, но так как к ним приходили родные и знакомые, то арестованные стали вместе с посетителями уходить из избы, поскольку караул не знал как следует арестованных в лицо.

Такое положение никуда не годилось. Я созвал собрание и поставил ультиматум, чтобы село выдало всех арестованных самогонщиков. Кулаки не дремали. К вечеру часть населения была настроена явно враждебно по отношению к отряду.

В то время, когда я был на сельском собрании в школе, мне доложили, что один из крестьян из ружья хотел убить часового, нашего боевика, который стоял на перекрестке в селе. Но, стреляя в часового, крестьянин промахнулся, причем пуля пролетела мимо, попав в крестьянина, стоявшего в этом же направлении, но на другом перекрестке.

Видя такое враждебное отношение к нам и учитывая позднее время, я вывел свой отряд из села, и на приготовленных лошадях отряд уехал к себе на завод.

Через несколько дней с отрядом я снова прибыл в Муратовку и арестовал поодиночке всех тех самогонщиков, которые были арестованы раньше. Тут же ночью они были отправлены на завод, а утром, когда рассвело, мы собрали митинг на селе.

На митинге мы разъяснили, какой вред наносит самогон и крестьянам и рабочим. Было указано, что благодаря самогонке в Муратовке даже не организованы органы местной советской власти.

Женщины с. Муратовки потом благодарили нас за то, что пьянство в Муратовке совсем прекратилось, а жены избавились от побоев своих мужей.

Отправленные на наш завод Усть-Катав самогонщики в скором времени были преданы революционному суду, который приговорил их к большому денежному штрафу, а двух — к принудительным работам.

После этого в Муратовке прекратилась варка самогона. Так вооруженной силой и революционным способом мы выкурили это глубочайшее зло — самогонку и отрезвили с. Муратовку, создав в ней условия для плодотворной советской работы.

Незадолго перед тем сюда приехали фронтовики, сочувствующие нашей большевистской партии, которые хотели провести работу в своем родном селе; но долго они никакой прак-

тической работы провести на могли, видя, что село пьяно изо дня в день.

После отрезвления Муратовки фронтовики сейчас же приступили к работе, организовали местные органы советской власти. С того времени это село стало одним из прогрессивных во всем округе.

В то же время нам пришлось бороться и с контрреволюцией.

Казачество не дремало и тоже организовалось на борьбу с советской властью. Это было возникновение организации Дутова.

Первые выступления казачества во главе с Дутовым были в Оренбурге и под Оренбургом. В борьбе с ними нам также приходилось участвовать. В борьбе с Дутовым приходилось участвовать не только усть-катавской организации, но и многим организациям Южного Урала.

В походе под Оренбургом я сам лично не участвовал, скажу только, что организация Дутова была разбита, и в Оренбурге удалось снова восстановить советскую власть.

После этого разбитый Дутов ушел в уральские степи. Своей резиденцией он выбрал В.-Уральск и г. Белорецк. Там он начал вести организационную работу среди казачества и комплектовать боевые части. Эсеры и меньшевики не только отнеслись к нему сочувственно, но и помогли ему в его работе, так что среди них он нашел себе верных помощников.

Когда были получены известия о дутовской организации, губернский штаб разобрал этот вопрос на своем заседании, и начальником штаба т. Кадомцевым был отдан приказ усть-катавской организации подготовиться к борьбе с Дутовым.

В чем же эта подготовка заключалась?

В том, чтобы ослабить силы дутовской организации, изъяв самых важных руководителей с.-р. и меньшевиков из г. Белорецка. Вторая задача заключалась в том, чтобы выяснить, какие силы у дутовской организации.

Как это было сделано?

В г. Белорецке находился один из наших товарищей, ныне умерший т. Тачицкий, который хорошо знал всех с.-р. и меньшевиков в лицо, знал их местожительство. При помощи тамошней организации и нашей разведки нам удалось установить всех имевшихся в г. Белорецке меньшевиков и с.-р.

После этого нами в г. Белорецк было послано 40 боевиков, вооруженных револьверами, в вольной одежде. В одну ночь они арестовали всех намеченных меньшевиков и с.-р. и препроводили в специально приготовленном поезде до Катав-Ивановска, а оттуда этапным порядком до нашего завода.

Мне потом рассказывали, что только утром в городе узнали, что таких-то и таких-то нет, но куда они делись, никто ничего не знал. Под моим личным руководством они были доставлены в уфимскую тюрьму.

Таким образом задание штаба было выполнено. Белорецк был очищен от контрреволюционных пособников Дутова, меньшевиков и эсеров. В скором времени после этого в Белорецк была послана уфимским штабом боевая организация, которая выбила Дутова вместе с его отрядами из-под Уральска. Таким образом было ликвидировано это движение. И Дутов как будто замер, долго о нем ничего не было слышно.

После этого мне было дано распоряжение губернским штабом лично ехать в Москву для доклада о положении на Южном Урале, в частности об организации Дутова, так как восстание Дутова хотя и было ликвидировано, но дутовщина в виде сельского и казачьего кулачества осталась и снова могла отважиться, чтобы выступить с еще большей силой.

В Москве я пробыл две недели, когда вернулся, то мне т. Кадомцевым, начальником нашего южно-уральского штаба, была поручена новая работа: организация первой стрелковой тысячи. Эта организация называлась стрелковой тысячей по нашему уставу, но я помню, что против этого названия возражали некоторые товарищи и в частности т. Ельцев, который был в то время председателем уфимского комитета, и поэтому мы не стали особенно настаивать на этом названии, а переименовали его в 1 Уфимский стрелковый полк. Оружие теперь у нас было. Обезоружение эшелонов дало реальные результаты. Надо было строить армию — опору рабоче-крестьянской власти.

Об организации первого Уфимского полка или 1 стрелковой тысячи я скажу в нескольких словах.

1-й Уфимский стрелковый полк был так же организован, как и наша Красная армия. Он состоял из рот или из сотен, и в каждой роте или сотне у нас был политический руководитель или комиссар. Из рабочих заводов, активных, сознательных партийцев-большевиков выделялись эти комиссары, за ними были вся политическая деятельность, все политическое руководство. В числе первых комиссаров находились Салов Илья, Рыков Сергей и еще десять товарищей, фамилий которых я, к сожалению, не помню.

Уходя с работы по организации полка, я получил распоряжение вернуться в Усть-Катавский район и был назначен военным комиссаром Усть-Катавского горного округа. Под моим руководством объединились 5 — 6 боевых организаций.

В конце апреля или начале мая 1918 г. в Катавском горном округе подняло голову кулачество, руководимое эсерами, меньшевиками. Кулачество, видимо, знало планы и тактику интервентов и рассчитало свое выступление с выступлением чехословаков, которые в это время ежедневно стали проходить по Самаро-Златоустовской магистрали по направлению к Сибири.

Со стороны чехо-словацких эшелонов пока никаких враждебных проявлений в то время не было, но, повторяю, с.-р и меньшевики знали, какую роль брали на себя чехо-словаки в дальнейшем.

В мае из Оркаула (Башкирский центр, прилегающий к нашей местности) башкирское кулачье двинулось к железной дороге по направлению к Корпачеву. Башкиры, проходя большие села, забирали с собой крестьян и с ними двигались дальше. Так, увеличивая свои силы, они пришли на Корпачево.

Корпачево находится от Усть-Катава в 20 верстах и представляет собой станцию и депо. И вот на эту станцию Корпачево прибыло 2—3 тысячи башкир с преобладающим количеством кулаков.

Явились они неожиданно, поэтому железнодорожная боевая организация в 35—40 чел., состоящая из рабочих депо, была застигнута врасплох и обезоружена. Но некоторые боевики бежали и успели сообщить об этом нам и на Симский завод.

Рабочие Симского завода поставили орудия на платформы, взяли несколько вагонов боевиков и поехали на Корпачево. То же сделали и мы. Подходя к Корпачеву одновременно с противоположных сторон, симцы и мы дали по толпе башкир несколько орудийных залпов. Вся толпа разбежалась.

Станция Корпачево была в руках башкирцев часов 20, т.-е. они захватили ее днем и до утра она была в их руках. Башкиры хвалились: «Сегодня мы взяли Корпачево, а завтра в Уфе будем чай пить». Однако это было легче сказать, чем сделать, ибо на Урале каждая станция — завод, а завод — это боевая сила.

На Корпачево прибыли две боевые организации: Симский завод и Усть-Катавский. Не удалось кулакам попить чаю в Уфе...

Однако мы смотрели на это выступление серьезно. Мы знали, что выступление башкир — это кулацкое выступление, означающее только демонстрацию со стороны контрреволюции. Поэтому мы не ограничились разгоном толпы, а погнали башкир обратно в села. Часть из них бежала в панике, а часть стала довольно организованно отступать, и нашему отряду пришлось их преследовать до самого Оркаула, с боем выбивая из башкирских деревень.

С этого момента в селах обострилась борьба с кулачеством. Начали рельефно выделяться элементы бедноты. Когда наши отряды, преследуя восставшее кулачество, проходили села, крестьяне, видя вооруженную силу, защищающую советскую власть стали присоединяться к нам.

Мы же, громя кулачество, конфисковывали имущество кулаков и отдавали его бедноте. Личное имущество оставляли нетронутым, но хозяйственный инвентарь — машины, скот и т. д. — мы у богатых отнимали и передавали бедноте.

Беднота начала понимать, что такое для нее представляет советская власть и какая опора для нее наша боевая организация.

Я подчеркиваю это потому, что это начало расслоения деревни сыграло большую роль во всей гражданской войне, в частности и в партизанской борьбе, основными силами которой была деревенская беднота. Здесь наша боевая организация на прак-

тике показала, что нужно делать бедноте по отношению к кулачеству.

Непосредственно за этим в Сибири началось восстание чехословаков, которые захватывали город за городом. То же самое получилось и в г. Златоусте: чехо-словаки взяли Златоуст и передали его в руки меньшевиков и с.-р. Они подходили к нам и со стороны Уфы и от Златоуста. Таким образом, Усть-Катав сжимался с обеих сторон.

Чехо-словаки дошли до станции Вязовой и остановились в 20 верстах от Усть-Катава. Остановиться их заставило то обстоятельство, что боевые отряды, посланные для ликвидации башкирских кулацких восстаний, зашли к ним в тыл. Если бы чехо-словаки двинулись на Усть-Катав, то эти отряды могли бы бить их с тыла. Интервентам не оставалось ничего больше сделать, как остановиться в выжидательном положении. Я это прекрасно учел, но дать бой с теми небольшими силами, которые были у меня в Усть-Катаве, я не решился.

В Усть-Катаве надежных боевиков было в то время слишком немного. Если бы чехо-словаки, не боясь, что у них в тылу имеется наша вооруженная сила, стали бы наступать на Усть-Катав, то они взяли бы нас голыми руками, так как все мои боевые силы были разосланы. В Усть-Катаве оставалось лишь небольшое количество штыков.

Еще до взятия Уфы я ездил туда в штаб, чтобы договориться и получить распоряжение, что делать дальше. Однако т. Кадомцев был тогда уже отстранен т. Подвойским. На его место были назначены т. Евлампиев и полковник Махин.

На заседании штаба я доказывал, что принять бой в Усть-Катаве совершенно невозможно, потому что если для проезжающих демобилизованных солдат Усть-Катав был ловушкой, то при бое с чехо-словаками территория Усть-Катава была бы ловушкой для нас. Я предлагал, сохраняя нашу боевую силу, отступить на Корпачево, оттуда на Красно-Уфимск, чтобы потом присоединиться к пермским боевым организациям. Целесообразность моего предложения была очевидна, так как путь от Корпачева до Красно-Уфимска на Пермь—это самая хлебородная местность. Наши отряды смогли бы там пройти совершенно безболезненно, потому что вопрос питания, самый важный для боевой силы, был залогом сохранения этих сил. Оружие у нас было, питанием мы были бы тоже обеспечены, идя выбранным мною маршрутом.

Нам нужно было бы выбрать форму передвижения партизанского характера, т. к. мы не могли брать с собой ни обозов, ни всего прочего. В пути мы должны были быть готовы каждую минуту принять бой, поэтому надо было итти налегке, но быть сытыми. Отступать по гористой местности и питаться земляникой и сосновыми шишками было невозможно.

Штаб одобрил мой план и дал мне распоряжение выступить к Корпачеву и направиться по дороге к Красно-Уфимску.

Приехав из Уфы, я сейчас же приступил к ликвидации всего ненужного нам для похода военного хозяйства. Оружие мы погрузили в вагоны, которые были уже приготовлены к отправке на Корпачево. Я хотел соединиться с боевой организацией Корпачева и уже объединенной силой двинуться к Перми.

В самый последний момент, однако, я получаю из штаба по прямому проводу распоряжение от имени начальника фронта генерала Муравьева (оказавшегося провокатором и белогвардейцем) дать бой в Усть-Катаве. Я ничего не понимал, но ослушаться приказа начальника фронта, конечно, не мог.

Проведя мобилизацию в Усть-Катаве, я поставил в строй всех живущих здесь фронтовиков. Затем я поехал в Симск и там получил недостающие мне винтовки, трехдюймовые снаряды, вооружение и обмундирование для мобилизованных.

К бою приготовлено было 2½ тысячи штыков, три трехдюймовых орудия и одно горное. Но у нас не было ни одного броневика. У чехо-словаков же оказался броневик, который наносил нам большой урон.

Наступая на нас, чехо-словаки в бою шли по линии железной дороги, а эсеры Кусинского и Саткинского заводов, которые были вооружены чехо-словаками, пошли в обход Усть-Катава с левой стороны.

Действительно мое предложение вполне оправдалось: местность Усть-Катава оказалась для нас ловушкой. Охватив нас с трех сторон полукольцом, чехо-словаки прижали наши отряды к заводу и к селу. Вести бой в самом заводе или в селе не представлялось возможным. В это время в нашем тылу кулачье начало свою агитацию, уговаривая фронтовиков бросать винтовки. Под действием кулацкой агитации демобилизованные стали дезертировать и прятаться по домам.

Бой с чехо-словаками продолжался двое суток. Много товарищей боевиков пало в этом бою, но удержать позиции в наших руках мы не могли при создавшемся стратегическом положении. Боевики, оставшиеся в живых, отступили в Белорецк, где соединились с казачьими отрядами тов. Каширина, которые шли за советскую власть.

М. ВЕТОШКИН

КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ И БЕЛОГВАРДЕЙСКАЯ „ДЕМОКРАТИЯ" НА СЕВЕРЕ

I

15 лет прошло со времени великого октябрьского переворота, но дни Октября незабвенны, события этих дней ярко стоят в памяти.

Мне пришлось быть участником октябрьских событий на Севере. Ярко вспоминается политическая борьба этих дней.

Рабочие наших северных губерний (Архангельской, Вологодской, Олонецкой, Вятской) почти повсеместно встретили переход власти к советам не только сочувственно, но и с активной поддержкой. Такое отношение со стороны широких рабочих масс к октябрьскому перевороту было подготовлено работой наших большевистских организаций. Среди рабочих не было ни одного сторонника Временного правительства, во главе которого стоял Керенский.

Менее единодушным было отношение к октябрьскому перевороту северного крестьянства. Среди последнего значительные группы (кулаческая и зажиточная часть крестьянства) встретили переход власти в руки советов активным противодействием. Однако подавляющее большинство крестьянства, несмотря на все призывы со стороны эсеров и меньшевиков, не только не пошло против советской власти, но активно оказывало поддержку большевикам.

Вспоминается мне, как крестьяне одной волости реагировали на контрреволюционное постановление Вологодской губ. земской управы, призывавшей население губернии не признавать советское правительство. Получив копию этого постановления, крестьяне на волостном сходе постановили:

«Означенную копию препроводить для сведения ЦИК: для нас, граждан Верхне-Положской волости, такие постановления вовсе не желательны, мы признаем только власть советов».

Надо сказать однако, что Октябрь застал советы на Севере еще в таком состоянии, когда в них солидно были представлены соглашательские партии меньшевиков и эсеров. Меньшевики и

эсеры, заседавшие в советах, отказывались признать власть советов. Получалось странное положение: все рабочие и подавляющее большинство крестьянства за советскую власть, а некоторые советы рабочих, солдатских и особенно крестьянских депутатов (последние до Октябрьской революции существовали отдельно от С. Р. и С. Д.) — против советской власти. Совершенно очевидно: такое положение могло получиться только потому, что заседавшие в советах меньшевики и эсеры не отражали политических настроений большинства крестьянства и рабочих, от имени которых они продолжали выступать.

Наши большевистские организации потребовали поэтому перевыборов советов, в результате которых соглашатели или совершенно вылетели из советов или оказались там в ничтожном меньшинстве.

Переход власти в руки советов в октябре—ноябре 1917 года прошел на Севере повсюду бескровно. Контрреволюция была настолько беспомощна, что она не смогла сразу решиться на вооруженное сопротивление. Меньшевики и эсеры сделали вид, что они смирились и перешли на положение легальной оппозиции в советах. В то же время они начали подпольную работу по подготовке вооруженного восстания.

Консолидация всех контрреволюционных сил на Севере началась вокруг поселившегося в Вологде иностранного посольского корпуса во главе с французским послом Нулансом и американским — Фрэнсисом. Послы буржуазных держав удрали из столицы от Октябрьской революции в захолустную Вологду, делая вид, что они «мирно» выжидают, чем кончится октябрьский переворот.

На самом деле посольский корпус в Вологде стал контрреволюционным штабом, откуда нити заговора против советской власти тянулись во все стороны.

Послы субсидировали подпольную работу меньшевиков и эсеров, с их помощью было организовано Б. Савинковым летом 1918 года ярославское восстание, по их плану в августе того же года был захвачен Архангельск и открыт северный фронт против советской власти.

План контрреволюции, возглавляемый империалистическими послами, был грандиозный. Вологда в том плане была удобным стратегическим пунктом. Предполагалось с захватом Архангельска овладеть Вологдой и, опираясь на большой северный плацдарм, начать с Севера кольцевой охват советской власти. Победа как нашим отечественным контрреволюционерам, так и их иностранным вдохновителям и покрывателям казалась столь несомненной, что, горя нетерпением, они плохо координировали свои действия. Провал контрреволюционного плана начался с ярославского восстания, которое было подавлено, несмотря на то, что оно застало нас врасплох. После этого стало ясно, что терпеть посольский контрреволюционный штаб в Вологде больше ни одного дня нельзя.

Чтобы побудить послов на отъезд из Вологды после отказа их переехать в Москву, президиум Вологодского губисполкома поставил у посольского дома свой караул из надежных красногвардейцев. Без нашего пропуска в посольский дом нельзя было ни войти, ни выйти из него.

Послы запротестовали. Мы ответили, что время тревожное, губисполком боится за безопасность драгоценной посольской жизни и считает своим долгом оную охранять.

От такой «заботливости» послы взмолились и в тот же день попросили дать им поезд для отъезда.

За поездом дело не стало.

Посольский корпус выехал в Архангельск с намерением поселиться там вопреки настоянию советского правительства, предлагавшего послам переехать в Москву. Архангельский губисполком проявил поэтому такую же «заботливость» за посольскую безопасность, как и Вологодский. После этого посольской контрреволюции пришлось отправиться во-свояси.

II

Вскоре после отъезда в июле 1918 г. посольского корпуса союзных держав из Вологды последовало падение Архангельска, оккупированного союзными войсками с помощью местных белогвардейцев. Подготовка белогвардейцев к выступлению велась еще задолго до прибытия в Архангельск десанта союзников. Посольский корпус союзников был прекрасно осведомлен об этом и, находясь в Вологде, оказывал всяческое содействие концентрации белогвардейских офицеров в Архангельске и на Мурмане. Именно по этой причине ему крайне не хотелось покидать Вологду, где географически удобнее всего было держать в руках все нити заговора против советской власти. Вологда была центральным явочным пунктом, через который направлялась белогвардейская волна на Архангельск. Вся эта широко задуманная операция был поставлена чрезвычайно конспиративно, и нам удалось ее раскрыть и ликвидировать белогвардейские явки только после отъезда послов из Вологды, когда на станции Вологда начал работать особый отдел при штабе армии.

Причастность союзников к белогвардейскому заговору впоследствии была разоблачена самими белогвардейцами. Так, например, один из активнейших деятелей белогвардейского правительства в Архангельске С. Добровольский, стоявший во главе судебного ведомства Северной области в должности полевого военного прокурора, в своих воспоминаниях пишет:

«Еще задолго до прибытия союзников стали стекаться в Архангельск представители белых организаций, проникавшие туда при содействии английской контрразведки в Петрограде или в порядке частной инициативы путем вступления на службу в советские войска и учреждения. Часть их группировалась около капитана II ранга Ч. (Чаплина — М. В.), действовавшего под ви-

дом офицера Томсона, а главное ядро находилось в беломорском конном отряде, сформированном из конногорцев ротмистром Н, который еще в Петрограде навербовал в него много офицеров для организации выступления в Архангельске. Ротмистр Н. находился в сношениях с французами в лице полковника Д., с которым они часто встречались для переговоров на набережной Северной Двины *.

В сношениях с союзниками находились и командовавшие сухопутными силами в Архангельске полковник Потапов и красным флотом адмирал Викорс, как это было установлено впоследствии произведенным об их деятельности следствием.

План союзников состоял в том, чтобы захватить Архангельск, соединиться потом через Котлас и Вятку с Колчаком и установить таким образом кратчайший путь для подачи материальной и технической помощи армиям Колчака. Вместе с тем союзники надеялись, что при благоприятных условиях им удастся, оказав помощь местным белогвардейцам, ликвидировать советскую власть по всему Северу еще до прихода Колчака. С этой целью находившийся в Вологде посольский корпус щедро субсидировал через Б. Савинкова денежными средствами белогвардейцев и всемерно помогал им в деле борьбы с советской властью. В свою очередь белогвардейские вожди энергично поддерживали у союзных послов и через них у заграничных правительств убеждение, что население настроено против советской власти и об одном только мечтает, как бы свергнуть «захватчиков»-большевиков. В Вологде этой информации усиленно содействовал лидер эсеров С. С. Маслов, который для большей конспирации своей контрреволюционной работы уверял даже своих вологодских друзей, что он отошел от политики и занят всецело тем, что пишет большой кооперативный труд. Ему удалось таким образом обмануть бдительность наших товарищей, ведавших делом борьбы с контрреволюцией.

Карты союзных послов раскрылись после того, как вспыхнуло ярославское восстание, причастность к которому посольского корпуса в Вологде для советского правительства стала несомненной. После этого послам предложено было в любезной, но настойчивой форме переехать из Вологды в Москву. С этой целью Народным комиссариатом по иностранным делам был командирован в Вологду тов. Радек «для организации, — как было сказано в его мандате, — переезда представителей держав Согласия, направляющихся из Вологды в Москву». Тов. Радеку были предоставлены полномочия на обсуждение с названными представителями всех вопросов, касающихся их переезда в Москву, на устранение всех затруднений и недоразумений и на отдание местным властям всех необходимых по сему делу указаний.

---

* «Архив русской революции», т. III. Берлин. «Гражданская война в Сибири и в Северной области», Госиздат, 1927 г., стр. 230 — 231.

Тов. Радек прибыл в Вологду 12 июня и в тот же день имел свидание со старшиной дипломатического корпуса, американским послом Фрэнсисом. Дипломатический корпус союзных держав (состоявший из названного выше американского посла, французского посла Ж. Нуланса, сербского посланника Сполайковича, итальянского посланника Торрета, поверенного в делах Японии Марумо, великобританского уполномоченного Ф. О. Линделей, поверенного в делах Бразилии Г. де-Вианнэ-Кельч и поверенного в делах Китая Чен-Иен-Чи) категорически отказался от предложенного советским правительством переезда в Москву, мотивируя этот отказ сначала тем, что им вполне удобно и безопасно находиться в Вологде, а потом тем, что союзные миссии не могут выехать в Москву впредь до выяснения требований или намерений Германии по поводу убийства посла Мирбаха. Только после того как послы убедились, что им ни при каких условиях не представляется возможным оставаться в Вологде, они решили выехать в Архангельск. Уезжая из Вологды, союзные послы опубликовали на русском языке свою официальную переписку с Народным комиссариатом по иностранным делам, в заключении которой не совсем по-русски грамотно, но весьма понятно они заявили:

«Вследствие перерыва телеграфного сообщения с Мурманом мы находимся в полном неведении о происходящем там (очевидно, на Мурмане.— М. В.). В случае наши правительства направляют (!) войска в Россию, то это не предпринимается с целью борьбы с русским народом, а единственно для сопротивления захватам наших общих врагов» (следуют подписи названных выше представителей иностранных союзных миссий) *.

В такой форме представители союзных правительств преподнесли, уезжая из России, «радостную весть» русскому народу, к которому они адресовали изданную ими дипломатическую переписку. На прощанье им пришлось выболтать откровенно то, чем они были заняты, находясь в Вологде,— подготовку интервенции. Но теперь это уже не составляло ни для кого секрета. Шила в мешке не утаишь. Советское правительство гораздо раньше этого официального признания знало, что посольский корпус союзников в Вологде является главным штабом контрреволюции, прикрывая свою преступную заговорщическую деятельность дипломатической неприкосновенностью.

Тяжелое международное положение, в котором тогда находилась советская власть, вынуждало наше правительство к макси-

* Здесь кстати заметить, что эта переписка послов была напечатана тайно в типографии Северосоюза (так назывался союз потребобществ Вологодской губ.), который представлял в то время эсеровское гнездо. Очевидно белогвардейские сторонники С. С. Маслова и Питирима Сорокина взяли на себя обязательство перед отъезжающими послами, что они распространят посольскую агитку, содержащую клевету на советскую власть и наглую угрозу вооруженной интервенцией. Подпольная агитка посольского корпуса была во-время открыта нашей ЧК и отправлена в архив с полным соблюдением «международных прав», согласно которым послам не разрешается агитировать против правительства той страны, в которой они находятся.

мальной осторожности по отношению к посольскому корпусу союзников, хотя советскому правительству хорошо была известна та роль, которую союзные послы играли во всех контрреволюционных заговорах и в ярославском восстании.

Предпринимая выселение послов из Вологды, Народный комиссариат по иностранным делам действовал с максимальной корректностью и любезностью по отношению к иностранным миссиям, хотя эти миссии поселились в Вологде без разрешения советского правительства, не будучи аккредитованы при нем. Приглашая послов переехать в Москву, тов. Чичерин телеграфировал американскому послу Фрэнсису как старшине дипломатического корпуса 10 июля 1918 г.: «Принимая во внимание настоящее положение и возможность опасности для представителей держав Согласия, советское правительство считает Москву городом, где безопасность может быть обеспечена упомянутым представителям. Считая охрану послов своим долгом, правительство считает их переезд в Москву необходимостью. Мы надеемся, что глубокоуважаемый посол Америки отнесется к этому шагу с тем же дружеским чувством, с которым таковой предпринимается. С целью приведения в исполнение этой меры и для устранения всяких затруднений НКИД делегирует в Вологду гражданина Радека в качестве своего уполномоченного».

Большевики вынуждены были поставить караул у посольских домов только после того, как послы упрямо отказались переехать в Москву, несмотря на все любезные уговоры тов. Радека, ссылаясь между прочим, на то, что, по их сведениям, германцы после убийства посла Мирбаха, будто бы получили разрешение ввести свои войска в Москву. Тов. Чичерин телеграфировал по этому поводу Фрэнсису: «Благодарю за телеграмму. Вы очень плохо осведомлены. Совершенно неверно, будто германцы получили разрешение ввести войска в Москву. Это является чудовищным искажением действительности. Почему-то кто-то из Москвы умышленно искажает вам нашу политику и действительное положение вещей. Когда вы будете в Москве, никакие интриганы не будут иметь возможности создавать такие затруднения между нами. Германцы не угрожают Москве. Вы недостаточно осведомлены о положении в России. Народ за нас, но группы заговорщиков, подобные тем, которые недавно выступали, систематически создают волнения. Подобные заговорщики подготовляют удар. Ваше дальнейшее пребывание в Вологде невозможно. На нас лежит ответственность, нести которую мы иначе не можем» (телеграмма от 13 июля 1918 г., перевод с английского).

Несмотря на вполне любезный тон, в котором велась вся переписка НКИД с послами, они не постеснялись, уезжая из Вологды, подпольным путем опубликовать свою «белую книгу», в заключительной части которой писали: «Мы публикуем эти сведения с целью обратить ваше внимание на неучтивость и нарушения международных прав, которым мы были подвергнуты»...

Однако доказательством того, что никаких «неучтивостей и нарушения международных прав» советским правительством по отношению к послам не было допущено, может служить опубликованная ими официальная переписка, все содержание которой свидетельствует о том, что у послов не было даже повода заявить советскому правительству официальный протест о «нарушении международных прав». Они ограничились поэтому подпольной инсинуацией по адресу советского правительства, которой хотели замести следы своей контрреволюционной деятельности.

III

Выехав из Вологды, послы настойчиво пытались остаться в Архангельске, но здесь им было категорически отказано в этом. Вскоре после отъезда послов последовало занятие Архангельска союзным десантом, высаженным английским крейсером у Исакороркн в количестве до тысячи человек. Занятие Архангельска подготовлялось союзниками (особенно Англией) задолго до его падения совместно с белогвардейцами. Дипломатический корпус не только был хорошо осведомлен об этом, но и прямо руководил подготовкой. Изменники Потапов, командовавший сухопутными советскими воинскими частями в Архангельске, и адмирал Викорс, командовавший нашим флотом, тайно поддерживали связь с союзниками и получали от них инструкции еще во время советской власти в Архангельске. Агентом союзников был и ротмистр Берс, который и произвел захват власти в Архангельске со своим отрядом горцев еще до высадки десанта союзников. Полковник Потапов и адмирал Викорс по заранее установленному плану приложили все усилия к тому, чтобы парализовать все те меры, которые были приняты Советом обороны для отражения союзного десанта. Потапов к моменту прихода союзников так сгруппировал наши воинские части, находившиеся в Архангельске, что большая часть их очутилась вне Архангельска за Северной Двиной, чем и была обеспечена свобода действия отряду ротмистра Берса, а адмирал Викорс применил саботаж, проявив намеренно полное бездействие власти в принятии мер к заграждению фарватера в Северной Двине для воспрепятствования прохода союзного флота к Архангельску.

В этом деле подлого предательства, с помощью которого был захвачен Архангельск, полную ответственность несомненно разделяют и лидеры эсеров, которые после переворота вошли в состав так называемого «верховного управления Северной области». Интересно отметить, что герой архангельского переворота, начальник конногорского отряда ротмистр Берс, который, по словам упомянутого уже мною С. Добровольского, находился в сношениях с французами, бессовестно проворовался во время переворота. Вот что рассказывает об этом С. Добровольский в своих мемуарах:

...«Во время занятия в Архангельске штаба красных войск чинами отряда (конногорского. — М. В.) был захвачен казенный

денежный ящик с четырьмя миллионами рублей, которые ротмистр Н. (Берс. — М. В.) по соглашению с некоторыми офицерами отряда поделил между собой и горцами, при чем каждому участнику дележа было выдано: офицеру 150—400 тыс. руб., а простому всаднику — 10—20 тыс. руб.» *.

Этот воришка сразу же после захвата власти провозгласил себя главнокомандующим, но так как «операция» с денежным ящиком получила широкую огласку, то правительству Чайковского, получившему власть благодаря подвигам проворовавшегося ротмистра Берса, неудобно было оставить его на должности главнокомандующего. Главнокомандующим по соглашению с англичанами был назначен английский наймит капитан Чаплин, орудовавший в Архангельске при советской власти под видом англичанина Томсона.

Какова была роль в этом перевороте партии социалистов-революционеров? Роль эта явствует из того, что после свержения советской власти в Архангельске в состав белогвардейского «верховного управления Северной области» вошли такие лица, как Н. В. Чайковский (нар. соц.), Лихач (эсер), Маслов (эсер), тот самый, который держал связь с посольским корпусом союзников в Вологде, откуда бежал в Архангельск вслед за послами, Иванов (эсер) и Гуковский (эсер). Это все не случайные лица в партии эсеров, а видные вожди ее, именовавшие себя тогда «представителями демократии». Если посольский корпус, подготовивший захват Архангельска, согласился на то, чтобы власть от большевиков перешла в руки названных лиц, то, значит, он их хорошо знал, а они находились с ним в контакте. С. С. Маслова, члена Учредительного собрания от Вологодской губ., послы знали еще по Вологде, где он держал с ними тесную связь. Несомненно, что Нуланс, Фрэнсис и Линделей, заправлявшие делами северной интервенции от имени великих держав, хорошо знали и всех других представителей партии эсеров, вошедших в состав «верховного управления».

По поводу образования названного «верховного управления» Северной области и захвата им власти после переворота С. Добровольский пишет в своих мемуарах:

«Судя по той поддержке, которая потом оказывалась «верховному управлению» очутившимися в Архангельске послами великих держав — Нулансом (Франция), Фрэнсисом (Америка) и де-ла-Торрета (Италия), — тут не обошлось без вмешательства иностранцев».

Совершенно несомненно, что эсеры получили власть после переворота только благодаря союзникам, так как из белогвардейских сил главную роль в перевороте играл упомянутый уже мною конногорский отряд во главе с ротмистром Берсом, который сразу же после захвата власти провозгласил себя главноко-

* «Гражданская война в Сибири и Северной области», стр. 232.

мандующим и не хотел признавать правительства Чайковского. Белогвардейское офицерство помышляло о другой власти, открыто реакционной, генеральской, а «представителей демократии» считало неспособными к серьезной борьбе с большевиками. Кроме того белогвардейскую военщину отвращала от эсеровских правителей их революционная фразеология, без которой эсеры не могли, конечно, обойтись. Объективно эсеры, оказавшиеся у власти в Архангельске после переворота, играли ту же контрреволюционную роль, что и белогвардейское, монархически настроенное офицерство, будучи одинаково пешками в руках союзников, но они должны были прикрывать свою политику революционными фразами. Эсеровское правительство в Архангельске начало с того, что «во имя спасения родины и революции» объявило о восстановлении упраздненных советской властью старых царских судов, органов земского и городского самоуправления, находившихся в руках местной буржуазии и администрации, состоявшей из царских чиновников. Умный белогвардеец и нераскаянный контрреволюционер С. Добровольский по этому поводу пишет, что эту меру, «конечно, нельзя было не приветствовать (еще бы! — М. В.), но вся дальнейшая деятельность «верховного управления» показала, что члены его были далеки от понимания жесткой реальной действительности, не изжили еще своих утопических теорий и склонны продолжать ту линию поведения, которая взята была в Учредительном собрании. Дело управления областью совершенно не спорилось в их неопытных руках. «Своего» административного персонала они не имели, а к назначенным из прежних кадров (из царских чиновников.—М. В.) относились с недоверием, заподозривая их в контрреволюционности» *.

Союзники скоро разочаровались в своих ставленниках из «демократии». 2 августа был произведен переворот в Архангельске и образовано эсеровское «верховное управление», а уже 6 сентября 1918 года при намеренном попустительстве союзников группа офицеров во главе с командующим войсками капитаном Чаплиным (назначенным «верховным управлением») арестовала членов этого управления и свезла их в Соловецкий монастырь, находя, очевидно, что самое подходящее место для представителей эсеровской «демократии» монашеские кельи, а не министерские кабинеты. В результате этого внутреннего «переворота» послы предложили Чайковскому сформировать новое правительство из более умеренных элементов, что «уважаемый» председатель эсеровского правительства с готовностью и проделал.

В состав нового правительства вошли персонально: Чайковский (председатель), П. Ю. Зубов (член буржуазного союза «Возрождение России»), К. Н. Куракин (бывший попечитель учебного округа), Мефодиев (кадет), С. Н. Городецкий и М. М. Федоров (энесовцы) Эсеры таким образом из правительства выле-

* «Гражданская война в Сибири и Северной области», стр. 233.

тели, против чего они, однако, не думали протестовать, безропотно сойдя на роль легальной оппозиции при новом буржуазном правительстве. Впоследствии они снова вернулись в правительство, но в такой момент, когда положение белогвардейского правительства в Архангельске было явно безнадежным. Эсеры пытались спасти положение, которое союзники считали безнадежно проигранным, но и при этом наши горе-демократы остались верны себе. Настаивая на продолжении сопротивления советским войскам, они плелись на поводу у генерала Миллера, которому фактически принадлежала вся полнота власти и при котором архангельские эсеры играли роль «демократического» прикрытия генеральной диктатуры. В этом вынуждены признаться сами эсеры. «Последние 6—8 месяцев,—пишет в своих мемуарах член архангельского белогвардейского правительства, эсер Борис Соколов,—в Северной области существовала полузамаскированная военная диктатура. Фактически местное население, в частности широкие демократические круги, было совершенно устранено от управления Северной областью. Власть находилась в руках у военного командования».

После ухода из Архангельска союзников военное командование и вся гражданская власть находилась в руках генерала Миллера и его штабной клики, признавших верховную власть Колчака. Эта военная клика жестоко расправлялась с местными рабочими и большевистски настроенными элементами. В середине 1919 года ген. Миллер основал каторжную тюрьму для политических преступников в Иоханге, о которой здесь стоит сказать несколько слов.

Иоханга—это бухта на Мурманском берегу. Вот как описывает ее упомянутый мною Б. Соколов: «Кругом голые скалы, ни одного деревца, постоянные неистовые ветры. Все это заставляло издавна людей избегать этих, как они называли, «проклятых богом мест». Действительно, трудно себе представить картину более безотрадную, наводящую свинцовую тоску на душу, чем Иоханская бухта».

Вот в эту проклятую людьми местность Архангельска правительство и ссылало на каторгу своих противников. Начальником Иоханской тюрьмы был бывший начальник Нерчинской каторги (хороший стаж), который находил особое удовольствие в собственноручных избиениях арестованных. Результаты деятельности этого старого царского тюремщика во славу «демократии» были таковы, что к моменту ликвидации белогвардейщины на Севере, как передает об этом тот же Б. Соколов в своих мемуарах, «из 1200 чел. присланных на Иоханту арестантов 23 были расстреляны за предполагаемые побег и открытое непослушание, 310 умерли от цынги и тифа и только около 100 человек остались более или менее здоровыми».

---

* «Архив русской революции», т. IX, Берлин, 1923 г., цитировано по изд. Госиздата: «Гражданская война в Сибири и Северной области», стр. 344.

Вторым местом, где белогвардейское правительство заживо погребало своих противников, был остров Мудьюг, находящийся недалеко от устья реки С. Двины, с правой стороны при выходе в Белое море. Здесь также за непродолжительное сравнительно время белогвардейского господства в Архангельске погибли сотни лучших рабочих и крестьян севера. Бывшие царские тюремщики и всякого рода заплечных дел мастера хорошо поработали при «демократическом» правительстве, служившем ширмой для ген. Миллера и царской военщины.

Беспощадно расправляясь с большевиками и недовольными белогвардейскими порядками рабочими и крестьянами, правящая военщина вела разгульную, пьяную жизнь. «Ни тревожное состояние,—пишет Борис Соколов,—ни дурные вести с фронта — ничто не могло нарушить угарной жизни Архангельска. Люди словно хотели взять от жизни то немногое, что она им давала: вино и снова вино. Офицерское собрание и немало других ресторанов были свидетелями скандалов, безобразных и диких, участниками которых являлись офицеры. И чем грознее становилось в области, тем безудержнее жил военный тыл. Уже не редкость было встретить пьяных офицеров и солдат на улицах и уличках Архангельска. Но если кутило тыловое офицерство, то и фронтовое, приезжая на побывку, не отставало от него в своих кутежах» *.

Вот картина быта и нравов, водворившихся в Архангельске после ухода большевиков под сенью «демократического» правительства, которую наблюдали архангельские рабочие и крестьяне.

Эта картина нарисована одним из членов этого правительства, не склонного преувеличивать теневые стороны белогвардейского господства.

Член архангельского правительства Борис Соколов, ведавший вопросами просвещения в последние дни существования белогвардейской власти в Архангельске, со слов своих товарищей по партии эсеров А. А. Иванова и П. Скоморохова так характеризует позицию эсеров: «У нас военная диктатура и военный диктатор, который готов допустить совещательный орган при своей персоне, но не больше... Но мы не хотим мешать генералу Миллеру защищать область и будем ему помогать там, где можем. Во всяком случае всякую оппозицию противного будем сдерживать». Это была политика сознательного «демократического» прикрытия генеральско-офицерской диктатуры.

Такой же тактики придерживались и архангельские меньшевики, общественное влияние которых было совершенно ничтожно. Меньшевики были чрезвычайно немногочисленны в Архангельске, насчитывая десяток-другой членов своей организации среди рабочих и несколько человек среди обывателей. Соб-

* «Гражданская война в Сибири и Северной области», стр. 308.

ственного органа меньшевики не имели и сотрудничали в газете «Возрождение севера», которая официально считалась беспартийно-социалистической, а фактически принадлежала эсерам. В политическом отношении меньшевики шли за эсерами, разделяя вместе с ними тактику «единого фронта» против большевиков. Именно по этим соображениям «единого фронта» архангельские эсеры и после того как их «министров» весьма невежливо вышвырнули из «верховного управления» считали необходимым поддерживать новое правительство и военное командование. «Мы не за диктатуру,—говорили они,—но мы за твердую военную власть. Только она может спасти область. Если мы возьмем власть, а это мы сейчас не можем из-за англичан, то военное командование и офицерство откажется итти за ними, и в итоге будет разложение армии, разрушение фронта и падение области» *.

Итак, под видом сохранения фронта и удержания области, которую в это время грабили англичане, вывозя из нее под военный шумок по-дешевке ценный экспорт, меньшевики и эсеры сознательно помогали чем могли контрреволюционной военщине и союзникам. Весь позор этого беспримерного политического предательства интересов крестьян и рабочих заключается в том, что лидеры эсеров и меньшевиков прекрасно сознавали, кому они прислуживают, они знали, с каким зверским остервенением белогвардейские власти расправляются с крестьянами и рабочими, заподозренными в большевизме; они знали о всех ужасах Иоханги, Мудьюга, о заведенных там порядках царской Нерчинской каторги, знали, зачем пришли союзники и чего хочет белогвардейское офицерство и все-таки поддерживали интервентов. Вот как об этом пишет Борис Соколов. «Хотя все это и было, но главное, что побуждало лидеров к «соглашательству», было желание удержать единый фронт». Забастовка архангельских рабочих в сентябре 1918 года в знак протеста против отказа правительства дать амнистию многочисленным политическим осужденным и административно-заключенным, которых белогвардейские власти заживо погребали в Иоханг-ской каторжной тюрьме и на Мудьюге, встретила осуждение со стороны эсеровских и меньшевистских кругов и расценивалась как выступление большевиков. В то же время эсеровские и меньшевистские двурушники заявили, что они не несут никакой ответственности за действия диктаторской власти военного командования. Демократически прикрывая и на деле содействуя диктатуре ген. Миллера и его военной клики, эсеры кончили свою оппозиционную игру тем, что в последний момент снова вошли в состав правительства, которое получило санкцию земского собрания, руководимого эсерами. Это типично мелкобуржуазное земское собрание мотивировало свое решение войти в состав правительства

* «Гражданская война в Сибири и Северной области», стр. 325.

так: «В дни, когда опасность прихода большевиков делается очевидной, земское собрание, не стремясь отнюдь к власти, решает войти во вновь организуемое правительство. Но оно рассматривает это правительство исключительно как правительство спасения (кого?—М. В.), в задачи которого в первую очередь должна лечь эвакуация защитников области на Мурманск» *. Интересно, что некоторые из белогвардейцев сами называли это правительство «правительством глупости». Между тем, как свидетельствует Б. Соколов, о распределении мест в этом правительстве шел продолжительный торг между кадетами и эсерами. Только после долгой торговли сошлись на том, что военные и иностранные дела оставил за собой ген. Миллер, внутренние дела поручили барону Тизенгаузену, финансы—А. Репману, просвещение—Б. Соколову (эсер) и без портфеля вошли А. А. Иванов (эсер) и доктор Попов. Фактически власть осталась в руках ген. Миллера и военной клики, а новому «правительству глупости» военный диктатор предоставил пускать демократическую пыль в глаза рабочим и крестьянам. Непрекрытая глупость всего этого предприятия заключалась в том, что «демократическая пыль» никому не была нужна, все прекрасно знали, что дело северной контрреволюции проиграно и дни белогвардейской власти сочтены.

Не только рабочие севера, но и подавляющее большинство крестьянства с самого начала захвата Архангельска отнеслось отрицательно к союзникам и белогвардейской авантюре. Эсеры опирались в Архангельской, как и в Вологодской и Сев.-Двинской губерниях, только на кулацкие элементы крестьянства и городскую буржуазию. Вся остальная масса крестьян и часть рабочих в лучшем случае оставалась во время переворота и первое время после прихода союзников пассивной, будучи сбита с толку меньшевистской и эсеровской пропагандой. В Мурманском районе, где большинство населения составляли пришлые рабочие, настроение с самого начала прихода союзников было определенно отрицательное как по отношению к иностранным интервентам, так и к русским белогвардейцам, на которых иностранная интервенция спиралась. Мы имеем об этом свидетельство самих белогвардейцев, которые, будучи потом выброшены с севера, должны были признать, что их кратковременное управление областью держалось только на английских штыках. «Советская власть пустила на Мурмане, особенно в Мурманске, глубокие корни,—пишет С. Добровольский в своих мемуарах. —Через несколько дней после нашего приезда мы могли сами воочию убедиться в большевистских симпатиях населения. Согласно приказа командующего войсками Северной области ген. Марушевского, был разрешен свободный выезд в совдепию всем желающим туда уехать, и вот на наших глазах отошел поезд, перегруженный красными, которых дружно, с явным со-

* «Гражданская война в Сибири и Северной области», стр. 344.

чувствием провожало почти все остальное население Мурманска». Это свидетельство открытого и нераскаянного врага советской власти, который об одном только сожалеет, что белогвардейские власти слабо применяли репрессии к крестьянам и рабочим.

Что касается настроения архангельских рабочих, то тот же Добровольский имел возможность как прокурор убедиться на процессе Бечина, Цейтлина, Новолочного и Клюева по поводу выступления рабочих 12 марта 1919 года, что симпатии рабочих на стороне большевиков. Выступление это было организовано рабочими на торжественных заседаниях в день празднования второй годовщины Февральской революции. Заседания эти быстро превратились в митинги, причем ораторы от рабочих открыто призывали к ниспровержению Временного правительства Северной области. Особенно многолюдны были собрания на судостроительном заводе, где присутствовало до 1.000 рабочих. Наиболее резкое выступление здесь принадлежало Бечину, который говорил о советской власти как естественной и единственной защитнице интересов рабочего класса. Протестуя против участия союзников в борьбе с большевиками, Бечин указал на солидарность с ним в этом отношении и солдатской массы, представители которой говорят, что «товарищи солдаты пойдут с рабочими в защите их интересов» и «союзникам себя за банку консервов и табаку не продадут». Эти последние слова рабочий оратор цитировал из письма солдат с фронта. На заседании в городской думе тот же Бечин (беспартийный рабочий) от имени совета профессиональных союзов Архангельска говорил, что белогвардейское правительство Северной области «держится лишь при помощи штыков заморских гостей», что сознание пролетариата прояснилось и его первоначальное отношение к союзникам сменилось ненавистью к ним.

«На меня процесс произвел тяжелое впечатление, — пишет Добровольский,— я осознал ту пропасть, которая лежала между классовым мировоззрением рабочей среды и национально-политическими кругами общества. Засыпать эту пропасть у нас некому»...

Это признание не социалиста, а просто трезво смотрящего на вещи представителя буржуазии: «засыпать» пропасть между мировоззрением рабочих и буржуазии было не только некому, но и нечем. Буржуазному правительству и его суду, поддерживаемым эсерами и меньшевиками, оставалось только одно: углублять эту пропасть каторжными приговорами по отношению к рабочим. Все названные представители профсоюзов архангельских рабочих были приговорены к каторге сроком на 15 лет каждый и отправлены на Иоханту в распоряжение бывшего начальника Нерчинской каторги палача Судакова. Судебные и административные расправы, которые белогвардейское правительство с первых же дней своего существования начало применять

к рабочим, скоро всю рабочую массу сделало большевистски настроенной. Даже те немногие рабочие, которые раньше шли за меньшевиками, стали ждать теперь прихода большевиков.

Настроение крестьянства Архангельской губернии ярко выявилось в ряде восстаний в северных белогвардейских полках, укомплектованных из местных крестьян. Несмотря на чрезвычайно жестокие расправы с повстанцами со стороны командного офицерского состава и партизанских кулацких отрядов, до конца оставшихся верными эсерам, восстания в белогвардейских северных полках следовали одно за другим. Одним из первых вспыхнуло восстание на Пинеге в 8 северном стрелковом полку; восстание это было подавлено верхнепинежскими партизанами-кулаками, жестоко расправлявшимися с восставшими.

Не успели рассеяться впечатления от пинежского восстания, как вспыхнуло новое—в 5-м северном стрелковом полку, расположенном на Онеге. Этот полк был укомплектован из крестьян Онежского уезда, с самого начала недоброжелательно относившихся к белогвардейцам. Восставшие солдаты 5-го стрелкового полка арестовали почти всех офицеров во главе с командиром полка и перешли на сторону большевиков. Вслед за онежским восстанием последовала попытка к восстанию в 6-м северном стрелковом полку, занимавшем железнодорожный участок фронта. Одновременно с этим белогвардейскому командованию удалось раскрыть заговор в 7-м стрелковом полку, расположенном в Селецком районе. Восстание в 6-м, заговор в 7-м северных стрелковых полках интересны между прочим тем, что душой этого заговора явились крестьяне с Северной Двины, мобилизованные и направленные на укомплектование этих полков из захваченного незадолго перед тем белогвардейцами и англичанами у нас района. Этот опыт с северодвинскими крестьянами открыл глаза союзникам на истинное положение вещей. Архангельские эсеры все время уверяли их, что крестьянское население, находящееся в районах, занятых советской властью, только и ждет прихода белых и союзников. Полагая, что крестьяне, испытавшие советскую власть, окажутся надежными бойцами в руках белой армии, английское командование согласилось взять по мобилизации все мужское население захваченного у нас района и направить его на укомплектование полков железнодорожного и Селецкого районов. Мобилизованные же крестьяне немедленно по прибытии в указанные полки составили план восстания и открытия фронта для наших войск. Согласно этому плану, предполагалось обходное движение с нашей стороны довольно крупными силами, которые, войдя в тыл линии блокгаузов неприятеля на железнодорожном участке, должны были атаковать артиллерию противника. Операция эта не удалась нам благодаря предательству одного гвардейского унтерофицера, бывшего в курсе заговора и предупредившего в решительный момент командира 6-го полка о назревающей опасности.

Все эти восстания в белогвардейских полках, а в особенности опыт с мобилизованными крестьянами, «совершенно вывели из душевного равновесия, по словам Добровольского, высшее английское командование и создали приподнятое настроение в английских войсках». Командующий английскими войсками генерал Айронсайд стал после этого энергичным образом настаивать на уходе английских войск, указывая, что на белогвардейских солдат особенно нельзя полагаться. Англичане поняли, наконец, что против советской власти идет не население, не крестьяне и не рабочие, а офицерство старой царской армии да верхушка буржуазной «демократии», совершенно не пользующаяся поддержкой широких масс населения. Очень хорошо это передано в мемуарах Добровольского словами одного английского сержанта, конвоировавшего арестованных солдат белой армии. Англичане боялись русских солдат белогвардейских полков, считая их всех скрытыми большевиками. По случаю маленького замешательства на пароходе, который вез арестованных белогвардейских солдат под конвоем англичан, последние открыли стрельбу по русским, в результате чего было несколько человек ранено и двое убитых. Ехавший на этом же пароходе арестованный русский офицер был немедленно изолирован от солдат англичанами, и их сержант, добродушно похлопывая офицера-белогвардейца по плечу, выражал ему свои симпатии, говоря: «Русский офицер не надо бояться, русский офицер карош, а русский солдат .....ь, большевик».

IV

Несколько месяцев пребывания на севере убедили англичан и других «союзников», что рабочие и крестьяне в массе сочувствуют советской власти. Поэтому, настаивая на уходе союзников, английское командование, как пишет об этом Борис Соколов, подчеркивало безразличие населения, большевизм рабочего класса и части крестьянства,— «одним словом,— заключает сам Соколов,—они (союзники) изображали довольно верно то положение, которое имело место на севере».

К союзникам, особенно к англичанам, все население Архангельской губернии относилось враждебно. «Пока англичане были в области, общий голос—была ругань против англичан. Казалось, все беды и неурядицы порождены ими». Крестьяне, за исключением кулацкой верхушки, были настроены миролюбиво по отношению к большевикам и советской власти. «Они были убеждены,—свидетельствует эсер Соколов,—что с падением северного фронта ликвидируется гражданская война, вернутся из армии их сыновья и братья. И кроме того большевики в их представлении рисовались как свои». Только силой белогвардейское правительство загоняло крестьян в формируемые им полки. При первой возможности крестьяне в этих полках поднимали восстания и переходили на нашу сторону. Городское на-

селение совсем не шло в белую армию. «Город Архангельск откровенно,—пишет Соколов,—отклонял всякое привлечение его к судьбам области... на призыв главнокомандующего и на декларацию земско-городского совещания о необходимости поступать добровольно в армию не откликнулся никто: записалось два-три гимназиста, и только... Посланные на фронт ополченцы тотчас утекали оттуда в тыл под самыми благовидными предлогами, заполняя лазареты, эвакуационные пункты и санитарные поезда»...

Курьезнее всего, что, по словам того же Соколова, даже архангельские купцы, когда местные эсеры бросали им упрек, что они интересуются только ценами на треску да спекулируют английскими товарми и мехами, спокойно отвечали этим горе-социалистам, что они не просили эсеров защищать их от большевиков. Весь цинизм этого ответа эсеры уразумели, повидимому, только потом, когда сели за границей писать на досуге свои мемуары. Крепкие в политике задним умом, архангельские эсеры только за границей поняли, какая «курьезная вещь» происходила у них на севере с возлюбленной «демократией»: «Защищали область, управляли, делали внешнюю и прочую политику люди чуждые, далекие Северному краю, приехавшие из Парижа, Финляндии». Местное население, особенно крестьяне и рабочие, не имело к этому «демократическому» управлнию никакого отношения. Архангельские крестьяне и рабочие при буржуазно-эсеровском правительстве получили... каторгу на Иоханге и Мудьюге, свирепые политические расправы и экономический грабеж их родного края. Местная буржуазия спекулировала английскими товарами, мехами, а «доблестные» союзники выкачивали все, что можно было выкачать из богатых сырьевых ресурсов севера.

В прокламациях под заглавием «Мир или война» главнокомандующий английским экспедиционным корпусом генерал Айронсайд писал:

«Солдаты Красной армии!

Прочтите это и помните. Сдавайтесь, переходите к нам, пока не поздно. Лед прошел. Наши корабли идут на север, чтобы еще раз вступить в бой за истинную свободу. Они везут свежие войска и все то мощное военное снаряжение, при помощи которого Германия разбита на полях Франции и Бельгии. Теперь Германия продолжает с нами войну на полях России. Ваши комиссары — их наймиты. На германские деньги они опутали вас всякой ложью, разорили страну, передали Германии русское золото, русские товары, русский хлеб, а вас гонят на убой...

У вас не может быть надежды на победу. Переходите в стан победителей. Становитесь в ряды бойцов за правое дело, за освобождение России».

А в это время, как свидетельствует видный деятель архангельского белогвардейского правительства С. Добровольский,

«Под прикрытием военного мундира в Архангельске появились многочисленные представители английского торгового мира, вроде селедочного короля П—ра, снабдившего нас, между прочим, весьма недоброкачественными сельдями старого засола». Торговля в Архангельске при союзниках почти вся находилась в руках англичан, так как они были распорядителями морского транспорта, лишь 16% вывозимого груза приходились на долю русских. В то время как генерал Айронсайд гремел насчет «правого дела», «свободы» и т. п., английские дельцы скупали по-дешевке пушнину, лес и другое сырье, вывозя это за границу, а в Архангельск беспошлинно направляли свои товары. От англичан не отставали французы. В Архангельске появился громадный французский пароход «Тор», нагруженный исключительно предметами роскоши: вином, парфюмерией, сладостями, принадлежностями дамского туалета и т. п., при чем все эти товары продавались беспошлинно и только на так называемые северные деньги, выпущенные английским банком. Для урегулирования валютного вопроса белоэсеровское правительство пыталось потребовать от экспортеров выдачи подписки о сдаче ими областному банку вырученной от продажи леса и других товаров валюты, без чего не выдавало разрешительных свидетельств на вывоз. Но союзники не считались с этими правилами, а, будучи фактическими хозяевами края, сами разрешали вывоз товаров по выдаваемым ими так называемым компенсационным свидетельствам, обеспечивающим экспортерам оставление в их руках денег, вырученных от продажи товаров за границу. Выкачивание этой валюты шло путем импорта всякой заграничной товарной завали и предметов роскоши. Для всякого, хотя немножко понимающего в экономических вопросах, было ясно, что это был неприкрытый экономический грабеж края под номинальным управлением земско-городской «демократии».

Констатируя все эти факты, С. Добровольский наивно пишет в своих мемуарах:

«Все указанные выше признаки и недочеты объяснились в значительной степени тем, что финансы находились в руках слишком доверчивого и малокомпетентного в этом вопросе П. Ю. Зубова, а торговля и промышленность были вверены доктору Мефодиеву, который по своей медицинской специальности вряд ли был на высоте понимания врученного его руководству дела» *.

Дело было, конечно, не в личном невежестве названных ставленников архангельской «демократии», а в том, что вся эта горе-демократия находилась по существу на службе у союзников, которые пришли на север со своими танками и пулеметами вовсе не для того, как в это верили вначале эсеровские и меньшевистские дурачки, чтобы вытаскивать каштаны из огня своими руками для возлюбленной российской «демократии», а для

* «Гражданская война в Сибири и Северной области», стр. 284—285.

того, чтобы самим поживиться, свергнув советскую власть, обратить Россию в колонию для иностранного капитала, а покаче по сходной цене сбыть белогвардейской «демократии» в ее борьбе с советской властью свои колоссальные запасы военного снаряжения, оставшегося неиспользованным в мировой войне. За это военное снаряжение, припасы для армии, оружие, в изобилии поставлявшиеся союзниками всем русским белым армиям, белогвардейские правительства рассчитывались русским золотом и другими ценностями. Союзники щедро оказывали кредит на поставляемые белым армиям в огромном количестве вооружение, снаряжение, обмундирование и продовольствие, потому что им надо было куда-нибудь сбыть этот «товар», на производство которого была мобилизована в годы империалистической войны вся их мощная промышленность. Но союзники ничего не давали даром. Известно, что значительная часть нашего золотого запаса еще царским правительством была переведена в Лондонский банк в обеспечение военных заказов. Известно также, что значительная часть захваченного Колчаком золотого запаса пошла на ту же цель. По северному фронту, входившему потом в состав общего белогвардейского фронта, подчиненного «верховному всероссийскому правителю» Колчаку, расчеты с союзниками несомненно велись за счет золотых ресурсов, находившихся у Колчака, а кроме того главная поставщица военного снаряжения для северного фронта — Англия — вела расчет с архангельским «правительством», находившимся у нее целиком в руках, своеобразным и весьма остроумным эмиссионным путем.

Северная область, конечно, не в состоянии была на свои скромные средства вести вооруженную борьбу, которая требовала колоссальных затрат. Финансирование белогвардейских операций на севере пало целиком на англичан. С целью поддержать бесштатное «правительство» Чайковского Англия выпустила северные кредитики, обеспеченные английским банком. Последний старательно поддерживал курс этих северных денег, напечатанных в Лондоне. Они считались по официальному курсу вдвое дороже всех других знаков; только на эти деньги английской эмиссии и шел расчет по импорту, а с помощью импорта союзники выкачивали иностранную валюту. К сожалению, мы не имеем в опубликованных до сих пор материалах о белых правительствах и армиях более подробных указаний на их расчетные отношения с союзниками, но не подлежит сомнению, что те средства, которые, например, расчетливая английская буржуазия потратила на интервенцию, она в той или иной форме в значительной мере компенсировала. В частности, в Северной области, где англичане пользовались безраздельным влиянием на финансовую и экономическую политику невежественных ставленников кадетско-эсеровской «демократии» вроде Зубова и Мефодиева, они несомненно компенсировали свои затраты по интервенции настолько что в большом долгу у них архангельское «правительство» не осталось.

Но в основном — в стремлении сбросить советскую власть — правительство английской буржуазии, организовавшее интервенцию, потерпело позорное поражение. Английские генералы и офицеры, участвовавшие в экспедиционном корпусе на севере, первыми должны были это признать. Смысл всех последних донесений ген. Айронсайда в Лондон можно выразить латинской поговоркой—напрасно тратим масло и труд—ничего не выходит. Белогвардейской «демократии» эсеров, меньшевиков и кадетов не помогло содействие интервентов, которые силой оружия хотели навязать рабочим и крестьянам советской страны буржуазно-кулацкую диктатуру.

Империалистам не помогло предательство меньшевиков и эсеров, которые с помощью иностранных штыков хотели сохранить свое политическое руководство.

В 1919 году генерал Айронсайд, командовавший английскими интервенционными войсками на севере, хвастливо писал в своей прокламации к нашим северным рабочим и крестьянам:

...«Сдавайтесь... У вас не может быть надежды на победу. Переходите в стан победителей»...

История зло посмеялась над империалистическим предсказателем: «победители» оказались побежденными. Интервенты под напором Красной армии вынуждены были покинуть нашу страну, а история последующих лет мирного советского строительства превзошла самые пылкие надежды и мечты рабочих и крестьян нашей страны.

В итоге 15 лет существования пролетарской диктатуры мы имеем гигантский расцвет социалистической индустрии в нашей стране и переход подавляющего большинства крестьянских хозяйств к коллективистическим формам производства. Под руководством ленинской партии большевиков во главе с тов. Сталиным наша страна идет от победы к победе, в то время как капиталистический мир переживает жесточайший экономический и политический кризис. Промышленное производство капиталистических стран упало под влиянием кризиса ниже довоенного уровня, у нас оно в т р о е превосходит довоенный уровень. В капиталистических странах упадок всей производственной жизни, колоссальная безработица. У нас гигантский рост производства, отсутствие безработных.

Советский союз стал крупнейшим фактором международной жизни. Красная армия является опорой мира. Теперь ни один твердолобый вояка не посмеет повторить хвастливых слов генерала Айронсайда: «Сдавайтесь... у вас не может быть надежды на победу»...

Мы эти слова обращаем против всего буржуазного мира, прогнившего насквозь, обанкротившегося.

М. ЦХАКАЯ

ОТРЫВКИ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ПЕРИОДА ИНТЕРВЕНЦИИ И КОНТРРЕВОЛЮЦИИ НА КАВКАЗЕ

Октябрь фактически победил на баррикадных боях рабочих и вооруженных революционных крестьян в солдатских шинелях в Петрограде, Москве и других промышленных центрах бывшей царской России.

Новая власть, власть советов, оформилась на втором съезде советов. Характер ее немедленно стал ясен для всего мира с изданием закона о земле и декларации «Ко всем трудящимся и эксплоатируемым».

Был создан могучий аппарат правительства диктатуры пролетариата — ЦИК и Совнарком РСФСР, — это на место прежней помещичье-царской власти и гнилого кадетско-эсеровского временного правительства в виде «Совета Российской республики».

Международный характер Октябрьской революции стал очевидным для еще воевавших между собой и раздираемых внутри жесточайшими противоречиями империалистов - капиталистов всего мира.

Но и для наших друзей, пролетариев и передовых трудящихся крестьян всего мира характер Октября тоже начал определяться и ярко вырисовываться через все преграды мировой войны хищников-империалистов.

* * *

В речи агитаторам, отправляемым в провинцию в 1918 г., тов. Ленин так характеризовал интервенцию:

«Наша революция порождена войной; не будь войны, мы наблюдали бы соединение капиталистов всего мира: сплочение на почве борьбы с нами. У них одна мысль: как бы искры нашего пожара не перепали на их крыши. Но китайской стеной не отгородишься от России. Нет ни одной рабочей организации в мире, где не встречали бы с энтузиазмом наши декреты о земле, о национализации банков и т. д.

Может быть, в будущем нам придется выдержать упорную борьбу, но твердо знайте, товарищи, что в большинстве стран рабочие, угнетенные своими капиталистами, уже пробуждаются, и

как бы калединцы всех стран ни бешенствовали, и если бы даже им удалось временно нанести удар России, их положение не упрочилось бы от этого. Наше положение же вполне прочное, ибо за нами стоят все рабочие всех стран!» (т. XXII, стр. 248—249).

Враги, занятые войной, еще надеялись на то, что быстро пройдет эта «утопия», что сам собой легко изживется социалистический эксперимент. Только надо немножко подтянуться, помочь внутренней контрреволюции России.

Сначала они пробовали преодолеть наш Октябрь своими силами, помогая всеми способами Керенскому, кадетам и царским генералам, руководя внутренней контрреволюцией России военно-стратегически и тактически, начиная с Керенского, Милюкова и кончая Колчаком, Деникиным и Врангелем.

Но с созданием у нас регулярной Красной армии империалисты обоих лагерей, как германо-австрийского, так и в особенности антантовского из англо-французского блока прибегают к содействию окраинных государств, где своя внутренняя контрреволюция боролась против зарождавшейся там власти советов. Боролись с новой властью все контрреволюционные элементы окраин во главе с предателями из II Интернационала—меньшевиками, эсерами и всякими «социалистами местного изделия» вроде муссаватистов в Азербайджане и дашнаков в Армении.

Вспомним об одной такой попытке империалистов на аванпосте ближнего Востока — в Закавказье, в особенности в Грузии, — попытке, тянувшейся в течение нескольких лет, начиная с конца 1917 г. и кончая зимой 1920—21 гг., до конца советизации всего многоплеменного и многонационального Закавказья.

Проследим коротенько ход событий в Закавказье и в особенности в Грузии в 1917—21 гг. не по архивным документам, а по личным воспоминаниям и переживаниям, резко врезавшимся в память.

Непосредственно после победы Октября в Петрограде, 15 ноября 1917 года в Тифлисе, по инициативе грузинских меньшевиков во главе с Ноем Жордания, устраивается собрание не членов советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, как до того завелось после февральско-мартовской революции, нет, не собрание членов советов, которые еще существовали с большинством членов меньшевистско-эсеровского блока. Нет, они устроили собрание представителей всех и всяких организаций, начиная от местных черносотенных октябристов и кадетов типа 1905 года и всяких эсеров, дашнаков, муссаватистов и кончая нами, большевиками. Они так думали, что мы будем участвовать, ибо они взяли для этого случая за образец предоктябрьское «демократическое» совещание, бывшее в Петрограде в сентябре 1917 года, для создания пресловутого предпарламента, сиречь «Совета Российской республики».

Конечно, без нас, большевиков, в глазах массы, в особенности тифлисских рабочих, как бы они ни были тогда немножко

беспартийно или меньшевистски настроены, они не могли обойтись, хотя бы формально.

Закавказский краевой комитет нашей партии получил приглашение и я тоже особо, персонально. Я не собирался лично участвовать без решения партии и не думал являться на это собрание от себя.

Накануне этого исторического контрреволюционного собрания собрался наш Закавказский краевой комитет партии и обсудил вопрос о нашем отношении к нему. После недолгого обсуждения комитет принял по тезисам, внесенным мною, твердое решение не участвовать в собрании, но послать меня с нашей декларацией.

Я попросил краевой комитет дать еще одного делегата.

В назначенный день и час мы явились на это заседание. Слушали выступления «господ» (бывших когда-то товарищей) Жордания, Гегечкори и других меньшевиков, а равно право-эсеровских лидеров.

Несмотря на многократные напоминания со стороны президиума собрания о желательности нашего выступления своевременно, пока время не ограничено, мы не пошли ни на какие провокации и до конца терпеливо выслушали все выступления «героев» нашей закавказской контрреволюции.

Нам вполне стала ясной физиономия этой агломерации мелкобуржуазных националистических и социалистических партий Грузии, Армении и Азербайджана и всякой иной партии из этой окраины Закавказья.

Только после этого я записался в прениях.

Собрание в массе встретило меня неожиданно довольно шумными аплодисментами, многие даже собирались привстать чуть не для овации. Я тотчас же заявил с трибуны, чтобы разогнать иллюзии какого бы то ни было примирения с нашей стороны с ними, этими изменниками революции:

— Я посмотрю, так ли вы меня проводите, когда я кончу свой доклад-слово. А сейчас прочту нашу большевистскую декларацию насчет вашего контрреволюционного предприятия.

В собрании и президиуме глубокое молчание.

Я перед чтением декларации коснулся речей выступавших ораторов Жордания, Гегечкори и др., доказывая их абсолютно не социалистическую и контрреволюционную сущность. После я начал читать декларацию.

Председатель Гегечкори (до него председательствовал сам Жордания, но он скрылся за столом президиума, очевидно смущенный и чувствуя себя неловко встретиться лицом к лицу со старым знакомым, а Гегечкори — меньшевик новой формации, чуждое мне лицо) меня останавливает и обращается к собранию.

напоминая, что время ограничено 10 минутами и что оратор уже говорит полчаса.

Собрание молчало и не реагировало на слова своего председателя. Но я заявил:

— Если вы, встретив меня якобы дружелюбно, думали, что я буду говорить, как и вы, или выступлю немножко мягче, конечно вы ошиблись. Но я вас слушал 3—4 часа; имел терпение познакомиться с вашим новым лагерем, который должен командовать народами Закавказья и, стало быть, открывает новый фронт против недавних событий в Петрограде и образовавшейся там власти диктатуры пролетариата.

И, конечно, я обязан сказать здесь все, с этой трибуны, этому собранию. Быть может, многим членам, которые, я думаю, не совсем еще разбираются в значении этого собрания и встретили меня дружелюбно, полезно выслушать меня до конца. Они должны услышать от меня правду, одну только правду, именно: о единственном выходе из тупика, созданного мировой войной и нашей великой революцией — выходе революционном... и только. Ибо революция не кончилась в феврале—марте, как она не кончилась в 1905 году, и имела передышку целых 12 лет черной реакции. Она только началась на новом этапе и благодаря нашей работе за многие годы, за 7—8 месяцев 1917 года и в особенности благодаря октябрьской победе в Петрограде родила власть советов—диктатуру пролетариата, новую власть рабочих и крестьян.

Вы услышите от меня нашу, большевиков, партийную единственно революционную ориентировку и установку, которая только и может быть приемлема для разрешения вопросов последовательной классовой борьбы и соответствующей настоящей национальной политики в многоплеменном и многонациональном Закавказье.

Поэтому позвольте мне не слушаться напоминаний вашего председателя и продолжать свое слово, ибо я не из парламентариев, которые занимаются излишним словоизлиянием. Я продолжу читать нашу декларацию и кончу так, как поручила мне наша партия, предоставив мне право перед чтением декларации говорить в ее духе и в заключение сделать свои выводы.

На сей раз тоже глубокое молчание и в президиуме растерянность.

И я продолжал. Прочитав наш ответ-декларацию, я дал еще заключительные комментарии. Охарактеризовав новых вождей контрреволюции, старых моих знакомых, я предупредил собрание, что они взяли великую историческую ответственность, — перешли Рубикон (границу) наших прежних пролетарских, революционных, международных традиций подполья, нашей общей работы и интернациональной солидарности с рабочими и трудящимися Петрограда, Москвы и всей бывшей царской Рос-

сии. За это сегодня выступавшие ораторы и вожди этого собрания отвечают перед завтрашним и послезавтрашним днем, перед историей, перед народами Закавказья всех национальностей.

Я заявил под конец: история за нами и по вашим установкам не пойдет, а перейдет через них, конечно, с наибольшими жертвами, за что опять-таки отвечают сегодня выступавшие лидеры этого собрания.

Я сошел с трибуны и прошел при глубоком могильном молчании как президиума, так и собрания, встреченный группой единомышленников, и направился на улицу и в рабочие районы.

Собрание создало «Закавказский комиссариат» уже несуществовавшего Временного правительства Керенского — Церетели. «Комиссариат», конечно, должен был служить аппаратом борьбы, а Закавказье — плацдармом контрреволюции по указаниям империалистов против «власти советов» на севере, против диктатуры пролетариата.

На другой день наряду с объявлением об образовании этого нового правительства Закавказья меньшевики и правые эсеры про свое единство прокричали во всех своих листках и на всех перекрестках. Наша большевистская газета «Закавказский рабочий» напечатала нашу декларацию с моими комментариями и редакционными статьями.

Я позволил себе на этом факте так подробно остановиться потому, что он является решающим в дальнейшем ходе событий, показывающим наши новые задачи и перспективы борьбы на два фронта: против действительно самой главной, правой, опасности примирения и сотрудничества с новой контрреволюционной властью Закавказья и против «левацких» поспешных и неподготовленных выступлений.

Мы равняли фронт по Петрограду, победившему вместе с Москвой первый натиск контрреволюции. В наших действиях мы руководствовались методами и директивами единой нашей партии (большевиков).

Следующий факт из важнейших, который я здесь нахожу нужным вспомнить,—это выборы, или скорее создание сверху закавказского сейма из «представителей» трех основных народов Закавказья: тюрок, армян и грузин.

Нужно понять историческую обстановку данного момента. Германский империализм (еще в период кайзера) и его соратник, захудалый турецкий султанский империализм, двинулись один из Украины по Черноморскому побережью, другой (турецкий) из своих прежних границ с Грузией, причалили к берегам древней Колхиды, сиречь Грузии. Все побережье Черного моря и сама Грузия, особенно западная ее часть, сразу оказались под их влиянием; затем они завладели частью Закавказской ж. д. и, ко-

нечно, начинали диктовать грузинским меньшевикам, что им угодно было.

Очевидно, меньшевики-главари, местные представители Армении и Азербайджана, решили сделать дальнейший шаг для разрыва с прошлым, т.-е. для прекращения всякой связи с Россией — уничтожить закавказский комиссариат, как никак напоминавший им о прежнем царском самодержавии и кавказском наместнике.

Они вместе с тем учитывали, что Временное правительство Керенского уже отсутствует, что так или иначе большевизм пока господствует и борется на севере, распространяя свою «заразу» на все бывшие окраины и Закавказье в особенности.

Они думали, борьба предстоит жесточайшая, внутренняя и в международном масштабе; что мы, мол, народы Закавказья, стирая всякую тень прошлого исторического гнета при царизме, создадим свое собственное единое закавказское государство с сеймом во главе и будем отстаивать свою самостоятельность, оставаясь в стороне от великой исторической дороги борьбы за революцию. Нам важны наши национальные языки и историческая культура наших народов, а не большие вопросы революции. Так они думали...

Эти слепые политиканы из мелкобуржуазных партий думали обмануть историю, полагая, что раз у них будет европейского типа парламент, в виде сейма, стало быть они уже входят в семью западно-европейских цивилизованных народов, отряхая прах Востока, т.-е. России, с революцией и большевизмом.

Так они рассуждали официально друг перед другом—«представители» Армении, Грузии и Азербайджана. Но каждая из этих жалких партий национал-социалистов вобрала в себя всю шовинистическую и националистическую старую феодально-поповскую «культуру» под флагом демократии для обмана рабочих и всех трудящихся. Грузинские меньшевики с.-д. думали так: создадим общий сейм закавказский, выйдет, удержимся — хорошо, нет — разделимся по республикам, по своим углам-ущельям.

Здесь же надо отметить, что у каждой из этих трех партий основных народов Закавказья — меньшевиков, дашнаков и муссаватистов—был свой «национальный совет» с кадрами вооруженных бойцов современного фашистского типа, как, например, «маузеристы» у дашнаков, «народогвардейцы» у грузинских меньшевиков и феодально-бекские молодцы у муссаватистов Азербайджана. Так что, строя закавказский сейм, они вместе с тем держали нож за пазухой или в кармане друг против друга: тюрки-мусульмане против армян и, обратно, грузинские меньшевики против них обоих.

Такова была ситуация. Таким образом закавказский комиссариат был распущен, закавказский сейм создан, и открытие его закавказские фашисты ознаменовали кровавым расстрелом рабо-

чего митинга во главе с большевиками в известном саду в Тифлисе, в центре города, против самого дворца.

И вот на большом митинге в саду собрались из всех районов Тифлиса рабочие-революционеры-большевики; собрались на том месте сада, где с начала февральско-мартовской революции постоянно митинговали рабочие и крестьяне в солдатских шинелях, солдаты из громадного резерва 100-тысячной армии восточного фронта, всегда стоявшей в Тифлисе во время империалистической войны. Для ежедневных митингов за период весны и лета 1917 года там устроены были как бы стихийно и самочинно трибуны и длинные скамейки. Сами рядовые солдаты на этих митингах поднимали вопросы аграрной революции, и каждая партия отвечала на них по своей программе.

Это место послужило школой революционизирования солдатских масс. Конечно, там и расслаивались солдатские массы из крестьян по классовым признакам.

Солдаты из крестьянской бедноты одобряли нашу программу, и тов. Богданов (один из 26-ти расстрелянных после бакинских коммунаров) имел среди них громадный успех.

Там теперь место братской могилы в память расстрела вышеупомянутого митинга в день открытия з а к а в к а з с к о г о с е й м а. Митинг собрался как протест против обмана народа закавказским комиссариатом и открывавшимся на место него закавказским сеймом. Обе эти «гнилушки» политических партий из грузинских меньшевиков, армянских дашнаков и муссаватистов Азербайджана, если до сих пор они действовали по указке севера—Временного правительства Керенского,—то теперь собирались с таким же «успехом» действовать и политиканствовать во вред рабочим и всем трудящимся Закавказья по указке германского кайзеровского и турецко-султанского империализмов.

Текущая пресса тогда отмечала этот факт, отмечала его и наша местная и северная советская пресса («Расстрел в Александровском саду»). Поэтому я не буду о нем больше распространяться. Но важно указать, что закавказский сейм под влиянием турок объявил независимость Закавказья.

Следующий из важнейших фактов это роспуск единого закавказского сейма, который случился очень скоро, через 2—3 месяца, а также образование трех «независимых республик» Закавказья: Грузии, Армении и Азербайджана. Но они не прекращают, конечно, связи между собой пока, действуя против их общего врага — большевизма и страшной «советской заразы» с севера. В это время на них нагнало большой страх возвращение больших масс солдат из районов Ближнего Востока. Они были из внутренней России и Северного Кавказа. Они неизбежно должны были проходить через Тифлис и даже через все Закавказье, чтобы после многолетних мук в окопах империалистической войны свободно вздохнуть на родных полях «вольной» Кубани, «тихого» Дона и «седого» Терека и в других местах Севера.

Сначала они думали их «обласкать», пустив контрреволюционную агитацию через свой эсеровский военный аппарат восточного фронта. После большевизации кое-каких частей они встречали этих замученных сынов рабочих и крестьян бывшей царской России в штыки. Были известные бои с меньшевистской «дикой дивизией», составленной из фашистских элементов тюрок, армян и грузин во главе с князем Абхази, около Елизаветполя (теперь Красная Ганджа). Солдатские массы все же пробились в родные места.

В конце 1917 года состоялся второй армейский съезд восточного фронта в Тифлисе, на котором нам, большевикам, во главе тифлисских и бакинских рабочих, под руководством закавказского краевого комитета нашей партии, с активнейшим участием незабвенного тов. Степана Шаумяна, удалось провести все резолюции в большевистском духе.

Вот на основе этих резолюций удалось создать в первой половине 1918 года из Бакинского совета, в союзе с левыми эсерами, первую Бакинскую коммуну. Но летом 1918 года, при движении кайзеровского, германского и турецкого империализмов через Грузию (с согласия и при полном контакте с грузинским меньшевистским правительством, во главе которого стоял Н. Жордания, предоставивший интервентам всю Закавказскую ж. д. до Баку) положение Бакинской коммуны оказалось чрезвычайно тяжелым. Был и перерыв сношений с советским севером, ибо Северный Кавказ в целом в это время оказался плацдармом контрреволюции царских генералов, отсутствовало продовольствие, город изнемогал от страшнейшей жары, вдоль границ Бакинской коммуны развернулся фронт войны «с дикой дивизией» и с турками во главе с германским империализмом и при активном содействии грузинских меньшевиков... Здесь была жесточайшая гражданская война между большевизмом с одной стороны и всеми силами внутренней контрреволюции Закавказья с другой, на сей раз под гегемонией германских империалистов, шедших со стороны Западного Закавказья и Черного моря.

Но теперь посмотрим на восток со стороны Каспийского моря. Оттуда, с востока, через Багдад и Персию, двигались английские эшелоны. Поэтому естественно было, что летом 1918 года перед нашими товарищами из Бакинской коммуны предстала (тем более, что помощь с севера запоздала через Астрахань, хотя она уже прибыла в конце этого момента) такая ситуация, что рабочие массы разных наций в Баку и другие мелкобуржуазные элементы города через своих представителей в Бакинском совете ставят вопрос о содействии и помощи англичан для отражения германо-тюрок со стороны Грузии. В тот момент один из агентов английского империализма, эсерствующий Лазарь Бичерахов, прибыл в Баку со своим эшелоном и якобы помогал и боролся на стороне коммуны, прикрываясь симпатиями к ней и своим демократизмом-революционизмом.

И вот в этот тяжелый момент Бакинский совет хотя незначительным, но все-таки большинством голосов постановил: принять протянутую руку помощи англичан через Лазаря Бичерахова.

Наши товарищи были на высоте своего положения. Они стойко голосовали против, но оказались все же в меньшинстве.

Вышеуказанная тяжелая обстановка не позволила им и в меньшинстве продолжать дальше прежнюю борьбу до прибытия помощи с севера. А султанские турки собирались разгромить Баку, произведя погром, особенно армянского населения.

Но скоро и англичане были уже у ворот Каспия, как говорится. В Бакинском совете образовался блок с.-р., дашнаков и всех прочих мелкобуржуазных партий, блок, который под именем «диктатуры Центрокаспия» вероломно выдал англичанам наших 26 лучших товарищей, героев Бакинской коммуны.

Агенты английского империализма, конечно, учли, что в будущей (завтрашней или послезавтрашней) неизбежной смертельной схватке и борьбе с большевизмом каждый из наших 26-ти комиссаров может быть во главе целого фронта великой гражданской войны, ибо все они имели колоссальный опыт в борьбе с внутренней контрреволюцией и громадный партийный стаж, как, например, незабвенные товарищи: Степан Шаумян, Алеша Джапаридзе, Ваня Фиолетов, Азизбеков, Богданов и другие коммунары из 26-ти. В темную ночь, под 20 сентября 1918 года, в пустыне Закаспия, на одной из глухих станций, с подкупленной бригадой поезда и с подкупленными людьми, с согласия, конечно, вождей меньшевиков, дашнаков и эсеров Баку, Тифлиса и всего Закавказья, все они были расстреляны. Все это совершилось таинственно и секретно.

В Тифлисе думали и нас так информировали, что наши товарищи находятся частью в Астрахани, частью сидят по тюрьмам в Багдаде и Бомбее у англичан, но живы. Москва запрашивала, Ильич требовал точных данных.

Вот некоторые картинки гнусной закавказской меньшевистско-дашнакско-муссаватисской контрреволюции 1918 года.

Много других не менее смрадных и гнусных фактов предательства рабочих и трудящихся крестьян Азербайджана, Армении и Грузии и всего многоплеменного и многонационального Закавказья было со стороны этих жалких мелкобуржуазных партий Закавказья и в особенности со стороны грузинских меньшевиков в период их господства и вакханалии внутренней закавказской контрреволюции, руководимой империалистами обоих лагерей по очереди, по прибытии их в царство нефти, марганца, субтропиков.

Интервенция в их лице имела готовый аппарат по местам для ориентировки в великой нашей гражданской войне за власть советов. Но об этом скажем в других статьях и в другой раз.

М. ЛАЦИС

СОЮЗНИЧЕСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В БАССЕЙНЕ ВЕРХНЕЙ ВОЛГИ

Еще весною 1918 года из материалов ВЧК стало ясно, что союзники имеют довольно серьезные расчеты на интервенцию. Своей основной задачей они ставили захват нашей территории на севере (Архангельск) и на востоке (левобережье Волги) с тем, чтобы объединиться с контрреволюционными преимущественно эсеровскими отрядами, направиться на Москву, сорвать брестский договор и продолжать войну с Германией. Особо активную роль из союзников играла Англия, от нее не отставала и Франция. Так один из активных работников контрреволюционной организации «Союза защиты родины и свободы» штабс-капитан Пинка в своих показаниях говорит:

«Сильное пособие мы получали от союзников. Пособие мы получали деньгами, но обещана была и реальная сила. Союзники ожидали, чтобы мы создали правительство, которое пригласило бы их официально принять участие в совместной работе. Отряды союзников составлялись смешанно, чтобы ни одна сторона не имела перевеса. Участие должны были принять и американцы. Англичане снабжали денежными средствами контрреволюционные организации через присяжного поверенного Виленкина (арестован ВЧК), который был юрисконсультом в английском посольстве и одновременно состоял казначеем «Союза защиты родины и свободы»; помимо Англии финансирование шло и от Франции. Об этом свидетельствует белогвардейский писака Дингоф-Дерепталь, который говорит не только о финансировании, но и подтверждаем показания Пинка об интервенционных замыслах союзников».

В своей статье, помещенной 24 ноября 1918 г. в екатеринбургских «Отечественных ведомостях», Дингоф-Дерепталь пишет следующее:

«В это время (т. е. в марте и апреле 1918 г. — М. Л.) были получены определенные сведения о готовившемся в Архангельске и на Мурмане союзническом десанте. За время своего подпольного существования «Союз защиты родины и свободы» успел уже оказать союзникам несколько важных военных услуг, в известной степени долженствующих доказать, что не все русские покорно склонили свои шеи перед рабским и позорным ярмом брестского мира. Союзом был организован планомерный и беспрерывный саботаж некоторых украинских железных дорог с целью затруднить германцам вывоз хлеба из Украины. Была произведена длительная разведка в тылу германских войск на восточном фронте в оккупированных областях».

Одновременно со сведениями о десанте стало на севере известно, что часть чехо-словаков возвращается из Сибири в евро-

пейскую Россию, чтобы ехать дальше на французский фронт северным морским путем через Архангельск.

«Союзом» был послан к чехам один из офицеров для того, чтобы вступить с ними в сношения и попытаться привлечь их на сторону «общерусского» и «общесоюзного дела»—свержения советской власти. С чехами вообще у «союза» были раньше определенно дружеские отношения. Благодаря крупной денежной помощи со стороны уезжавшего из России профессора Массарика «союз» смог окрепнуть и стать на ноги в одну из трудных минут своего существования. Но еще до разгрома ВЧК «союз» решил перенести свой штаб в Казань. К этому времени казанская организация, согласно показаниям того же Пинка, насчитывала 500 человек и имела много оружия. Из политических партий в ней участвовали народные социалисты, социал-революционеры, левые кадеты и даже меньшевики.

Итак, цель союзников и этих контрреволюционных партий сводилась к тому, чтобы, укрепившись на Волге и опираясь на чехо-словацкие части, занять Москву, свергнуть советскую власть, а потом, овладев государственным аппаратом, объявить снова войну Германии, порвав таким образом брестский мирный договор. Первичные расчеты—поднять восстание в Москве—еще в марте и апреле были расстроены энергичной деятельностью ВЧК; не спасли и надежды, связанные с переносом главного штаба из Москвы в Казань, так как на основе материалов, полученных при ликвидации московского штаба, ВЧК удалось ликвидировать и казанский штаб и таким образом на время расстроить расчеты белогвардейцев и союзников. Потерпев неудачу в этом, враг перенес центр внимания на нашу Красную армию, чтобы, овладев командными постами, комплектовать ее по своему усмотрению и повернуть эту вооруженную силу против советской власти. Такие попытки были сделаны в июле 1918 г. во время восстания левых эсеров. Командующий нашими войсками на Восточном фронте Муравьев, принадлежавший к партии эсеров, следуя директиве своей партии, уже отдал распоряжение войсковым частям сняться с Восточного фронта и двинуться по направлению к Москве. Однако это распоряжение было своевременно приостановлено, и Муравьев, уже прибывший из Казани в Симбирск, был арестован и расстрелян. Командование принял т. Вацетис, командиром штаба Восточного фронта был назначен Данишевский, а в Реввоенсовете работали Раскольников, Благонравов, Бакинский и Кобозев, а потом был введен и я в качестве председателя чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией.

Расчеты на использование нашей вооруженной силы контрреволюционерам пришлось отбросить, и объединенный блок контрреволюционных партий поставил теперь ставку на эвакуируемые на родину чехо-словацкие части. Направившись от Пензы на Урал, чехо-словацкие части заняли Сызрань и Самару и по просьбе членов Учредительного собрания выделили довольно

значительный отряд чехо-словаков под начальством Каппеля для наступления на Симбирск и Казань вверх по Волге. В то время в Казани находился еще и национальный сербский батальон. Этот последний вместо того, чтобы подчиниться командованию, ушел из Казани за несколько дней до наступления чехо-словаков и занял город Буинск, расположенный ниже Казани. Отрядом командовал майор Благотич. Таким образом при взятии Казани участвовали чехо-словацкий отряд под командованием Каппеля, сербский отряд под командованием Благотича и отряд народной армии под командованием капитана Степанова. Отсюда ясно, что и Симбирск и Казань были взяты только благодаря интервентам. В это время в Самаре находился французский консул, который собственно направлял деятельность членов комитета Учредительного собрания, заседавшего в Самаре. Организация чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией на чехо-словацком фронте была вызвана именно тем, что в осуществлении этих интервенционных планов наши контрреволюционные организации бросили свои силы к Поволжью. Офицеры империалистической войны усиленно стекались в эти районы. Так в одной Казани и ее окрестностях было официально зарегистрировано 5 тысяч офицеров. Такое наличие боеспособного населения позволило членам комитета Учредительного собрания быстро укомплектовать свои боевые части и оказать упорное сопротивление Красной армии.

Помимо такого ослабления нашего тыла в Казани обстояло довольно неблагополучно и с влиянием нашей партии. Немедленно после Октябрьской революции казанские эсеры стали на сторону большевиков и продолжали совместную с ними работу. Это поведение казанских эсеров притупило бдительность большевиков и вместо классовой борьбы повсеместно появилось примиренчество, смазывалась политическая установка, проводимая большевиками и эсерами. Это преступно доверчивое отношение к эсерам привело даже к тому, что в казанской ВЧК ко времени моего прибытия в Казань (26/VII) работали эсеры. Они работали и в губисполкоме и в военкомате, несмотря на то, что после 6/VII эсеры были исключены из советского аппарата. Казанские коммунисты совершенно спокойно относились к тому, что казанские эсеры имели свои боевые дружины, вооруженные даже пулеметом. Мои мероприятия по разоружению этих дружин не нашли сочувствия у местной губернской власти: немудрено, что ко времени наступления на Казань чехо-словаков, с которыми одновременно направились два члена комитета Учредительного собрания, Фортунатов и Лебедев, большевики оказались бессильны провести быстро работу среди рабочих и крестьянских масс, у которых эсеровские лозунги пользовались значительным вниманием. Тов. Милх, один из тогдашних основных работников казанского партийного комитета, прямо говорит, что «внутрипартийной работы, разумеется, не велось. Партийная организация имела мало работников, но была абсолютно сплочена».

В Казани, начиная еще с ноября 1918 г., все время возникали довольно значительные антисоветские вспышки. В основном они вызывались агитацией мусульманской буржуазии, прикрываемой эсеровскими лозунгами. Так, с ноября—декабря было неспокойно в мусульманском полку. В марте—мае 1918 г., как уже было сказано, были ликвидированы белогвардейские организации во главе с генералом Поповым. Весной того же года была проведена попытка организовать кулацкую республику во главе с оренбуржцем Валидовым. В начале мая того же года имело место восстание в казанском гарнизоне, и уже накануне наступления чехо-словаков изменил сербский батальон. Совершенно понятно, что при политике Муравьева нечего было думать об укреплении Казанского района, а об этом давно было пора позаботиться, так как в Казань был перевезен золотой запас республики.

Новое командование только-что приступило к возведению укреплений и не сумело еще ничего серьезного сделать. Не то 4, не то 5 августа члены Реввоенсовета Востокфронта во главе с командующим Вацетисом направились к Верхнему Услону для того, чтобы наметить расположение возводимых укреплений. Верхний Услон, будучи укреплен, мог бы командовать всеми окрестностями Казани. Если бы эта работа была проведена своевременно, то, конечно, Казань не была бы сдана. При полном отсутствии каких-либо укреплений быстрое наступление чехо-словаков поставило втупик командование и в безвыходное положение местные партийные организации, которые, совершенно естественно, не могли в течение нескольких дней провести среди рабочих масс необходимую работу и организовать рабочее ополчение. Об этом не думало и командование, поэтому для вооружения рабочих ничего не было сделано. Правда, подкрепление подходило к Казани.

В Свияжск, что в 30 километрах выше Казани, уже прибыл член коллегии Наркомвоенмора тов. Юренев со значительным подкреплением, а некоторые из отрядов в дни падения Казани уже находились у Красной Горки (в 12 километрах от Казани). Состав военных работников штаба Восточного фронта был мало проверен, поэтому немудрено, что уже в первые дни наступления чехо-словаков в штабе усиленно сеялась паника, а в дни оставления Казани часть штабных работников перешла на сторону белых и открыла стрельбу по отступающим советским работникам. Ими был убит секретарь Вацетиса.

Наступление началось 4 августа, а 6 к вечеру Казань была занята неприятелем. Военное командование, рассчитывая на прибытие подкрепления, не допускало такой скорой сдачи Казани, и поэтому на все запросы партийной организации и губисполкома отвечало успокоительно. Это и привело к тому что сдача Казани для многих казанских работников была совершенно неожиданной. Отсюда последствия: во-первых, не был

вывезен золотой запас, хотя для осуществления этой операции в Казань была направлена специальная экспедиция во главе с покойным Поповым и тов. Измайловым. Они едва успели проложить путь к Устью, но, боясь за безопасность флотилии в плесе Волги между Казанью и Свияжском, откладывали операцию по вывозу золотого запаса до очистки ближайших деревень от контрреволюционеров. Однако сделать это не представлялось возможным до прибытия латышского стрелкового полка, потому что по самым скромным расчетам для удачного проведения этой операции потребовалось бы до 300 надежных солдат. Во-вторых, местным работникам не удалось вывезти архива и своих ценностей; в-третьих, ряд работников, в том числе председатель губисполкома тов. Шейнкман, не успел выбраться из Казани и был убит чехо-словаками.

Рабочие держали себя пассивно. Отрезвление рабочих умов началось уже во время владычества учредиловцев в Казани, и это отрезвление шло очень быстро. Так уже 3 сентября в районе порохового завода вспыхнуло восстание, для подавления которого пришлось направить значительные военные силы. Уполномоченный комитета Учредительного собрания однако прилагал все усилия, чтобы овладеть рабочими умами. Так им была организована конференция беспартийных рабочих. Основными вопросами на этой конференции были вопросы о признании членов комитета Учредительного собрания и о внешней политике.

Первый вопрос должен был дать моральную и материальную поддержку учредиловцам; второй — направлять рабочие умы в сторону расторжения брестского мирного договора, принять союзническую ориентацию и продолжать войну с Германией. Так как конференция проходила под давлением штыков, то немудрено, что принятая резолюция дала учредиловцам «моральную» поддержку. Но все же для более дальновидных руководителей было ясно, что эта поддержка кажущаяся. Ведь восстание на пороховом заводе не свидетельствовало о согласии рабочих с политикой эсеров. Оставшиеся в Казани большевики располагали теперь необходимым опытом и обильным революционным материалом. Они развили усиленную работу среди рабочих масс и тем самым подготовили очищение Казани от белых.

Для всех стало ясно, что на этом участке фронта в значительной мере решается как судьба интервенции и учредиловцев, так и судьба советской власти. Неудивительно поэтому, что бой стал приобретать особую ожесточенность. Здесь впервые за период гражданской войны установилась практика не оставлять на неприятельской территории ни больных, ни раненых, так как они врагами уничтожались.

Уже в первых числах сентября наша вновь организованная волжская флотилия обстреливала Казань. В городе началась паника, и белогвардейскому командованию пришлось прибегнуть

ко лжи для успокоения умов. Так, в экстренном выпуске «Казанского слова» от 8 сентября сообщается следующее:

«Мы имеем возможность сообщить, что положение Казани в связи с прибывшими и систематически прибывающими новыми значительными отрядами чехо-словаков, сербов и «народной армии» (?) вполне прочно.

Казань сдана ни в коем случае не будет, наоборот готовится наше новое (по всем фронтам), наступление.

Обстрел Казани из дальнобойных орудий противника никакого военного значения не имеет и рассчитан лишь на трусливую психику обывателя».

Это сообщение делалось в то время, когда наши снаряды уже падали на лечебницу доктора Клячко, номера «Франция», 1-ю мужскую гимназию, в районе Черного озера, крепости и Казанского женского монастыря. Официальное успокоение не помогало. Наши снаряды говорили о близком падении Казани, и население, наспех собрав свой скарб, двинулось по направлению к устью реки Камы.

Желая организовать общий отпор нашим войскам, командование, а также эсеровские организации усиленно муссировали слухи о зверстве большевиков, но эта агитация имела обратный результат — вместо активного участия в «Народной армии» население в панике бежало. Когда 10 сентября мы вошли в город, то центральные улицы были совершенно безлюдны. Эти улицы не оживились и в следующие дни, так как поголовно все мещанское население города бежало, бежали даже и те, которые почти никакого активного участия в учредиловской лавочке не принимали. Из всех казанских профессоров в городе осталось лишь несколько человек. Только через несколько дней многие из бежавших стали возвращаться с повинной, и некоторые, как например, проф. Фирсов, начали сотрудничать в нашей печати. Строгая дисциплина наших частей, гуманное отношение к оставшемуся в Казани населению, абсолютный порядок в городе, опровергли эсеровскую ложь. Быстрее телеграфа понеслась вслед беженцам правда о поведении красноармейских частей и большевистской власти. Начался обратный поток беженцев.

Заканчивая эти беглые воспоминания, я считаю необходимым дать слово особоуполномоченному комитета членов «Учредительного собрания», капитану Калинину. Калинин был военны комиссаром Временного правительства. После октябрьского переворота он скрылся и появился снова в Казани лишь с войсками чехо-словаков. Так вот этот Калинин в беседе с кадетским журналистом Кормчим сказал следующее:

«Первая и главная цель новой власти — воссоздание великой России через победу совместно с союзниками над немцами и их помощниками, каковыми фактически внутри русского государства являются большевики. Цель эта может быть осуществлена лишь в том случае, если удастся организовать могучую русскую народную ар-

мию. За этой молодой армией уже ряд побед, славных и прочных. Количество вступающих в нее все растет и растет. Однако, вопрос о дальнейшем успешном формировании армии должен близко трогать каждого. Пусть в данный момент в Казани сил достаточно для успешной борьбы с большевистскими войсками. Но нельзя жить моментом. Пройдет неделя — другая, большевики могут накопить весьма большие силы для решительного натиска на Казань.

Тогда легкомысленным, здоровым молодым людям, каждый вечер гранящим тротуары и утрамбовывающим аллеи садов, быть может придется горько раскаяться в своем легкомыслии за себя и за свои семьи.

Все прекрасно должны знать и знают, что будет с жителями в том случае, если снова город перейдет в руки большевиков....

Учредительное собрание первого созыва новым правительством, как таковое, признано не будет в виду ненормальности обстановки, при которой протекли выборы. Оно собирается лишь для того, чтобы выделить из себя исполнительный орган, задачей которого явится произвести новые выборы в действительно всенародное Учредительное собрание, к которому и перейдет тогда вся власть над государством. Довести страну до нового Учредительного собрания и есть основная тактическая задача новой власти».

Итак, мы считаем совершенно установленным, что:

1. Занятие Самары, Симбирска и Казани было произведено исключительно благодаря помощи союзников.

2. Союзники пользовались «комитетом членов Учредительного собрания» лишь для достижения своей основной цели: свержение советской власти и вовлечение русского населения снова в войну с Германией.

3. Помощь союзников состояла не только в финансировании, но и в оказании помощи реальной вооруженной силой.

ГАЯ ГАЙ

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД

(Воспоминания о борьбе Красной гвардии на чехо-словацком фронте)

Страна советов в 1918 году

Весной 1918 г. тяжелые тучи нависли над молодой советской республикой. Войска центральных держав (Австрии, Германии и Турции) общей численностью до 40 пехотных и 8 кавалерийских дивизий вторглись широкой лавиной на территорию РСФСР, на фронте от Карелии до Кавказа.

Наступление австро-германских войск, предпринятое в целях побуждения совправительства подписать тяжелый Брест-Литовский договор, в конечном счете превратилось в открытый грабеж. Украина стонала под тяжелой пятой вельможного гетмана Скоропадского; на Дону царил генерал Краснов, мечтавший с помощью австро-германских штыков объединить казачество в «южно-русский союз»; Мурманский край попал в руки англичан; Северный Кавказ был объят пожаром гражданской войны... Во многих городах начались мятежи на почве голода и подстрекательства правых эсеров и меньшевиков. Центр изнемогал от продовольственного и транспортного кризиса... И вот в это чрезвычайно трудное для нас время на востоке произошел чехословацкий мятеж, созданный и подогретый англо-французским капиталом.

Чешские дивизии численностью до 40.000 человек были хорошо вооружены, дисциплинированы и вооружены техническими средствами. Часть из них, успевшая приехать в Сибирь, свергла в Омске советскую власть, а на Волге в конце мая 1918 г. они захватили Пензу и Сызрань. К ним стали примазываться контрреволюционные элементы с лозунгами: «Долой советы», «Вся власть Учредительному собранию».

Таким образом к концу мая 1918 г. у молодой советской республики к имеющимся внутренним фронтам прибавился еще новый чехо-словацкий (восточный) фронт, на котором только-что народившейся Красной армии пришлось столкнуться с многочисленным, отлично организованным и тактически подготовленным противником, выполнявшим широкие политические задачи, диктуемые из Парижа.

Откуда появились чехо-словаки?

Выходцы из Австрии и ее подданные чехо-словаки, жившие в России, в начале империалистической войны с разрешения царского правительства формируют первую дружину для борьбы с австро-германским блоком за «национальную независимость». При благосклонном содействии царского правительства появляется «чешский национальный совет», состоящий исключительно из мелкобуржуазных чешских элементов. Основной задачей чешского нацсовета была широкая агитация за «объединение» славянских народностей, а также хлопоты по формированию отдельных чешских отрядов. Для царского правительства националистические тенденции чехо-словаков были ширмой, которой оно прикрывало практическую сторону дела, т.-е. стремление разложить австро-венгерскую армию и этим обеспечить захват Галиции.

Широкая агитация чехов в России и неизбежный отклик на нее в Австро-Венгрии привели к тому, что усилилась перебежка славянских частей. Немало содействовали перебежке крайняя усталость от войны, а также репрессии австро-венгерского правительства по отношению нацменьшинств, особенно чехов.

Таким образом благодаря переходу на сторону русских славянских элементов чешскому нацсовету удалось в начале войны сформировать небольшие тактические единицы, включавшие уже в 1915 г. до 24 рот. Однако, русское правительство вовсе не было заинтересовано в том, чтобы создать крупные чехо-словацкие части, поэтому оно предусмотрительно распределило эти чешские роты по корпусам, как роты разведчиков. Только во время керенщины, после июньского наступления, когда чехословацкие части отличились под Зборовым, им было разрешено сформировать дивизию четырехполкового состава им. Яна Гуса. В июле 1917 г. правительство Керенского разрешает сформировать вторую чехо-словацкую дивизию четырехполкового состава и свести обе дивизии в чешский корпус. Все высшие должности в корпусе были замещены русским, преимущественно явно контрреволюционным командным составом.

Поэтому Октябрьская революция была принята чехо-словацким корпусом враждебно. После подписания нами Брестского мира среди чехо-словаков благодаря стараниям французского посла Нуланса и нацсовета развивается усиленная агитация за продолжение войны с австро-германцами на французском фронте. Представители чешского нацсовета (особенно Массарик) разъезжают по крупным столицам Антанты, собирают большие суммы денег для корпуса и ведут переговоры о переброске корпуса во Францию. 22 марта 1918 г. чехо-словацкий корпус с согласия совправительства объявляется автономным. В конце марта заканчиваются переговоры с чешским нацсоветом о переброске корпуса во Францию через Владивосток. В основу договора с командованием корпуса Совнарком положил следующие условия:

а) устранить контрреволюционный русский комсостав;

б) части корпуса перебрасываются во Владивосток не как боевые единицы, а как группы свободных людей;

в) корпус обязывается сдать все имеющееся у него русское оружие, оставив для самозащиты 168 винтовок и 1 пулемет на каждый эшелон.

Но «вожди» корпуса и национального чехо-словацкого совета, продавши доверившихся им чехо-словацких солдат англо-французскому капиталу, решили силой оружия пробиться на восток и согласно директиве Антанты создать новый восточный фронт как против соввласти, так и против Германии. Протянувшись длинной лентой на громадном пространстве от Пензы до Бладивостока и имея заранее выработанный подробный план действия, чехо-словаки произвели почти одновременно восстание в четырех районах: 25 мая в Марьяновке, 26 мая в Иркутске, 27 мая в Златоусте и 29 мая в Пензе. Начиная с этого момента, чехо-словаки насильственно начали забирать города, свергать в них советы и вешать невинных рабочих и крестьян.

С этого момента началась вооруженная интервенция Антанты, положившая начало трехлетней кровавой гражданской войне на одной шестой части земного шара.

Вооруженные силы РСФСР на Волге

С выступлением чехо-словаков фронт борьбы с ними вскоре принял большие размеры. До образования восточного фронта на Средней Волге уже существовали так называемые отдельные «фронты», возникшие в результате борьбы против уральского и оренбургского казачества. По мере движения чехо-словаки сталкивались с местными советами, стремившимися разоружить их, таким образом учреждались все новые и новые «фронты» местного значения и наименования. Но местные советы за отсутствием единого руководства борьбой действовали вяло и в большинстве своем относились к вопросу о разоружении чехо-словаков неумело и нерешительно.

Возникшие в процессе борьбы «фронты» состояли из многочисленных разрозненных, плохо вооруженных и необученных отрядов и дружин. Они состояли большей частью из молодых, неопытных добровольцев с ничтожным процентом фронтовиков. Комсостав в этих партизанских отрядах благодаря принципу выборности состоял большей частью из людей случайных и неопытных, не знающих военного дела.

Красная гвардия на Волге переживала в этот период свое младенчество...

Отчасти благодаря этому чехо-словакам удалось так быстро распространиться по Волге.

Захват чехами Пензы и Сызрани

К моменту восстания чехов в Сибири * к Пензе подходили эшелоны арьергарда. Эта группа в составе приблизительно дивизии (9.000—10.000 человек) находилась под командованием генерала Чечека. Она, по дороге разогнав небольшие красногвардейские отряды (в Сердобске и Балашове), к 27 мая сосредоточилась на ст. Пенза. В то время гарнизон Пензы доходил до 2.000 человек и состоял из отдельных, небольших отрядов при пяти орудиях.

Почти одновременно с приходом чехов в Пензу было получено приказание из центра о немедленном разоружении чешских эшелонов.

Начались переговоры между губисполкомом и чехо-словацким дивизионным комитетом и комсоставом. Чехи упорно отказались разоружиться. 28 мая днем был устроен митинг на вокзале Пенза-2 с целью дать понять рядовым солдатам, что их желают втянуть в войну с трудовым народом, что их комсостав искажает и представляет в неверном освещении мотивы и цель разоружения.

Митинг не удался и не дал положительных результатов отчасти по причине непонимания чехами русского языка и отчасти благодаря провокации и открыто враждебному выступлению на митинге чешского комсостава.

Несмотря на горячее желание губисполкома избежать кровопролития, мирным путем уладить конфликт не удалось... Немедленно город был объявлен на осадном положении и были посланы в Москву, Сызрань и Симбирск телеграммы с просьбой выслать подкрепления.

28 мая в 12 часов чехи вышли из своих эшелонов и расположились вдоль реки Суры, выслав часть сил в обход.

Для руководства боем поспешно был создан председателем совета т. Кураевым небольшой штаб, куда, к сожалению, вошли люди неопытные и незнакомые с военным делом. Около четырех часов дня прибыли ожидаемые из Москвы две бронемашины. Не зная положения частей, они попали на вокзал в руки чехов. Завладев ими, чехи хотели на них пробраться в город, но их не пустили. Начались военные действия...

Наша батарея, открыв огонь по подходившим эшелонам, не давала чехам возможности приблизиться к станции. В этот день чехам не удалось переправиться через реку Суру. Ночью на 29 мая 4 чешский пехотный полк обошел Пензу с тыла и с трех часов бой загорелся с новой силой. С рассветом чехи перешли в общее наступление и ворвались в город. Хотя в это время и подошла затребованная поддержка из Симбирска (около 400 че-

* Части чехо-словацкого корпуса в конце мая 1918 г. находились в шести основных группах: пензенская 9 000 — 10.000 чел., челябинская 10.000—12.000, новониколаевская 2.000 — 2.500 чел., мариинская 200 чел., канско-нижнеудинская 1.000 — 1.500 чел., владивостокская 15.000 — 16.000 чел.

ловек), но положение города стало уже угрожающим. К десяти часам совет под прикрытием небольших отрядов эвакуировался на Рузаевку. К вечеру 29 мая город окончательно был занят чехами. Попавшие в плен комиссары, коммунисты и красногвардейцы чехами были тут же расстреляны.

Взяв из Пензы все, что возможно (главным образом оружие и продовольствие), 30 мая чехи отошли на Сызрань. 30 мая в пятнадцать часов головной эшелон чехо-словацких войск взорвал мост на 272 версте перегона Забаровка — Сызрань, очевидно, с целью воспрепятствовать поддержке, продвигавшейся на Пензу.

С утра 31 мая они предъявили Сызранскому совету ультиматум с требованием «пропускать войска с оружием в руках на Самару».

После небольшой стычки в городе Сызранский совет, учитывая малочисленность своих сил, решил увести части за город. В тот же день у Сызранского моста через Волгу чехо-словаки напали на отряд Красной гвардии, охранявший мост. После упорного боя мост был занят ими. Обеспечив переправу через Волгу, дивизия Чечека 1 июня сосредоточивается на левом берегу ее, очистив Пензу и Сызрань.

Самаре угрожала смертельная опасность.

Падение Самары

Самара в конце мая 1918 г. представляла собой бурлящий котел. В клубах, на фабриках и на заседаниях гор- и губисполкома шла ожесточенная борьба за власть между коммунистами с одной стороны, левыми эсерами и максималистами, с другой. Бунт максималистов (большей частью моряки волжской флотилии), которым удалось вначале захватить все важнейшие советские учреждения и организовать свой ревком, вскоре был ликвидирован без кровопролития. Наблюдая эту борьбу, черная сотня и контрреволюционная обывательщина ликовали, а правые эсеры и меньшевики готовились при подходе чехов взорвать соввласть в Самаре изнутри.

Опасность надвигалась. На Самару двигались казачьи банды из Оренбурга и Уральска, чехо-словаки из Сызрани. Немедленно был сформирован ревком во главе с председателем губисполкома тов. В. Куйбышевым. Лихорадочно началось формирование рабочих дружин и партийных отрядов. Было предпринято все, что вообще можно было тогда предпринять. Кроме организации местных дружин, ревком неоднократно телеграфно обращался к городам, находящимся еще вне опасности, с просьбой выслать подкрепление.

Самара, сердце и краса Волги, одна своими силами не могла остановить надвигавшуюся смертельную опасность. Но было уже поздно. Враг подошел не только с востока, но и с запада.

Вскоре широкими потоками начали прибывать из Симбирска и Уфы небольшие рабочие дружины, партийные отряды и крас-

ногвардейские части. Существенную помощь оказал симбирский пролетариат, выслав в Самару ряд партийцев и несколько отрядов во главе с военным комиссаром губернии т. Гладышевым. Прибыли вместе с т. Гладышевым и два отряда в 250 человек, затем корсунский отряд в 103 человека, интернациональный отряд в 102 чел. и пулеметная команда в 95 человек *.

Против хорошо вооруженной чехо-словацкой дивизии численностью в 10.000 человек ** мы имели на всем участке от Самары до Сызрани следующие части: 4 видземский латышский полк — 700 человек, полк имени Минского совета — 600 человек, смоленский полк — 800 человек, козловский отряд — 300 человек, нижегородский отряд — 200 человек, калужский отряд — 250 человек, нижегородский отряд — 140 человек, эскадрон разведчиков — 120 коней, бронепоезд, отряд ж.-д. охраны — 215 чел. Всего около 3.300 человек, 115 пулеметов и 35 орудий. Кроме того перед Сызранским мостом находились: отряд ВЧК тов. Попова, казанский, балашский, саратовский, камышинский и кирсановский отряды общей численностью в 1.000 чел., которые после первых боев с чехо-словаками рассеялись и частью выбыли из строя.

Общее руководство борьбой с чехами со стороны Сызрани центром было возложено на т. Мясникова, а со стороны Уфы — на т. Подвойского, непосредственное руководство обороной Самары берет на себя сам ревком.

Понятно, при таком расчлененном управлении, без взаимной связи и увязки с разрозненными, неорганизованными частями Самару долго защищать нельзя было.

Еще до падения Самары начинаются переговоры правых эсеров (при благосклонном молчании меньшевиков) в лице члена Учредительного собрания Буршвита с чехо-словаками. Враги трудового народа умоляют чехов способствовать созданию единого государственного управления России в лице учредилки и созданию временного комитета в Самаре. Приводим отрывок из речи Буршвита на одном из собраний в Самаре. Повествуя о своем путешествии к чехо-словакам в Сибирь, Пензу и Сызрань, он говорил:

...«В Сызрани, когда явился ко мне мальчик (?) и принес подробные сведения расположения большевистских войск, чехи стали убеждаться, что в Самаре имеется надлежащая организация. Еще большее впечатление произвела на них присылка Бурцевым подробного плана полковника Галкина, как взять Самару. Взятие крестьянскими эсеровскими дружинами Томыловского завода, установление ими охраны моста, радушная встреча крестьян (читай — кулаков. — Г.), доставивших чехам провизию и все необходимое, а также восстание уральских ка-

* Большинство этих отрядов назад не вернулось—они геройски погибли при защите Самары. Не вернулся также т. Гладышев, который был расстрелян в Самаре взявшими его в плен чехами.

** Состав дивизии Чечека: 1-й, 4-й, 8-й пехотные полки и 1-й и 2-й пензенские батальоны, 1 артбригада, техническая рота и эшелон новобранцев.

заков окончательно убедило чехов, что Россия может возродиться... И они решили взять Самару». *

Вот в какой обстановке и атмосфере пришлось защищать Самару, окруженную врагами изнутри и извне.

Продвигаясь к Самаре, чехо-словаки были временно задержаны отрядами тов. Попова. После неравного боя под Безунчуком эти отряды в полном беспорядке откатились к Обшаровке. Начались бегство и бесчинства... Чехо-словаки подошли к заводу Иващенкова и Липягам, где к этому времени были сосредоточены Самарским ревкомом все наличные силы под общим руководством тов. Кадомцева. 3 и 4 июня произошли кровопролитные бои. Чехо-словаки обошли фланги отрядов Кадомцева. Пригнали их к разлившейся реке Самарке. Будучи окруженными и припертыми к реке и болотам, отряды Кадомцева, развив максимум сопротивления, поголовно погибли геройской смертью храбрых.

5 июня ревком созвал экстренное совещание, в котором участвовали также уцелевшие командиры дружин. После детального анализа обстановки мы решили во что бы то ни стало защищать город хотя бы несколько дней и дать этим возможность эвакуировать ценности и многочисленные советские учреждения.

Вновь пролетариат Самары вызвался защищать родной город. Поспешно началось формирование новых и новых дружин из самарских рабочих. Наспех были созданы вдоль реки Самарки небольшие укрепления, артиллерию установили на площадях, рыли окопы, предмостные укрепления и пр. и пр. Ревком в эти памятные всем дни развил колоссальную трудоспособность и энергию как по защите, так и по эвакуации города, которая, к сожалению, задерживалась из-за отсутствия достаточного количества пароходов и поездов.

С 5 июня фронт обороны уже проходил по реке Самарке. Чехи занимали левый берег, а мы правый. В эти дни боевые действия выражались только в пулеметной и артиллерийской перестрелке. Чехи ощупывали и изучали наше расположение. От артиллерийского огня чехов в городе то и дело вспыхивали пожары, которые под конец угрожали принять грандиозные размеры. Приходилось воевать и со стихией, и с внутренним, и с внешним врагом...

Несмотря на горячее желание ревкома и горсточки партийных отрядов во что бы то ни стало удержать Самару, к сожалению, этого сделать не удалось. И вот после эвакуации из Самары в Казань золотого фонда республики и всех советских органов, 8 июня рано утром мы вынуждены были под градом свинца покинуть родную Самару.

Ближайшей причиной оставления Самары оказалась плохая защита железнодорожного моста через Самарку, ибо 8 июня

* «Красная быль». Самара, 1927 г.

с рассветом чехи, под прикрытием бронепоезда, густыми колоннами штурмовали железнодорожный мост. Защитники моста (кажется уфимская комдружина), потеряв 90% своего состава, не выдержали атаки и отошли на Кинель. Чехи быстро заняли вокзал и распространились по городу, дорогу им показывали и провожали белогвардейцы и правые эсеры.

Чехи отрезали несколько отрядов и комиссаров Красной гвардии и при помощи местной буржуазии жестоко расправились с ними, расстреляв поголовно всех. Вверенная мне небольшая сводная дружина (95 человек, из максималистов и левых эсеров), защищая правый берег Самарки, — от элеватора до Волги, — была отрезана, но благодаря знакомству дружинников с городом боковыми улицами нам удалось без больших потерь дойти до Волги и сесть на пароход «София». Наш отход совершался под градом пуль с крыш домов и колоколен...

Через час наш пароход догнал впереди шедший теплоход «Меженин», на котором находился Самарский ревком. Я получил от ревкома приказание, по рупору, держать курс на Сенгилей. Постепенно мы удалились от Самары, и снаряды чехов, посланные нам вдогонку, не причиняли нам вреда...

В тот же день, 8 июня, в Самаре комитет членов Учредительного собрания в составе И. Брушвита, Б. Вольского и Б. Фортунатова выпустил свой исторический приказ № 1 по городу и губернии.

В этом приказе указывалось об организации комитета членов Учредительного собрания, об отмене советской власти и передачи власти на местах органам самоуправления. Командование всеми белогвардейскими силами в городе и губернии возлагалось на военный штаб в составе начштаба, полковника Галкина, бывшего комиссара румынского фронта Боголюбова и членов Учредительного собрания Фортунатова и Нестерова.

По занятии Самары чехо-словаки и белогвардейские группы начали наступать в четырех главных направлениях: бугульминском, ставропольском, сенгилеевском и сызранском.

Не останавливаясь на других участках и «фронтах», мне, как организатору и командиру сенгилеевского фронта, хотелось бы в общих чертах дать характеристику партийных и партизанских отрядов, действовавших на этом участке.

Это интересно еще тем, что впоследствии из этих отрядов выросла первая регулярная стрелковая дивизия Красной армии на Востоке, получившая от РВС республики название «24 самаро-симбирская железная» за беспримерные в истории подвиги и суворовские походы на востфронте.

Зачатки управления

После первых неудач красных отрядов и явно обозначившихся успехов на стороне чехо-словаков 13 июня центром был

назначен* для руководства всеми действиями по подавлению восстания чрезвычайный военный совет в составе главкома Муравьева и комиссаров тт. Кобозева и Благонравова.

Днем раньше для руководства операциями в сызранском и симбирском направлениях были организованы так называемые «группы войск».** В состав симбирской группы войск под командованием губвоенкома Иванова вошли все красногвардейские части, действовавшие в сенгилеевском, ставропольском и мелекесском направлениях.

По прибытии в Симбирск (кажется, 10-го июня), в тот же вечер, под председательством тов. Куйбышева было созвано военно-политическое совещание. Поводом к созыву совещания послужила телеграмма в штаб симбирской группы войск о том, что отряд казанских моряков (большею частью максималистов), не выполнив данной ему боевой задачи на бугульминском фронте, самовольно возвращается обратно в Симбирск с враждебными намерениями против советской власти.

Попытка задержать поезд с матросами, предпринятая на пути Мелекесс — Верхняя Часовня, не увенчалась успехом. У матросов (около 300 человек) было множество пулеметов и батарея, имевшая два орудия. При малейшем осложнении можно было опасаться самарского «бунта».

После продолжительного совещания было решено поднять на ноги все имевшиеся в то время вооруженные силы и попытаться вступить с ними в переговоры. Была создана специальная комиссия. Меня так же, как имеющего уже «опыт», включили в состав комиссии «по уговору», как мы ее тогда называли.

Когда эшелон с матросами прибыл на ст. Симбирск, мы пошли к ним. Моряки ответили, что готовы сражаться за советскую власть, но хотят оставаться на Волге, не желая подчиняться тем командирам, которые оперировали на бугульминском направлении.*** После того, как мы сделали им предупреждение, что второй случай дезертирства с фронта и неповиновения боевому приказу повлечет за собой беспощадную кару, матросы дали обещание исполнять свои обязанности без уклонений. **** Отряд их, включая и 2 казанскую батарею, был подчинен мне.

Через пару дней, получив приказ ревкома «наступать на Самару через Сенгилей» и приняв все дружины Самары под свое командование, я направился в Сенгилей.

---

* Приказ Наркомвоена за № 632 от 13 июня.

** Приказ т. Мясникова за № 7 от 11 июня.

*** Действительно на бугульминском направлении очень неудачно руководил боевыми действиями не имеющий ничего общего с военным делом беспартийный т. Цугачевский.

**** Впоследствии моряки-максималисты не выполнили своего обещания, и отряд постепенно растаял, ибо их командир сбежал, его заместитель скоро последовал за ним, не желая признать военной дисциплины.

Сенгилеевский фронт

Сенгилеевский фронт в середине июня 1918 г. имел протяжение не более 30 верст и тянулся от д. Климовки (на правом берегу Волги) до деревни Кузькино. На нем оперировали до 10 отрядов.

В отряды эти входили партийные рабочие дружины, как то:

1. Симбирский коммунистический отряд 150 штык., 5 пул.
2. 1-й симбирский эскадрон 70 саб.
3. Боевая дружина коммунистов Самары 60 штык., 4 пул.
4. Самарская дружина левых эсеров 75 » 9 »
5. Тверской коммунистический отряд 180 » 2 »
6. Коммунистический отряд Казани 250 »
7. Казанский социалист. батальон моряков 81 »
8. Сенгилеевский отряд коммунистов 49 штык. 6 пул.
9. Козловско-Нижегород. отряд 41 штык., 2 ор., 2 пул.
10. Вторая казанская советская батарея 125 ч., 3 ор.,

а всего около 950 штыков и саблей, 5 орудий и 27 пулеметов. Отряды эти находились под общим моим командованием, из них был составлен один сводный отряд «самарских боевых дружин».

Штаб сводного отряда для удобства передвижения и связи помещался на пассажирском пароходе «Нижегородец» и находился у пристани Новодевичье. Штаб состоял из командующего, начальника штаба, делопроизводителя, коменданта и шести конных ординарцев.

Приказы писались на лоскутах бумаги карандашом и скреплялись печатью одной из дружин.

Оперативные планы вырабатывались единолично командующим, имевшим при себе единственный экземпляр карты-десятиверстки старого издания. Директив, приказов из Симбирска не поступало.

Самостоятельно ведя операции, приходилось учиться на основании опыта совершенных ошибок. Тем не менее, бодрый воинственный дух преодолевал все препятствия и, несмотря на недостаточную стойкость, в означенных отрядах царили относительная боеспособность и высокий наступательный порыв.

Одним из главных факторов воинственного духа дружин была популярность и влияние командиров, выдвинувшихся из среды товарищей боевыми достоинствами, инициативой и находчивостью. Несмотря на господствующий в то время принцип выборности комсостава, в отрядах сенгилеевского фронта командиры в большинстве своем назначались старшим начальником. При назначении последний руководствовался помимо храбрости и опытности данного лица также симпатиями, доверием и уважением к нему дружинников.

Таким образом на командные должности выдвигались лучшие, храбрейшие и любимейшие дружинники. Благодаря этому во главе всех отрядов были люди, более или менее знакомые с

военным делом. Было четыре бывших офицера, остальные кадровые унтерофицеры или рядовые фронтовики, все добровольцы. Кроме того партийный состав отряда влиял на политический уровень дружинников, поднимал сознательность в среде их, и дружинники понимали, во имя чего борются они и их враги.

В борьбе с бесчинством огромную роль сыграли партийные товарищи и ячейки. Политработа велась крайне неорганизованно, так как ни политотделов, ни комиссаров в то время не было. Командир отряда был одновременно и комиссаром, и лектором, и санитаром, и разведчиком, и судьей.

Только в конце июня отдельные политические работники, по инициативе и настоянию командующего, организовали юридическо-следственную комиссию, членами которой были дружинники-коммунисты: тт. Левшиц, Панов и Самсонов*. Эта комиссия выполняла роль и политотдела, и трибунала, и особого отдела.

Агитационная работа протекала весьма успешно. Ежедневно были партийные дискуссии и собеседования на политические темы.

Снабжение наших отрядов совершалось без особой системы, плана и отчетности. Преследовалась одна цель: накормить досыта, одеть и вооружить партизан с ног до головы. Все ототряды имели собственные авансовые суммы, самостоятельно закупали по вольным ценам продукты у крестьян. Случаи грабежей и бесплатных реквизиций хотя и наблюдались, но были редки и жестоко карались. Учет сильно хромал, но зато партизаны были сыты и довольны.

В отрядах сенгилеевского фронта настолько замечалась тяга к централизации, что нередко в минуты опасности, по настойчивому желанию дружинников, командиры мелких отрядов вызывали на поле сражения командующего для личного руководства операциями. С другой стороны, точно так же штаб группы всеми силами старался наладить связь с Симбирском и связаться с центром.

В виду особых условий гражданской войны на Сенгилеевском участке, происходившей большей частью на пароходах, сухопутного транспорта, конечно, не было.

Связь с Симбирском, где находился штаб симбирской группы войск, поддерживалась по гражданскому телеграфу. Чувствовалось, что за каждым шагом красных партизан следят враги и предатели. Таких много оказалось среди телеграфных служащих. Санчасти и медикаментов вначале не было. Впоследствии соответственно было сформировано 10 отрядов и 10 фельдшерских летучек.

Партизаны Волги были превосходным военным материалом. Все без исключения добровольцы, многие побывавшие на фрон-

* Все эти трое товарищей здравствуют и являются активными борцами нашей партии.

тах, многие просто сознательные рабочие с самарских и симбирских заводов и фабрик, все здоровые, бодрые, закаленные.

Мы не знали, что такое дезертирство и как можно попасть в плен или сдаться врагу. Помню один эпизод. После организации «железной дивизии» получили из только-что формирующегося штарма 1 телеграмму, с приказанием организовать «комдезертир».

Все мы смеялись над этим непонятным словом и ответили кратко: «У нас дезертиров нет, и нет надобности в такой организации»...

Измена Муравьева и падение Симбирска

Для наступления на Сызрань (которая вторично уже была занята чехами) и на Самару главкомом Муравьевым применялась своеобразная система. Сидя в Казани, он лично управлял каждой группой и дружиной, не считаясь с тем, что к тому времени они уже вошли в состав 1 революционной армии под командой т. Тухачевского. Игнорируя нового командующего, он направлял или отзывал эти отряды по своему усмотрению.

Для наступления на Самару им отправлено было несколько мелких групп, у которых между собой не имелось никакой связи. Эти небольшие отдельные и разбросанные дружины должны были наступать на Самару по разным направлениям.

Последствием всего этого было то, что ни одна группа не являлась организованной боевой силой, благодаря чему они разбивались противником поодиночке, так как помощи ждать было неоткуда. В частности вверенный мне сводный отряд не раз получал от него непосредственно телеграммы с противоречивыми заданиями: то «обороняйся», то «отходи»...

Но скоро цель такого распоряжения стала ясна для всех. Муравьев нарочно пытался показать разбитыми существующие отряды, чтобы получить из центра неограниченные права и власть, которые бы ему дали возможность сыграть роль спасителя всей России...

То «наступая», то «отступая», мы потеряли целый месяц напрасно в районе Сенгилея. 10 июля, наконец, я получаю срочную телеграмму приблизительно следующего содержания:

«... Всем, всем, всем... Войскам Сибири и чехо-словацким войскам — Уфа — Владивосток. Война с Германией началась. Объявляю перемирие на всем восточном фронте. Предлагаю всем чехо-словацким корпусам вернуться к Волге и итти вместе с нами против Германии. Вверенным мне войскам приказываю прекратить боевые действия и наступление на Самару» и т. д.

Вслед за этим я получаю вторичную телеграмму от Симбирского губисполкома, подписанную левым эсером Ивановым, с приказанием немедленно направить в Симбирск дружины левых эсеров и максималистов. Обе эти телеграммы, как гром, ошело-

мили нас. Что делать, как поступать? Измена и предательство были явны.

Немедленно мною было созвано совещание исключительно из коммунистов — активных партработников Самары и Симбирска. На совещании мы приняли следующее твердое постановление:

«На Самару мы наступать будем и войну против чехо-словаков не прекращаем. Об этом мы немедленно сообщаем в Симбирск и в дружины». Все отряды, в том числе и дружины левых эсеров и максималистов, полностью присоединяются к нашему решению.

Через два дня из Симбирска вернулся посланный товарищ, и мы узнали следующие подробности. Муравьев, будучи в связи с восставшими левыми эсерами в Москве, 10 июня из ставки (Казань) на пароходе «Межень» направился в Симбирск в сопровождении своего штаба и двух пароходов с вооруженными силами, около 1.000 человек.

Прибыв в Симбирск, он вооруженной силой разогнал совет, арестовал представителя комитета партии т. Варейкиса и командарма т. Тухачевского, захватил почту, телеграф и другие советские учреждения, намереваясь вместе с чехами двинуться на... Москву.

Центр и ревсовет фронта объявили бывшего главкома вне закона. Несмотря на то, что все левые эсеры, члены губисполкома и другие советские учреждения Симбирска по приезде Муравьева перешли на его сторону, коммунистическая фракция не растерялась и, укрепившись в бывшем кадетском корпусе (здание губисполкома), вела энергичную работу по организации сил и разложению войск Муравьева. Под руководством освобожденного латышскими стрелками т. Варейкиса, А. Швера, В. Фреймана и Я. Звирбуля комфракция решает: ввиду перевеса сил Муравьева вооруженного сопротивления ему не оказывать, а захатить его, когда он явится в губисполком.

После продолжительной «программной» речи на фракции левых эсеров в здании городского театра Муравьев направляется в губисполком вместе с эсерами на совместное заседание, чтобы привлечь на свою сторону и комфракцию.

Заседание губисполкома в первом часу ночи в бывшем кадетском корпусе, окруженном броневиками и пулеметами, было необычайным... Для Муравьева это было последнее заседание... Через два часа его труп был вынесен из губисполкома. Верной рукой красногвардейца 1 латышского полка была закончена авантюристическая жизнь этого лево-эсеровского Бонапарта.

Но авантюра Муравьева не прошла даром. Приказ о мире с чехо-словаками и предложение им вернуться на Волгу поставили под угрозу Симбирск... Вскоре чехо-словаки большими силами перешли в решительное наступление и заняли Бугульму, Мелекесс, Ставрополь и другие города.

Наши отряды стали в панике отступать в Симбирск. Везде и всюду красногвардейцы видели измену и предательство со стороны левых эсеров. Другая группа красногвардейцев под названием «Ставропольский отряд», наступавшая из Мелекесса на Самару, была окружена и прижата чехами к Волге.

Одновременно чехи начали наступать на пароходах из Самары вверх по Волге к Сенгилею. Группа генерала Каппеля, захватившая Сызрань, перешла в наступление через Тереньгу на Симбирск 19 июля, заняв ст. Охотничья, и после артиллерийского боя ворвалась в Симбирск с востока.

Началась паника. С криками «нас предали!» небольшие рабочие дружины Симбирска оставили город, частью на пароходах, частью пешком бросились на север к Казани. Губисполком успел отступить в Буинск, а оттуда в Алатырь, который с этого момента стал центром формирования новых частей для будущей железной дивизии, на долю которой выпала честь освободить родину Ильича — Симбирск — от белогвардейских и чехо-словацких банд.

Прорыв из Сенгилея

В день падения Симбирска сводные отряды самарских боевых дружин вели ожесточенные бои с самарским белогвардейским полком имени Фортунатова на линии Корбуновка — Тайлаково — Ольгино — Климовка. Однако все попытки противника двинуться на Сенгилей были нами отражены. Имея сведения о том, что неприятель большими силами занял Тереньгу, в ночь на 21 наши отряды погрузились на пароходы и прибыли в Сенгилей для защиты города. 21 июля противник начал наступать по Волге. Подойдя на расстояние 2—3 верст к Сенгилею, он на пароходах «Вульф», «Вандал», «Фельдмаршал», «Милютин» и «Козлов» обстрелял из артиллерии Сенгилей и пристань, где находились до 6 пароходов нашего штаба и его отделов.

Немедленно была выдвинута по правому берегу наша батарея, которая, став на позиции в 2—3 километрах южнее Сенгилея, открыла огонь по неприятельским пароходам. Одновременно навстречу им смело вышел наш единственный боевой катер «Дело советов», на котором было только одно орудие. Неприятельские пароходы в начале боя сосредоточили на нем огонь своей артиллерии. Получив три пробоины в кормовой части, «Дело советов» после вспыхнувшего пожара вынужден был выброситься на берег, потеряв 5 моряков Балтийского флота.

Тогда санитарный пароход «Фортуна» с 50 больными, стоявший рядом с «Делом советов», стал полным ходом уходить вверх по Волге, спасая раненых и больных, среди которых началась паника. Неприятель, отлично видавший флаг Красного креста, сосредоточил свой огонь по пароходу, но благодаря искусным маневрам, произведенным по инициативе врача Николаева, быстро был водворен порядок среди матросов, хотевших броситься

в воду. Из 10 выпущенных по судну снарядов только один, разорвавшись у самого борта, осколком расщепил деревянные части верхней палубы и стенки 2 класса, контузив двух человек.

Обстрел продолжался 2 часа. Неприятельские пароходы были отогнаны, после этого «Фортуна», отошедшая на 7 верст, вернулась в Сенгилей. Вследствие отсутствия других свободных пароходов она была немедленно отправлена в Белый Яр (на левом берегу), откуда под покровом ночи были перевезены несколько батарей и две сотни партизан со ставропольского фронта. Стало ясно, что красные отступили по всему фронту. В этот же день было получено известие о падении Симбирска.

Отряды сенгилеевской группы очутились в кольце, так как со всех сторон наступал неприятель, и последняя надежда — оступление по Волге — со взятием Симбирска рушилась. После короткого совещания в штабе было решено попытаться прорваться сквозь неприятельское кольцо.

Всю ночь шли лихорадочные приготовления к эвакуации. Лишнее военное имущество, запасы снарядов и вооружения, находившиеся на пароходе «Василий Лапшин», топились в Волге, чтобы не достались неприятелю *. Спешно упаковывалось необходимое военное имущество.

Под прикрытием темноты были перевезены на правый берег последние группы ставропольского отряда тов. Павловского (в 1.000 человек с 5—6 орудиями), и всем командирам отрядов были разосланы секретные инструкции о порядке следования.

Силы противника были известны: каждую минуту можно было опасаться нападения или вторичного обстрела. Гнетущая неизвестность, зловещая таинственность и безмолвие левого берега заставляли сжиматься даже сердца самых храбрых. Все командиры, дружина с момента первого выстрела до утра не переставали работать; хладнокровно отдавали спешные приказы, предусмотрительно вникая во все мелочи. Они были крайне утомлены, их щеки были небриты и впалы, но энергия их была неисчерпаема.

Часть отрядов была погружена на пароходы и отправилась в Шиловку, где они должны были высадиться, а затем в с. Тушне соединиться с остальными. Большая же часть отрядов в полном походном порядке, с конной разведкой впереди и дозорами на флангах, с обозом в центре и с артиллерией позади должна была 22-го утром выступить из Сенгилея по заранее намеченному маршруту.

Утром 22 июля пристань Сенгилея кишела народом и красноармейцами. По сходням бегали взад и вперед люди и вытаскивали винтовки, зарядные ящики, припасы, обмундирование, белье и всякое имущество. Груды тюков, ящиков, узлов лежали на бе-

* В день падения Симбирска плавучая база-арсенал симбирской группы войск, находящихся на пароходе «Василий Лапшин», чьей-то преступной рукой был направлен не в Казань, а в Сенгилей.

регу. Раненые и больные были положены на подводы, все орудия были готовы к отъезду.

Одновременно с нами эвакуировался и Сенгилеевский испол-ком со всеми советскими работниками. Были увезены все документы и вся наличность казначейства.

Толпа любопытных горожан глазела на бесконечную вереницу подвод, начавших выезжать из города в 12 часов дня.

Неприятель не показывался, и в 2 часа выехала из города последняя подвода.

В 4 часа дня Сенгилей был занят белогвардейским отрядом, который, однако, не рискнул тотчас преследовать красных и занялся наведением «порядков» в ожидании подкреплений, которые вскоре прибыли и осторожно пустились вслед за отступившими сенгилеевцами, занимая селения, которые те уже оставили.

Маршрут, избранный нами, был крайне извилист, почти без дорог. Это было необходимо для того, чтобы избежать преследования и не показываться в районе Тереньга — Ясашная — Ключище, где по сведениям находился неприятель.

22 июля отряд, получивший название «сводного сенгилеевского ставропольского отряда», ночевал в Тушне. Здесь по настоянию части больных, не желавших ехать дальше на тряских подводах и требовавших отправления в больницу, 14 человек было отправлено в тушинскую больницу, где они были расстреляны на следующий день пришедшими чехами.

Днем 22 июля, приближаясь к Солдатской Ташле, разведка сенгилеевских отрядов была обстреляна неизвестными отрядами, открывшими пулеметный огонь. 2 красноармейца были убиты.

Немедленно по приказанию начальника сводных отрядов выехала вперед наша легкая батарея и несколькими залпами рассеяла противника; очистив путь, красные сенгилеевцы двинулись дальше.

Как потом оказалось, это была разведка 1 мценского полка т. Толстого, который занимал район Кочетовки. Основываясь на данных своей разведки, он стал отступать к Инзе, считая нас белыми.

Вторая стоянка была в деревне Суровке, куда прибыли ночью, промокшие от ливня, и разместились кое-где до рассвета. Утром было приказано выступать за село Воецкое.

В Суровке всем служащим и красноармейцам было уплачено жалование, так как в виду скудного питания консервами и хлебом отступающим приходилось покупать у крестьян продукты.

Отношение к крестьянам было добросовестное, требовали лишь постоя и смены подводы; за продукты и фураж расплачивались наличными.

24 вечером сенгилеевцы прибыли в большое село Воецкое, где ночевали третью ночь. Здесь был расстрелян нашей разведкой белый шпион, принявший разведчиков за белых и давший

им сведения о проходивших незадолго перед тем красных войсках (повидимому т. Толстого).

25 июля вечером после небольшого привала в селе Карлинском отряд благополучно достиг ст. Майна, где не было ни белых, ни красных. Пересекши ее, он двинулся дальше за Сергиевку-Аксаково, где окончательно остановился.

26 июля все отряды собрались на линии ст. Майны и выставили разведку по направлению к разъезду Виры.

Опередив разъезд, я поехал на автомобиле к ст. Чуфарово связаться со штабом 1-й армии, о котором было известно, что он находился в Инзе.

С большим трудом мне удалось переговорить по телеграфу со ст. Аненково с тов. Куйбышевым и тов. Тухачевским и заставить их поверить, что весь сенгилеевско-ставропольский отряд числом в 3.000 человек со всем обозом и артиллерией благополучно вышел из крайне опасного положения.

Впоследствии выяснилось, что неприятельские части были поблизости, но, повидимому, осведомленные о численности нашего отряда уклонились от встречи с нами.

С присоединением сенгилеевско-ставропольского отряда к 1-й армии кончился партизанский период.

Вот с этого-то момента и был заложен фундамент 1-й регулярной дивизии. Процесс превращения партизанских отрядов в регулярную армию на Волге совершился не только безболезненно, но вызвал общее дружное ликование как партизан, так и их начальников. С присоединением сенгилеевско-ставропольских отрядов к 1-й революционной армии на Востоке начался новый период — период строительства регулярной армии, предпринятый соединенными силами под начальством тт. Тухачевского и В. Куйбышева.

Формирование 1 симбирской дивизии

По ликвидации авантюры Муравьева на должность командующего восточным фронтом был назначен заслуженный и преданный соввласти боевой командир т. Вацетис, который со дня приезда в Казань сделал очень много для формирования регулярной Красной армии на Волге. С такой же энергией по реорганизации 1 революционой армии работал на станции Инза Ревсовет в составе тт. Тухачевского, Куйбышева и Калнина. Всюду шла кипучая работа, партизанские и красногвардейские дружины переформировывались в роты, батальоны, полки. После присоединения к революционной армии я получил приказ сформировать из красногвардейских отрядов самарских боевых дружин стрелковую дивизию, которая должна была оперировать в направлении Симбирск — Самара.

По нашей просьбе и по желанию красноармейцев дивизия получила вначале звание «1 симбирская».

Из всех отрядов самарских боевых дружин были составлены два полка: 1 и 2 симбирские.

В начале августа прибыли в распоряжение 1 симбирской дивизии витебский полк, бронепоезд № 5 и карачевский эскадрон, а 10 августа прибыла из Москвы только-что сформированная курская бригада тов. Азарха, состоявшая из трех полков: московского, крестьянского и орловского.

В районе Майна — Чуфарово начались лихорадочная подготовка частей, переформирование полков и сколачивание штабов. Приходилось заново, почти из ничего создавать строевые части, штабы, тылы и различные военные учреждения. По разным местечкам и уездным городам Симбирской губ. нашлась масса всякого военного добра. В наше распоряжение попали пушки, винтовки, повозки, снаряды и прочее.

Губисполком Симбирска, находившийся в Алатыре, не покладая рук работал и всячески помогал нам. Штаб армии, объявив мобилизацию старых офицеров в Пензенской губ., выслал в дивизию штабных работников, техников, артиллеристов, инженеров, строевых командиров и политработников. Из орудий и батарей мы создали артдивизионы, из повозок и подвод — транспорт.

Постепенно, как-будто из-под земли, вырастали все новые и новые аппараты и отделы: снабжения, санитарии, ветеринарии, трибунал, подив, штадив и прочие органы управления. Рядом с начальником поставили активного, выдержанного члена нашей партии, как хранителя интересов рабочих и крестьян, который обязан был смотреть в оба, чтобы не повторилась эпопея подобно авантюре Муравьева.

Для поднятия дисциплины кроме широкой политической работы начали разбирать дела дезертирства, грабежа, пьянства, разбоя и проч. За малейшие проступки наш дивизионный трибунал при полной поддержке штадива выносил высшую меру наказания — расстрел, не считаясь ни с должностью, ни с заслугами обвиняемого. Помню случай: старый комендант штаба Сушко, посланный в Чуфарово (отыскать помещение для штадива), обратил излишнее внимание на сундуки местного священника, брал взятки от местных кулаков, освобождая за это их дома от постоя. За подобное бесчинство он был расстрелян в тот же день на глазах жителей ст. Чуфарово. Подобными, может быть, зачастую беспощадными мерами мы достигали двух целей: во-первых, в глазах местных жителей поднялся авторитет дивизии и, во-вторых, военная дисциплина была поставлена на должную высоту.

Штаб дивизии перешел в с. Аненково. Приказом по армии командиром дивизии был назначен я, военкомом дивизии неразлучный мой соратник и друг Б. Лившиц, а начальником штаба неутомимый работник Вилумсон.

24-я железная

Значение 24 железной дивизии в истории нашей гражданской войны и в частности в истории освобождения Поволжья от белых очень велико. Она родилась и выросла в Ульяновской губернии. Ее боевая мощь выковалась под стенами Симбирска, когда в сентябре 1918 г. под мощным напором железных бойцов пал Симбирск. С этого момента боевая деятельность и слава дивизии вышли за пределы Средней Волги. Под ее ударом один за другим уничтожаются самые крепкие, дисциплинированные и стойкие чехо-словацкие и казацкие части на восточном фронте. Благодаря железной дивизии советской республике возвращаются один за другим города, уезды и губернии, захваченные «народной» армией Комуча. Дивизия делает громадные переходы. Быстрота ее движения удивительная. Вот некоторые цифры. В течение трех месяцев (октябрь — декабрь 1918 г.) дивизия освобождает губернии Симбирскую, Самарскую и Оренбургскую. С начала наступления на Симбирск и до взятия Бугуруслана прошло шесть недель (с 9 сентября по 28 октября 1918 г.), а за это время части дивизии сделали с большими и упорными боями более 800 клм.

Это редкий пример мобильности в военной истории. За эти 6 недель на всем восточном фронте у белой гвардии отнято около 160.000 кв. клм. Дивизия имеет в своем активе до 50.000 захваченных пленных, несколько сот пулеметов, до сотни орудий и около сорока городов, освобожденных ею. Дивизия только на восточном фронте в 1918 и 1919 гг. наголову разбила и зазахватила в плен всю армию генерала Дутова. потопила в реке Сальмаш, под Оренбургом, 4 корпус генерала Бакича, разгромила под Бугурусланом 12 дивизию ударной группы Колчака, сильно потрепала на реке Белой корпус генерала Каппеля...

Симбирск, Сенгилей, Сызрань, Буинск, Тетюшин, Ставрополь, Самара, Бугуруслан, Бузулук, Белибей, Стерлитамак, Оренбург, Орск, Верхне-Уральск, Чернобыль, Луцк, Мозырь и много-много других городов и местечек на восточном и польском фронтах помнят железных бойцов 24 дивизии, как беззаветно храбрых защитников завоеваний Октябрьской революции.

Вот краткая выписка из послужного списка дивизии.

Созданная 27 июля 1918 года волей рабочих и крестьян Поволжья из отдельных и небольших партийных и партизанских отрядов 24 железная дивизия начала свое боевое существование освобождением родины Владимира Ильича — Симбирска.

В конце августа 1918 г. красноармейцы еще несколоченной дивизии, узнав о покушении эсерки Каплан на т. Ленина, настойчиво потребовали немедленного перехода в наступление на Симбирск. И когда 12 сентября под железным натиском пал Симбирск, общее собрание красноармейцев дивизии телеграфировало в Москву:

«Дорогой Ильич! Взятие вашего родного города Симбирска — это ответ за одну вашу рану, а за другую рану будет Самара».

3 октября была взята Сызрань, а 8 октября дивизия победоносно вступила в Самару. В ноябре пали города Бугуруслан, Бузулук, Белибей, Стерлитамак. Зимой 1918 г., преодолев сорокаградусные морозы и сугробы снега, дивизия взяла (22 января 1919 г.) столицу генерала Дутова — Оренбург и пошла дальше через Орск (27 февраля 1919 г.) на Троицк, перевалив Южный Урал.

Весной 1919 г., с наступлением Колчака на Волгу, дивизия по пояс в воде, совершив в 12 дней пятисотверстный форсированный отход через Уральские горы, поспешила на защиту Самары, откуда наступательным маршем через Бугуруслан двинулась к Уфе в составе ударной группы т. Фрунзе.

Она форсировала реку Белую (14 июля 1919 г.) и двухнедельным походом вновь преодолела Уральские горы, выйдя к Верхне-Уральску 25 июля и вторично к Орску. Отсюда зимой 1919—1920 гг. дивизия была переброшена в Воронежскую губ., а в мае 1920 г. на польский фронт. Здесь, на Днепре, под Речицей, дивизия выдержала сильные бои с белополяками, а потом наступательным маршем двинулась по берегу реки Припяти на Мозырь, который и был взят 22 июня 1920 г. Отсюда дивизия повернула через Коростень и Ровно на Луцк (3 августа) и вышла на линию реки Буг (15 августа). 13 сентября 1920 г. начался общий отход по всему польскому фронту, и 24 дивизия отступила с боями через Дубно, Острог и Изяславль к Бердичеву, откуда в декабре перешла в Подольскую губернию, разгромила здесь Петлюру и начала упорную борьбу с бандитизмом.

Она в Подолии уничтожила около 18 банд.

И на мирном поприще железные бойцы по мере сил старались помочь трудящимся УССР. Кони, подвозившие боевые припасы и несшие всадников в битвах, впрягались в плуги...

Бойцами железной дивизии только в Подолии за 1921 г. в посевных кампаниях запахано 3825 десятин земли...

Два почетных красных знамени от ВЦИК и РВСР, до 9 знамен от Симбирского, Самарского и Оренбургского губисполкомов, множество орденов Красного знамени, которыми рабоче-крестьянская власть отметила храбрость частей и бойцов дивизии, дают нам право думать, что 24 железная с честью несла звание первой в мире рабоче-крестьянской Красной армии.

И сегодня, когда рабочий класс празднует пятнадцатилетие Октябрьской революции, остается только сказать:

— Равняйтесь по героям железной, берегите старые традиции бойцов, на фронте строительства будьте так же смелы и решительны, как бойцы железной!

Под красными знаменами партии Ленина, под руководством вождя тов. Сталина смело вперед, к коммунизму!

Э. КИДАЛ

ИНТЕРВЕНЦИЯ НА АМУРЕ

Воспоминания о гражданской войне на Дальнем Востоке в 1917 и 1919 гг.

После освобождения из каторги с Амурской колесной дороги (Колесухи) в августе 1908 года я был зачислен на поселение в Амурской области Дальневосточного края.

Вскоре я выяснил, что нашей партийной организации РСДРП(б) на Амуре нет, но существует в Благовещенске сибирская группа РСДРП. За период с августа 1908 г. по 1917 г. этой группой никакой массовой политической работы там не велось.

На поселении я не встречал ни одного большевика и оказался таким образом в одиночестве. Но это не освобождало меня от партработы. При всякой возможности я проводил мероприятия в интересах нашей партии и принимал самое горячее участие в создании амурской организации большевиков, а также активно работал в профсоюзах, проводя там партийную линию.

Весной 1914 г. по возвращении в Благовещенск я вступил в профсоюз металлистов. Вскоре был избран членом правления союза, после стал и председателем его. Через общие собрания членов союза мне удавалось проводить многие мероприятия, служившие сплочению рабочих в борьбе против капиталистов.

Империалистическая война вырвала огромное число людей из нашего союза. Фактически из всего союза металлистов к моменту Февральской революции осталось только 7 чел. Из этого состава было 4 меньшевика, 1 эсер, 1 беспартийный и я — большевик.

Правление союза металлистов до Февральской революции являлось единственной организацией, способной разобраться в создавшейся революционной обстановке. Вместе с членами союза на общие собрания приглашались все сочувствовавшие революционным идеям.

В то время для созыва общих собраний членов профсоюза требовалось разрешение полиции, но она была настолько неактивна, что ни разу не проверила членских книжек товарищей, приходивших на собрания. Разумеется полиция не знала количественного состава союза, т. к. по спискам у нас продолжали чис-

литься все члены, выбывшие на фронт. Все это делалось для сохранения союза.

На общих собраниях обсуждались вопросы о задачах организации рабочего класса, о тяжести войны, выносились протесты, например, против закрытия рабочей печати, против ареста рабочих — членов военно-промышленного комитета. Мы не обходили молчанием ни одного из важнейших вопросов, интересовавших рабочих.

Мировая война с ее экономическими тяготами накалила атмосферу. Рабочие, крестьяне и солдатские массы соединились в грозную силу против самодержавия.

Скоро революционные события 1917 г. от Питера докатились и до Амура.

Февральские дни в Благовещенске

17 (4-го) марта 1917 года происходил митинг в народном доме. Меньшевиком Никифоровым был сделан доклад о падении царского самодержавия. Докладчик сообщил об организации исполнительного комитета Государственной думы и образовании совета рабочих депутатов, которые, по его словам, взяли на себя совместно организацию порядка в стране и принятие необходимых мер для снабжения армии продовольствием. Докладчик указывал, что враг на фронтах еще не сломлен, и защищал лозунг капиталистов «война до победного конца».

После доклада начались прения, в которых получил слово тов. Степан Днепровский (сейчас член ВОСБ). Когда он изложил точку зрения большевиков по вопросу о войне, председатель собрания эсер Юрин остановил его замечанием, что этого вопроса сейчас касаться нельзя, что армия должна быть вне политики. Все собрание, на котором присутствовало много меньшевиков и эсеров, согласилось с председателем, и таким образом т. Днепровский был лишен слова. Насколько помню, т. Днепровский стоял на пораженческой точке зрения.

Помнится один характерный эпизод: 20 (7-го) марта 1917 г. на общем собрании металлистов мною было внесено предложение послать приветствие центральному большевистскому органу «Правда» и выписать ее. Предложение было принято общим собранием, очевидно, потому, что меньшевики растерялись и даже забыли предложить подписку на свою меньшевистскую газету. Это предложение меньшевики внесли лишь на следующем общем собрании металлистов.

В марте (числа точно не помню) происходили общее собрание объединенных организаций РСДРП и выборы комитета. Рабочие выдвинули и провели также мою кандидатуру. Я вошел туда, чтобы проводить там большевистскую линию. В дальнейшем я рассчитывал создать вокруг себя ядро единомышленников и, отколов его, положить основу большевистской организации.

Как член комитета я способствовал увеличению подписки на «Правду», а также распространял нашу большевистскую литературу, но надо сказать, что с февральских дней до момента организации большевистской группы в Благовещенске мне пришлось использовать главным образом «Правду», помогавшую мне внедрять большевистские идеи в массы. Когда другие члены комитета возражали против этого, я указывал им, что надо всесторонне ознакомить массу с течениями социал-демократии.

Расхождения между социал-демократами особенно резко выявились весной 1917 г. на областной партийной конференции, где среди делегатов присутствовало два основных течения — интернационалисты и оборонцы, кроме них был еще один плехановец (Кащик) и я — большевик.

За мое большевистское выступление на этой конференции по вопросу о войне моя кандидатура в состав комитета была провалена сторонниками оборончества. Мои взгляды поддерживал на этой конференции только приезжий тов. Садчиков (из флотских моряков), сейчас член ВКП(б).

Распространение большевистской литературы в Амурской области

Сделавшись рядовым членом объединенной организации РСДРП, я потерял возможность широко использовать партийный аппарат для распространения нашей большевистской литературы. Новый состав областного комитета «объединенной» РСДРП сейчас же сократил выписку «Правды».

Разумеется, это было чувствительной потерей, т. к. «Правда» была единственным источником правильной партийной информации, помогая всем разбираться в текущих событиях.

Я стал искать других путей агитации в массах. К сожалению, я не мог наладить печатание большевистской литературы, на это у меня не было средств.

Вскоре мне удалось связаться с редакцией большевистской газеты «Красное знамя» во Владивостоке, и на мой адрес в Благовещенск стали высылать несколько десятков номеров этой газеты.

Но скоро у нас получился некоторый застой.

Июльские события в Петрограде вызвали репрессии в отношении газеты «Красное знамя». Как-то я возвращался в гараж со своей машиной. На пути меня окликнул знакомый почтальон и сообщил, что на газету «Красное знамя» наложен арест. Это сообщение ясно указывало, что тогда среди низших почтово-телеграфных служащих уже были сочувствующие большевикам.

Получив сведения об аресте «Красного знамени», я тотчас же сообщил об этом факте рабочим ремонтно-механических мастерских и разъяснил им, какая свобода слова и печати существует при Временном правительстве.

Рабочие сейчас же заинтересовались вопросом, за что же наложен арест на газету «Красное знамя». Я учел это настроение рабочих и пошел для переговоров к начальнику почты, который сослался на распоряжение комиссара Временного правительства.

Комиссаром правительства Керенского тогда в Благовещенске был эсер Кожевников. Когда я приехал к нему, он сначала пытался оправдать свои действия, но после отдал приказ по телефону о снятии ареста.

За эти дни на почте скопилось до 800 номеров «Красного знамени», которые быстро разошлись, т. к. конфискация усилила интерес к газете среди рабочих.

Скоро в помощь мне по распространению литературы пришли два активных товарища: первый — грузчик, прибывший с фронта (фамилии его не припоминаю), и второй — рабочий-пекарь т. Клементий Семенович Гурков.

Распространение большевистского влияния среди крестьян области взял на себя т. Днепровский, который часто выезжал в районы в качестве инструктора кооперации.

Образование инициативной группы РСДРП (большевиков)

Газета «Правда» приходила к нам регулярно и давала возможность быть в курсе всех событий. Мы понимали, что социал-соглашатели, меньшевики и эсеры изменяют революции. Это заставило меня ускорить создание группы единомышленников. Мы пошли на раскол благовещенской объединенной организации РСДРП. Первым откликнулся на это дело тов. Яков Григорьевич Шафир. Мы решили создать с ним большевистскую организацию.

В конце сентября 1917 г. по нашей инициативе было созвано первое собрание большевиков и сочувствующих. Официальное извещение об этом было помещено в местной газете совета рабочих и солдатских депутатов. На этом собрании был заложен фундамент нашей большевистской организации.

Открытие нашего первого собрания привлекло немало любопытных, среди которых были и местные вожди меньшевиков. Зал был переполнен.

Открывая собрание, я обрисовал задачи его и предоставил слово докладчику тов. Кушнареву (приехавшему из владивостокской организации). Тов. Кушнарев разъяснил позицию большевиков и всю огромную работу, которую проделала наша партия в интересах рабочего класса и крестьянства, в интересах социалистической революции.

Меньшевики, явившиеся с явным намерением сорвать наше собрание, прерывали докладчика разными выкриками и шумом, стараясь вопросами отвлечь докладчика от основной темы. Такое шумное поведение меньшевистских лидеров помешало нам на этом же собрании организационно оформить группу. Закры-

вая собрание, я пригласил в соседнюю комнату всех товарищей, желавших примкнуть к нашей большевистской группе.

Наша инициативная благовещенская группа большевиков организовалась в составе 14 человек: Кидал Карл Эрнестович (металлист — организатор группы); Шафир Яков Григорьевич (интеллигент); Днепровский Степан (кооператор); Сюткин Федот (кооператор, по профессии металлист); Нестеров Захар (металлист); Рычков (металлист, рабочий электростанции); Минаев (рабочий); Сидько Михаил Кузьмич (металлист); Иванов Кирилл (рабочий); Емельянов Николай (металлист); Беклемишев Костя (служащий); Курочкин (служащий); Кушнарев Петр (кажется, техник); Казин Александр Зин. (служащий).

Большая часть вступивших в группу товарищей состояла членами объединенной РСДРП г. Благовещенска. Все они порвали всякую связь с благовещенскими меньшевиками и решительно пошли на раскол объединенной РСДРП.

Все последующие собрания нашей инициативной группы происходили по Иркутской (сейчас Кубякской ул.), д. № 51. На первом же собрании было избрано бюро из трех товарищей: Шафир, Сюткин и Кидал.

Тов. Сюткину, выезжавшему в область по кооперативным делам, было поручено установление регулярной связи с крестьянами и оформление большевистских кружков на местах. В октябре 1917 г. по рекомендации тов. Сюткина был принят в нашу группу первый из бедняков-казаков тов. Бреус.

В том же октябре в народном доме на общем собрании инициативной группы РСДРП большевиков был принят в партию тов. Мухин Н. Ф. Через него нами немедленно была установлена связь с военными частями. О тов. Мухине мы знали следующее. Он, будучи при Керенском взят на военную службу, вел среди солдат революционную работу. Работу, проделанную среди воинских частей во время выборов в учредилку, следует приписать целиком тов. Мухину.

В 1918 году тов. Мухин был избран делегатом на областной съезд трудящихся, где прошел в областной исполком совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и был избран председателем Совета народных комиссаров Амурской области. Деятельность его за время существования советской власти в 1918 году в крае общеизвестна.

Позже, в 1918—1919 гг., он работал в подполье по созданию парторганизации и красных крестьянских отрядов.

Наконец в октябре же нашу группу пополнили еще несколько товарищей: Антонов Семен Иванович (рабочий-металлист); Удоденко (матрос местного водного транспорта); Соколов (командир, водник, служил на судне А. В. У., при Колчаке был убит белыми); Сомов Иосиф М. (военный врач, умерший член ВОСБ); Сердюк (водник); Кузнецов (бывш. комиссар финансов при соввласти на Амуре, 1918 г.); Аксенов Василий Корнеевич

(бывш. комиссар Красной гвардии при совласти на Амуре в 1918 г.); Тылик (председатель союза грузчиков, рабочий); Балакирев Никита (металлист); Кидал Ольга; Кидал Анастасия; Гурьков Клементий (рабочий-пекарь).

В этот же период наша группа стала выступать официально от имени большевистской партии на городских собраниях и митингах. Например, на заседании гласных благовещенской городской думы выступал наш товарищ Яков Шафир по вопросу о выплате жалованья рабочим и служащим водного транспорта.

Тов. Шафир от имени нашей группы предложил гласным думы резолюцию о полном удовлетворении требований работников водного транспорта. Это предложение было отвергнуто большинством гласных, среди которых преобладали соглашатели. Авторитет нашей группы среди местных рабочих возрастал.

Подготовка выборов в Учредительное собрание

Началась подготовка к выборам в Учредительное собрание. Наша группа была в особенно трудных условиях, т. к. мы не имели своего печатного органа, как другие партии, наша организация была еще молода. Нас выручила владивостокская группа большевиков, приславшая нам несколько кип плакатов и лозунгов. Одновременно с этим нами были получены и большевистские списки № 5 кандидатов в учредилку. От нашей организации были выставлены следующие кандидатуры: тов. Нейбут, тов. Суханов (оба из Владивостока) и тов. Сюткин (от Амурской областной организации).

Всю работу по расклейке плакатов и лозунгов проделали Анастасия, Ольга и Елизавета Кидал. Во время расклейки они подвергались оскорблениям, им грозило избиение, их травили, обзывали германскими шпионами. Основная часть плакатов и лозунгов была распространена на предприятиях через наших товарищей.

На выборах в Учредительное собрание в Благовещенске было выставлено 9 списков. Наша группа, большевиков, имела свой список № 5. Благодаря большой нашей активности и организованности, а также перелому в настроении масс наш список получил значительное число голосов. По числу полученных голосов он стоял на четвертом месте. Наибольший успех наш список имел в 3-м районе, где жили рабочие ремонтно-механических мастерских.

Выборы проходили не без курьезов. На одном из выборных собраний водников я был поставлен последним в списке ораторов. Когда я вышел на трибуну, инженер Языков закричал: «Не надо, знаем его!» Но рабочие сейчас же запротестовали: «Как, вы не хотите дать высказаться нашему рабочему!»

В своем выступлении я остановил внимание рабочих на том, что ни один из ораторов эсеров и меньшевиков не выступал против списков буржуазии, все они выступали только против

большевиков. Это значит, что меньшевики и эсеры поддерживают буржуазию против большевиков, боясь диктатуры пролетариата.

В центре — советская власть, на Амуре — Временное правительство

Телеграмма об организации советской власти в Петрограде и других городах не была опубликована на Амуре. Эта телеграмма была задержана комиссаров Временного правительства, который не допустил ее помещения в печати.

Вечером 27 октября 1917 г. были созваны на совещание представители всех политических партий, были также представители и от воинских частей. Но наш представитель на это собрание приглашен не был. Об этом совещании я узнал лишь от работников телеграфа, сочувствовавших большевикам.

Узнав, что собрание назначено в Белом доме, я направился туда. Когда я вошел, уже обсуждался вопрос о захвате власти советами и об аресте членов Временного правительства. Эсер Кожевников зачитал телеграмму и поставил на обсуждение вопрос о непризнании власти советов. Он требовал верности Временному правительству, как «единственно законной власти» до созыва Учредительного собрания.

Ораторы в своих выступлениях называли большевиков «узурпаторами власти» и заявляли, что такую власть они признать не могут, а потому будут подчиняться лишь распоряжениям Временного правительства.

Только один военный товарищ, фамилию которого не припомню, разошелся с общим хором соглашательских голосов. В очень короткой речи он заявил буквально следующее:

— Я думаю, что власть должна быть за советами, а буржуев надо резать.

Представители политических групп буржуазии и соглашателей, услышав это заявление от представителя военных, на которых они рассчитывали опереться, пришли в смятение. Они поняли, что на солдат рассчитывать нельзя.

После выступления военного я указал, что две власти существовать действительно не могут, что единственной властью для рабочих и крестьян могут быть только советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Я указал, что правительство Керенского не авторитетно для рабочих уже потому, что в его состав входили 10 министров-капиталистов.

Конечно, при голосовании большинство приглашенных голосовало за Временное правительство, но большинство солдат голосовало за советы. В дальнейшем этот вопрос был поставлен на обсуждение государственных и общественных организаций. Здесь боролись две группы: канцелярские чиновники и соглашатели поддерживали Временное правительство, рабочие шли за советами. Профсоюзы также обсуждали этот вопрос.

Во время кампании за признание советов по инициативе Амурского водного управления было созвано или вернее подобрано собрание из высших конторских служащих, заведующих отделами, командиров судов, приглашены были и служащие государственных учреждений.

В качестве шофера АВУ я привез на это собрание, можно сказать, все начальство. От низших конторских служащих и служащих судов я узнал, что на это собрание их не пригласили. Немедленно я сел на машину и поехал в затон, чтобы сообщить о происходящем собрании рабочим ремонтно-механических мастерских АВУ.

После обмена мнениями с некоторыми товарищами мы дали гудок для сбора на собрание. Здесь я осветил создавшееся положение. Рабочие побросали работу и немедленно двинулись в управление водных путей.

Рабочие подошли в тот момент, когда собрание чиновничьей верхушки уже началось. Прибытие рабочих взволновало чиновников, начавших выражать свое возмущение, но все же им пришлось помириться с фактом и допустить рабочих на собрание.

Как раз шло обсуждение текущего момента. Выступали приглашенные чиновники. Когда я попросил слова, председатель собрания инженер Николаев ответил мне, что высказываться могут только приглашенные.

Тогда я вскочил на стол и обратился в сторону рабочих:

— Товарищи рабочие и низшие служащие, здесь без вас пытались разрешить вопрос о власти, чтобы потом козырять от вашего имени, что рабочие и служащие АВУ не признают власти советов.

Поднялся невообразимый шум. Чиновники кричали: «Долой его!» Рабочие, однако, овладели трибуной. Верхушка чиновников бросилась прочь. Нами был избран новый председатель. Мы обсудили создавшееся положение и решили созвать собрание всех рабочих и служащих АВУ, на котором провести окончательное решение о признании власти советов.

Перед вынесением резолюции я считал своей обязанностью выступить на этом собрании с речью от имени нашей инициативной группы. В речи я обратился к рабочим и низшим служащим с призывом:

— Голосуйте за власть советов.

На заседании гласных городской думы от нашей группы выступал тов. Шафир, но правосоциалистическое и буржуазное большинство гласных предложения тов. Шафира отвергло.

За власть советов

Наша группа продолжала вести упорную кампанию за власть советов.

В ремонтно-механических мастерских после ряда выступлений был поставлен вопрос о признании советов рабочих и кресть-

янских депутатов. От имени большевиков мною была предложена резолюция. Но все другие политические группы — эсеры, меньшевики, республиканцы и др. — также внесли свои резолюции. Голосовалось семь резолюций, из которых наша получила подавляющее большинство. Голосование производилось записками, которые опускались в переносную урну. При вскрытии урны и подсчете записок присутствовала комиссия, которой пришлось признать, что ⅔ всех голосов из тысячи с лишком, подавших свои записки, голосовало за большевистскую резолюцию. Остальная треть голосов разбилась между шестью резолюциями.

Результаты голосования показали, насколько сильно было влияние нашей группы среди рабочих. Все рабочие и низшие служащие голосовали за советы, высшая администрация и чиновники за Временное правительство и Учредительное собрание.

В то время профессиональные организации еще находились под влиянием меньшевиков. Только в декабре 1917 г. был выдвинут на собрании металлистов вопрос о признании власти советов. Это предложение внесла и поддерживала наша большевистская группа. Металлисты проголосовали за наше предложение (в то время я был членом правления союза металлистов).

В первых числах декабря 1917 г. в гор. Свободном была оформлена группа большевиков через работавшего там тов. Попова.

В связи с ростом нашей организации благовещенская инициативная группа РСДРП(б) переименовалась в Благовещенский комитет РСДРП интернационалистов-большевиков.

Такое название было принято временно, для ускорения спайки революционно-настроенных рабочих и втягивания их в партию, так как многие рабочие, не зная различия в названиях обеих фракций РСДРП, считали наиболее правильным называться в отличие от меньшевиков большевиками-интернационалистами. Расхождений с директивами ЦК ВКП(б) у нас не было, несмотря на это оригинальное название. Основным нашим руководящим материалом служил теперь, как и прежде, орган большевиков — газета «Правда». Из нее мы черпали для нашей работы весь необходимый материал.

Во второй половине декабря нами был создан при затоне АВУ в ремонтно-механических мастерских районный комитет благовещенской организации РСДРП большевиков-интернационалистов. В президиум районного комитета вошли тт. Кидал, Антонов и Удоденко.

Райком сейчас же приступил к вооруженной подготовке захвата власти. Для этой цели была создана рабочая боевая дружина из членов партии и рабочих. Начальником дружины выдвинули тов. Аксенова, ставшего потом начальником Красной гвардии. Военное обучение происходило по вечерам.

31 декабря на собрании металлистов было принято решение организовать Красную гвардию в виду того, что буржуазия пы-

талась опереться на белую гвардию. Тут же на собрании началась запись и организационное оформление Красной гвардии.

В начале января 1918 г. на заседании партийного комитета был поставлен вопрос о захвате власти, на этом же заседании были намечены товарищи, которые после переворота должны были немедленно стать во главе тех или иных учреждений и предприятий.

18 января 1918 г. меня командировали в Питер на всероссийский съезд водников, куда я был избран делегатом от амурских водных путей. Эту поездку я должен был использовать и для партийных целей. С моим отъездом встал вопрос о выделении секретаря комитета. Эта обязанность временно была возложена на т. Балакирева.

Четвертый крестьянский съезд Амурской области

25 февраля 1918 г. был созван IV крестьянский съезд Амурской области. Этот съезд знаменателен тем, что на нем крестьянские массы отошли от неверного лозунга об Учредительном собрании и высказались за власть советов.

Руководство большевиков на этом съезде проводилось через тов. Сюткина, почти единогласно избранного председателем съезда.

Важнейшим политическим актом IV крестьянского съезда было постановление о признании власти советов:

«1. Единственной властью как в центре, так и на местах признать совет рабочих, крестьянских и казачьих депутатов.

2. Признать правильным роспуск Учредительного собрания, как идущего вразрез с интересами трудового народа.

3. Всеми способами вести борьбу с буржуазией как русской, так и иностранной».

Съезд принял обращение к трудовой интеллигенции, призывая ее итти рука об руку с трудовым народом и советами. Центральному исполнительному комитету съезд послал следующее приветствие:

«Четвертый крестьянский съезд Амурской области, открывшийся 25 февраля 1918 г., шлет горячий привет ЦИК и Совету народных комиссаров, шлет крепкое рукопожатие мужика-переселенца далекой Сибири вождю всемирного пролетариата Владимиру Ильичу Ленину.

Наше крестьянское спасибо всем истинным борцам за благо крестьян и рабочих. Знайте, наши дорогие защитники, что возврата к прошлому нет.

Да здравствует Российская социалистическая трудовая республика советов! Да здравствует социализм!» *

Нашей фракцией было проведено решение созвать объединенное заседание депутатов IV крестьянского съезда Амурской области с депутатами совета рабочих и солдат г. Благовещенска.

Объединенное заседание постановило:

---

* Текст воззвания приводится в сокращенном виде

Власть во всей Амурской области в селениях и городах принадлежит только Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

IV крестьянский съезд вынес еще целый ряд важнейших решений:

За антинародную деятельность областной земельной управы, враждебной советской власти, объявить земство распущенным. Продовольственный отдел постановлением съезда был реорганизован. Из него был удален чуждый элемент. Решено установить твердые цены, а также понизить цены на продукты и товары первой необходимости. Средства для обеспечения нуждающегося населения отбирать у буржуазии.

Об организации Красной гвардии был сделан обширный доклад. Съезд постановил немедленно создать на местах боевые дружины или Красную гвардию из трудового крестьянства, снабдить их оружием и вести учет вооруженным силам через сельские, районные и областные советы.

Съездом была утверждена инструкция Красной гвардии.

Четвертый крестьянский съезд Амурской области закончил свою работу 5 марта 1918 г. Этот съезд был историческим в строительстве советской власти на Амуре.

Октябрь на Амуре

С марта 1918 г. белогвардейцы и казачьи офицеры при участии меньшевиков и эсеров арестовали членов Благовещенского исполнительного комитета РК и С депутатов и разоружили советски настроенных солдат. Таким образом Благовещенск был занят белыми.

В первые ряды защитников советской власти стали металлисты, помня свое решение поддерживать власть советов.

Они отступили от Благовещенска вместе с матросами местной военной флотилии и укрепились в селе Астрахановке, подготовляясь к наступлению на белых.

Все волостные и сельские советы были немедленно извещены о захвате белыми Благовещенска. Делегаты IV крестьянского съезда, вернувшись к себе, немедленно стали осуществлять решение съезда об организации Красной гвардии.

В защиту советской власти поднялась беднота, и отряды Красной гвардии стали прибывать в Астрахановку, где был организован боевой штаб. Боевая дружина рабочих Амурского затона успела также организованно отступить в Астрахановку. Не зевали и вооруженные грузчики. Кроме того в Астрахановку стали прибывать и безоружные массы рабочих.

Боевой штаб под руководством нашей партии подготовлял из Астрахановки наступление на белых, засевших в Благовещенске.

11 марта 1918 г. началось общее наступление на Благовещенск, в котором участвовали рабочие и боевые дружины, воен-

ная флотилия и амурское революционное крестьянство. Благовещенск был взят нами 12 марта. Члены совета, арестованные белыми, были освобождены. Белые бежали за границу, в Китае (в гор. Сахалян).

С момента взятия Благовещенска Красной гвардией и начинается по существу первый период создания советской власти на Амуре. Одновременно с этим были сломлены все остатки правительства Керенского и выброшены за пределы Дальневосточного края и Сибири. Остатки белых банд позорно бежали в китайский город Сахалян, расположенный на правом берегу Амура, захватив с собой награбленное народное достояние.

Итак, Октябрь на Амуре был совершен 12 марта 1918 г.

V объединенный съезд рабочих, крестьянских и казачьих депутатов

1 апреля 1918 г. был открыт V объединенный съезд РК и С деп. Амурской области. Открытие и ведение съезда было возложено на тов. Сюткина, председательствовавшего на IV крестьянском съезде. Этот съезд провел основную организационную работу по укреплению советской власти на Амуре.

По текущему моменту была вынесена резолюция такого содержания:

> «Великая Октябрьская революция, начавшаяся в Петрограде, охватила всю Россию. Старый государственный аппарат осуществлял политику соглашения с капиталистами, поэтому рабочий класс отобрал власть у соглашательских партий и организовал рабоче-крестьянскую власть, ведущую к окончательному уничтожению государства капитализма.
>
> Съезд резко осуждает политику контрреволюционных сил, поднявших восстание против советской власти. Одновременно съезд указывает, что разжигателями контрреволюции также являются социал-соглашатели».

Инициаторов восстания против советской власти съезд объявил вне закона.

V съезд заявил, что он твердо стоит на защите советской власти и считает, что диктатура пролетариата является единственной формой, способной обеспечить победу социализма. Съезд призвал всех трудящихся сплотиться вокруг советской власти и постановил убрать с работы всех саботажников.

Важнейшим решением съезда было постановление о немедленном создании Красной армии как опоры диктатуры пролетариата.

Съезд также коснулся вопроса об условиях мира, предъявленного германским империализмом советской власти и определил эти условия как последнюю ставку германской буржуазии. Съезд был уверен, что принятие условий мира советской властью является «временным поражением» на одном из участков революции, которое не заставит революцию капитулировать перед врагами.

Во время работы V съезда 4 апреля во Владивостоке высадился первый десант японцев. Японцы устроили интервенцию под предлогом защиты своих граждан, ссылаясь на убийство двух японцев. Это выступление было явно провокационным и поэтому съезд вынес решительный протест против действий японцев и объявил Амурскую область на военном положении.

Одним из важнейших вопросов в порядке дня V съезда был доклад о земельном вопросе. Съезд вынес решение об организации трудовых артелей и коммун, а также отметил в резолюции по земельному вопросу необходимость обратить серьезное внимание на организацию производственных трудовых товариществ и кооперативов.

В апреле 1917 г. состоялось объединенное пленарное заседание V съезда с Благовещенским городским советом. На этом заседании были выбраны члены в состав Амурского областного исполнительного комитета. На этом же заседании был избран военно-революционный трибунал, а также вынесено постановление о закрытии меньшевистской газеты «Голос труда» как контрреволюционной. Съезд вменил в обязанность продовольственному комитету понизить цены на предметы первой необходимости к 10 апреля.

Перед закрытием 10 апреля 1918 г. съезд объявил себя первым организационным съездом Амурской советской социалистической республики, поручив исполнительному комитету распубликовать и довести до сведения Совнаркома, что Амурская область является автономной социалистической советской республикой, входящей в состав РСФСР.

VI съезд трудящихся Амурской области

5 июля открылся VI чрезвычайный съезд трудящихся Амурской области. Это был первый и последний съезд, именовавшийся объединенным съездом трудящихся Амурской области.

По существу это был съезд, на который проникло кулацкое влияние, находившее организаторов и идеологов у социал-соглашателей. Состав съезда был явно неудовлетворительным, т. к. в число делегатов пролезли кулаки, контрреволюционное казачье офицерство и даже бывшие царские полицейские. Такой состав съезда был продуктом меньшевистской работы. Накануне 6-го съезда меньшевики совместно с кулацкой верхушкой захватили руководство районным песчано-озерским крестьянским съездом, который прошел под лозунгом «долой комиссародержавие».

Влияние песчано-озерского съезда было перенесено и на VI съезд советов, начавшийся в условиях жесточайшей классовой борьбы.

Во время избрания президиума съезда наша фракция, которой руководил я, предложила избрать почетным председателем тов. Ленина и послать приветственную телеграмму Совнаркому.

Против этого предложения побоялись возражать даже меньшевики и прочие контрреволюционеры, но часть делегатов внесла со своей стороны дополнения: избрать в почетный президиум Троцкого, Каменева, Спиридонову.

Нашей задачей было объединение рабочих и беднейшего крестьянства в одну спаянную группу для организации отпора контрреволюционным вылазкам кулаков. Наша большевистская фракция работала под руководством тов. Попова из г. Свободного, тов. Щепетьева, комиссара Дальневосточного комиссариата просвещения, и меня от благовещенской организации РКП(б).

Мне было поручено выступить на съезде от имени союза металлистов с предложением обсудить текущий момент. Я же внес и предложение о создании специальной комиссии для выявления политической физиономии делегатов, подозреваемых в контрреволюции.

Съезд принял предложение и выделил комиссию в составе 7 человек.

В начале съезд хотел скрыть свое политическое лицо, отказавшись обсуждать текущий момент. Целых 6 дней пришлось затратить на то, чтобы доказать делегатам необходимость заслушать доклад о текущем моменте. Все же большинство съезда вопрос о текущем моменте смазало и перешло к обсуждению вопроса о суточных для делегатов съезда.

Предложено было на обсуждение две повестки дня: одна от имени областного исполнительного комитета, а вторая была выработана на песчано-озерском съезде, подчеркивавшем, что это был съезд «хлеборобов». Рабочие настойчиво требовали обсуждения текущего момента, но большинство делегатов провело повестку дня, предложенную песчано-озерцами.

Только после внеочередного заявления тов. Мухина (председателя областного исполкома), зачитавшего телеграмму из Иркутска о наступлении семеновских банд, с большим трудом удалось провести вопрос о текущем моменте.

Докладчиком по этому вопросу был Бугаев.

На другой день начались прения, ораторы, получая по 5 минут, не успевали высказаться, члены партии передавали свое слово друг другу. Некоторые из выступивших крестьян заявили, что они не уполномочены своими избирателями высказываться по текущему моменту. Крестьянин Лукашевич выразил недовольство, что съезд уже пятый день говорит о политике, а крестьянству надо одно: получить свою норму земли, которой он должен владеть. Крестьянин Каркутовский своим выступлением раскрыл карты частного совещания крестьян, организованного меньшевиками и эсерами, где предлагалось освободить из тюрьмы инициаторов белогвардейского налета на Благовещенск. Это заявление вызвало шум на съезде.

Для выработки резолюции по текущему моменту была составлена комиссия, в которой большинство принадлежало кресть-

янам — 9 чел.; от рабочих входило 6 чел. Выработанная комиссией резолюция была принята съездом, после чего съезд постановил спеть «Смело, товарищи, в ногу».

Самым решающим из всех 7 пунктов резолюции был 4 пункт, в котором говорилось следующее:

> «Принимая во внимание, что советская Сибирь находится в состоянии войны с русской и иностранной буржуазией в лице семеновских банд, угрожающих рабоче-крестьянской революции, съезд от имени всего населения Амурской области заявляет всем врагам, что трудовое население области готово по первому кличу совета рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов стать под красные знамена и дать решительный отпор врагам революции».

Далее съезд призывал все трудовое население к творческой работе, поднятию промышленности и сельского хозяйства и укреплению транспорта.

В знак объединения крестьян и рабочих было принято предложение поднять красный флаг над зданием, где заседал съезд. В этот же день по предложению профсовета съезд устроил манифестацию по улицам города.

10 июля после доклада по продовольствию было заслушано сообщение комиссии съезда по разбору дел о лицах, замешанных в белой гвардии.

Комиссия предложила передать все дела на разбор в ревтрибунал, а лиц, замешанных в белой гвардии, лишить права решающего и совещательного голоса.

Съезд согласился с первой частью предложения, но отверг вторую часть. Наша фракция внесла протест по поводу этого решения. Тогда выступил кулацкий коновод Колесников и заявил буквально следующее:

— Если мы дали решающий голос представителям советов, которые, может быть, окажутся более преступными, чем лица, замешанные в белой гвардии, то надо оставить решение съезда в силе.

Съезд отклонил протест фракции. После этого вся фракция потребовала перерыва и вышла на совещание в соседнюю комнату, к нам присоединились также и крестьяне, сочувствующие нам.

По истечении назначенного срока съезд приступил к заседанию в отсутствии фракции, признав себя правомочным.

Возвратившись на заседание съезда, фракция во внеочередном заявлении раскрыла лицо отдельных делегатов, обвинявшихся в контрреволюции, среди которых, например, был некто Кацько, участник сыскной полиции. После этого съезд вынужден был согласиться с предложением фракции.

Все эти факты показывают, в какой сложной обстановке протекала работа съезда и как трудно было коммунистам руководить съездом и проводить на нем линию нашей партии. Наших товарищей обычно не хотели слушать, прерывали их выкриками, шумом. С трибуны съезда раздавались несоветские, явно враж-

дебные нам речи и предложения. Работа съезда протекала крайне непродуктивно, так как меньшевики и эсеры пользовались всяким предлогом, чтобы подсунуть идею одобрения власти Временного правительства. Нашей фракции все время приходилось быть начеку.

На съезде имел место даже такой факт: меньшевики и эсеры, воспользовавшись настроением съезда, предложили послать делегацию от имени съезда к лицам, бежавшим за китайскую границу, инициаторам белогвардейского переворота. Наша фракция разоблачила классовую сущность этого предложения и добилась того, что съезд его отверг.

К этому времени поступили сведения, что часть делегатов-крестьян покинула съезд. Среди делегатов даже распространился провокационный слух о том, что подготовляется взрыв здания, в котором работал съезд.

С трудом удалось успокоить делегатов, после чего были заслушаны доклады комиссариатов и ревизионной комиссии. Но съезд не вынес ни одной резолюции по этим докладам, приняв их к сведению.

16 июня в президиум съезда поступило заявление от группы крестьян, предлагавших прервать заседание съезда на две недели. Одновременно поступило другое заявление, подписанное крестьянами (в числе 60 человек), в котором писалось следующее:

> «В виду явного давления меньшинства съезда на большинство при решении каждого вопроса многие делегаты покинули съезд. Считая дальнейшую работу съезда невозможной при данных условиях, мы покидаем съезд и предлагаем объявить перерыв работ съезда на 15 дней, чтобы обсудить положение на местах. Контрольная комиссия как старая, так и новая свою работу должна продолжать. Ко дню открытия съезда комиссары всех учреждений должны подготовить полные отчеты».

Во время обсуждения этого предложения раздавались такие заявления:

— Одна часть делегатов приехала для захвата власти, а другая для иных целей. Надо убрать комиссаров и эмиссаров, чтобы они не мешали нам работать. Эти заявления исходили от кулацкой части съезда.

От имени фракции т. Щепетьевым была зачитана следующая резолюция:

> «6 областной амурский съезд трудящихся, заслушав письменное предложение делегатов о перерыве работ съезда на 15 дней и обсудив всесторонне этот вопрос, постановляет:
>
> 1) работу съезда ни в коем случае не прерывать, а продолжать ее с напряженной энергией и довести ее до плодотворного конца;
>
> 2) всем делегатам, уехавшим без разрешения съезда, выразить порицание;
>
> 3) опубликовать это постановление в печати и довести его до сведения избирателей;
>
> 4) выданные им суточные с них взыскать».

Резолюция эта была принята 203 голосами из 246 делегатов, при 11 против и 32 воздержавшихся.

Вторая резолюция о перерыве работ съезда на 15 дней была предложена группой делегатов и отклонена съездом. За нее голосовало 76 человек.

Но на другой день продуктивность работ съезда упала еще ниже. Президиум выяснил, что нет кворума: из 485 делегатов, явившихся на открытие съезда, большинство отсутствует. В связи с этим было решено прервать работу съезда на 10 дней.

При открытии съезда 2 июля президиум был переизбран. Налицо было 337 делегатов. Работа съезда пошла гораздо продуктивнее. Прежде всего съезд занялся проверкой состава делегатов. На основании решения V объединенного съезда рабочих и крестьянских депутатов, подтвержденного VI съездом, были исключены из состава делегатов следующие лица: Данилов, владелец промышленного предприятия; Михеенко, опозоривший себя кражей; Шестеркин, правый эсер, за явно антисоветское выступление.

В связи с этим исключением меньшевики заявили о своем уходе со съезда. Эта декларация меньшевиков была использована нами для того, чтобы разъяснить крестьянам классовую сущность меньшевистской партии.

Кроме того из состава съезда были исключены другие лица, в числе которых был Сурин, совершивший мошенничество. Дело его было передано судебным органам.

Работа съезда проходила в напряженной обстановке. Почти каждый день получались сведения с дальневосточного фронта.

Съезд принял воззвание ко всем трудящимся области, в котором разъяснялось значение происходящих событий.

К этому времени был создан военно-революционный комитет, приказавший в виду тревожного положения вернуть со съезда всех представителей профессиональных организаций.

Заслушав этот приказ, съезд вынес резолюцию:

«Революционные рабочие и трудовое крестьянство приказов революции не обсуждают, а исполняют, о чем и заявляют трудящимся Амурской области и спешат на свои посты для вербовки добровольцев на защиту революции.

Съезд доверяет революционному комитету всю полноту власти, не связывая его никакими обязательствами.

Революционному комитету даются широкие полномочия сделать все необходимое в интересах защиты революции».

Съезд пополнил революционный комитет тремя делегатами от крестьян.

От имени революционного комитета т. Бугаев сделал заявление о необходимости срочного снабжения хлебом и продовольствием революционной армии.

Перед закрытием съезда был избран исполнительный комитет в числе 40 человек: от рабочих 10 и от крестьян 30 человек и вынесена следующая резолюция:

«Вливая в состав исполнительного комитета новых членов, съезд вменяет в обязанность исполнительному комитету следующее:

1) твердо и определенно стоять на платформе советской власти без всяких колебаний;

2) напрячь все силы, чтобы наладить экономическую жизнь области, работая в защиту интересов трудящихся;

3) исполнительный комитет в целом является морально ответственным за работу каждого отдельного из своих членов, он может и должен требовать, чтобы каждый член его на деле доказал и оправдал высокое доверие, оказанное ему народом при выборах в исполнительный комитет.

Если же случится, что отдельный член не оправдает народного доверия, то исполнительный комитет вправе постановлением двух третей голосов отстранить такого члена от работы, не дожидаясь очередного съезда».

На этом и закончилась работа VI объединенного съезда трудящихся Амурской области.

Революционные комитеты на Амуре

Кольцо советской власти в Сибири и на Дальнем Востоке все суживалось. Амурская область в г. Благовещенске была последним этапом борьбы за советскую власть.

Надо сказать, что в этот период партийное руководство было слабым. В то время председателем партийного комитета был т. Чепурнов.

Слабость партийного руководства особенно чувствовалась во время VI амурского съезда советов. Там руководили товарищи, выбранные фракцией большевиков. Все коммунисты, руководители советских учреждений и общественных организаций, работали самостоятельно за свой страх и риск, вся эта работа не была согласована, она никем не направлялась, пока не был создан Совет народных комиссаров Амурской области.

В июне был избран новым председателем амурского областного партийного комитета т. Дельвич М. Э., который сумел усилить партийное руководство.

М. Э. Дельвич был активным работником. Он был в эмиграции (в Америке), где состоял в левом крыле с.-д. партии. После февральской революции возвратился из эмиграции. Во Владивостоке вступил в РСДРП(б). Был откомандирован работать среди сучанских горнорабочих. В виду болезненного состояния здоровья (туберкулез) в 1918 г. переезжает в Амурскую область.

По приезде в Благовещенск, оформив свою партийность т. Дельвич пишет статьи в советских «Амурских известиях», а затем выдвигается на пост председателя совета народного хозяйства и организует первый совнархоз. По болезни освобождается от этой работы. Оправившись от болезни, т. Дельвич стал работать на партийной работе и был избран председателем партийного комитета большевиков.

При падении советской власти переходит на нелегальное положение и под фамилией Шубина работает во владивостокской организации в редакционном коллективе. В 1919 г. т. Дельвич участвовал в партизанских отрядах Приморья.

После ликвидации колчаковщины, в 1920 г., т. Дельвич опять в Благовещенске работает и избирается председателем Благовещенского горсовета рабочих и крестьянских депутатов.

Далее, несмотря на болезнь, т. Дельвич является политическим руководителем забайкальского фронта. Через тайгу и семеновский фронт он пробирается в Алтай на лечение; окрепнув, — вновь на работе.

На дальне-восточной партконференции в 1920 г. он избирается в дальбюро, работает в Центральной контрольной комиссии ВКП(б). Будучи больным, идет на собрание, по дороге сваливается и умирает.

Таков путь этого большевика-революционера, действительно умершего на боевом посту.

Нами был организован партийный клуб при активном участии т. Шафир. Вся литература, привезенная нами из Ленинграда, пошла на оборудование библиотеки и читальни.

Перед нашим отступлением в сентябре 1918 г. был организован митинг, на котором трудящимся были разъяснены причины отступления.

Членам партийного комитета и активным работникам советской власти пришлось выехать и скрываться от преследований белогвардейцев и японцев.

Революционный комитет, созданный перед закрытием VI съезда трудящихся для отпора контрреволюции, сделал свое дело и сложил полномочия. Но вскоре, 3 августа 1918 г., снова стал вопрос о создании революционного комитета.

На пленарном заседании Амурского областного исполнительного комитета, Совнаркома и горсовета была принята следующая резолюция:

«Объединенное собрание членов горсовета, областного исполнительного комитета и Совнаркома о необходимости создания революционного комитета в связи с переживаемым моментом постановило:

Принимая во внимание тяжелое положение страны в связи с происходящими событиями, создание революционного комитета диктуется самой жизнью. Вся полнота власти в области переходит в ведение революционного комитета. Все распоряжения, исходящие от революционного комитета, исполняются комиссарами и всеми трудящимися беспрекословно. Совнаркому предоставляется право в любой момент созвать совещание для обсуждения поведения революционного комитета. Все экономическо-технические организации города и области остаются на своих местах и исполняют свои прежние обязанности.

Революционному комитету предоставляется полное право смещать должностных лиц».

Ревком был избран из пяти товарищей от партии и профсоюзов в составе: Бугаева, Чепурнова, Кидал (остальных не помню). Ревком немедленно приступил к работе.

В то время как ревком принимал все меры к борьбе с контрреволюцией, во Владивостоке орудовали чехо-словаки и японцы, а в Сибири чехи с офицерством и кулачеством свергали совет-

скую власть совместно с с.-р., меньшевиками. В эти тревожные дни амурское кулачество снова организовало съезд хлеборобов, собравшийся опять в Песчано-Озерах. Здесь был избран временный исполнительный комитет, который 5 сентября 1918 г. послал из Ивановки следующую телеграмму областному исполнительному комитету советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов:

«Предлагается Совнаркому дать категорический ответ 23 августа, согласен ли он передать власть законно избранному трудовым народом области временному исполкому. Неполучение ответа будет считаться уклонением передачи власти».

Эта телеграмма была зачитана 5 сентября 1918 г. на объединенном заседании членов областного исполкома, Совнаркома, горсовета, ревкома и представителей от профессиональных организаций Благовещенска. Телеграмму приняли к сведению, поручив ревкому дать соответствующий ответ.

Обстановка сгущалась. Перед ревкомом стал вопрос об отступлении, на случай которого предполагалось обеспечить рабочих трехмесячным пособием. Вопрос был разрешен положительно на одном из объединенных заседаний областного исполкома, Совнаркома, ревкома и горсовета. Эта выдача оказала большую поддержку рабочему классу в период контрреволюции.

Под напором интервентов чехо-словаков и контрреволюционного кулачества революционные части как с запада, так и с востока отступали в Благовещенск. В скором времени и отсюда им пришлось эвакуироваться по реке Зее. С 17 по 18 сентября Благовещенск был покинут красными частями. Эту дату надо рассматривать как момент падения первой советской власти на Амуре.

Перед отступлением партийное и советское руководство созвало митинг в Народном доме, на этом митинге трудящимся было разъяснено, что советская власть отступает под напором японских, чехо-словацких и других интервентов, но что после перегруппировки сил советская власть будет наступать и снова водрузит на Амуре знамя советов.

Отступление и бои с японцами

Отступающие из Благовещенска советские учреждения, красные части, автопарк, Красная гвардия и рабочие погрузились на пароходы. Нагружена была и канонерка амурской военной флотилии «Арачанин». Поздно вечером 17 сентября я прибыл вместе с помощником по автопарку тов. Антоновым на берег реки Зеи с отходящим пароходом. К этому времени погрузка была закончена, и все пароходы стояли под парами. Десяток пароходов на якорях на рейде, а два находились у берега, тоже готовые к отходу. Мы поднялись на пароход «Курбатов».

Все 12 пароходов по сигналу снялись с якоря и двинулись вверх по течению Амура. В нашем караване был небольшой ка-

тер, на котором я держал связь с т. Аксеновым, плывшим на буксирном пароходе «Мудрец». Мы с т. Аксеновым проверили все пароходы и всюду старались внести дисциплину и порядок.

Рано утром мы подъехали к Суражевскому мосту, через который шла ж.-д. линия. Наверху моста мы заметили какое-то оживление. Впереди шел «Мудрец», тянувший баржу с батареей. На «Мудреце» и на барже наши тоже зашевелились. Когда мы стали подходить к мосту, японцы сразу открыли огонь. С правого берега палил с насыпи броневик, а с левого стреляли из пулеметов и ружей.

В ответ заговорила и наша батарея. Мы прошли мост под ураганным огнем. Всего прорвалось через эту цепь пять пароходов: «Мудрец» с батареей, «Хинган», имевший на борту десяток пулеметов, «Курбатов» с одним пулеметом, буксирный пароход «Купец» с баржей, пароход «Брент» и катер. Остальные пароходы вернулись обратно.

Стрельба прекратилась лишь после того, как все пять пароходов удалились на порядочное расстояние от моста.

Приближаясь к г. Свободному, я увидел в бинокль с парохода «Курбатов», что к железнодорожной станции Суражевка подошел эшелон японцев. Этот эшелон разделился на две части: одна осталась на станции Суражевка, а вторая двинулась к Свободному.

Эти наблюдения я немедленно сообщил на пароход «Мудрец» и предложил всем пароходам, бросившим якоря, снова поднять их. Не прошло и нескольких минут, как со стороны города затокали японские пулеметы. Наша батарея ответила, и пароходы тронулись вверх.

Тут случилась авария. На пароходе «Мудрец» были перебиты все находившиеся на рубке. В это время машина шла полным ходом, но штурвал без рулевого предательски подвел, и пароход сел на мель. Крушение на «Мудреце» заставило умолкнуть и нашу батарею. Люди с парохода и баржи стали прыгать в воду, стараясь выплыть к противоположному берегу, но многих настигали вражеские пули. Товарищи пошли ко дну.

Потеряв «Мудреца» с батареей и комиссара Красной гвардии тов. Аксенова, мы двинулись дальше. Скоро от нас отстал буксирный пароход «Купец». Выяснилось, что он пристал к берегу, т.-к. пароходная команда отказалась итти дальше.

Мы проверили товарищей, оставшихся на пароходах, подсчитали раненых, похоронили убитых и отправились в путь. Бессонные ночи, проведенные во время отступления, подточили мои силы. Я чувствовал настоятельную необходимость передохнуть. Условившись с т. Антоновым, что он останется начеку, я ушел в кают-компанию заснуть на час.

Долго ли я дремал, не знаю, но меня заставили вскочить шум и стрельба на палубе. Выбежав наверх, я спросил у т. Антонова, в чем дело. Оказалось, что нас опять обстреливают и что

пароход «Брента» получил крен, а другой пароход «Хинган» заскочил в протоку. Вскоре я убедился, что наш пароход пристал к берегу, и люди сошли уже на землю. Мы с т. Антоновым спустились вниз взять с собой все оружие и запас патронов, но в это время пароход уже отошел от берега и нам с т. Антоновым пришлось прыгать в воду.

Мы высадились на лесистый берег с порядочным запасом снаряжения, кругом раздавалась стрельба; вначале трудно было понять, кто и откуда стреляет. Мы с товарищами решили уйти в глубокую тайгу, чтобы собраться с силами, определить местонахождение и изучить местность. Ночью мы услыхали далекую канонаду, это стреляла канонерка «Арачанин». Спустя немного мы увидели зарево, затем все стихло. Это означало, что «Арачанин» был захвачен японцами.

На другое утро мы договорились о том, кому куда итти и что каждый должен был делать. Мы с т. Антоновым и одним молодым командиром взяли направление через тайгу на Амур к Хабаровску. Тов. Жуков с другими товарищами отправились в г. Зею. Скоро, по установлении связи с Благовещенском, я вернулся туда на подпольную работу.

Подпольная работа во время японской интервенции

В Благовещенск я вернулся из тайги 4-го ноября 1918 г. Остановился на Северной улице, дом 62. Через Анастасию и Ольгу Кидал я начал устанавливать связи с оставшимися товарищами. Ольге Кидал было дано задание во что бы то ни стало устроить свидание с т. Мухиным. Нам удалось связаться через Янисову Марию Николаевну.

Тов. Мухин обрисовал создавшееся положение, от него я узнал, что партийного комитета еще нет, но что некоторые товарищи уже работают по созданию комитета. В этом деле участвовали также Ольга Иогансон и Тиглиссер. Другим товарищам было поручено выяснить количество оставшихся партийцев.

Скоро состоялось первое партийное собрание, на котором был избран подпольный партийный комитет Амурской области. В состав его вошли товарищи: Мухин, Иогансон, Нестеров, Резников (эвакуировавшийся из Забайкальской обл.) и Кидал. На этом собрании присутствовало 25 партийцев, из них помню кроме перечисленных еще тт. Янисову, Шергова, Белоусова, Шуру Ширман, В. Шафира, Жданова, Б. Нестерова.

Работа среди крестьянства была возложена на т. Мухина, работу в профсоюзах поручили тт. Нестерову и Кидал, в Красной армии т. Иогансон, в печати тт. Иогансон и Резникову. В паспортном отделе работали Ширман Шура и Володя Шафир. В отделе побегов — тт. Петровский, Беляев и Ворон; в связи — Иогансон, Янисова и Белоусов П.; передачи — Мельникова М., Янисова М.; шифром ведал т. Кидал, через него отправлялись и получались все шифрованные письма.

Для получения точных сведений комитетом были широко установлены связи в самых различных пунктах, например, в милиции и других местах мы имели своих людей и сочувствовавших. Этому делу уделялось много внимания.

Чаще всего товарищи собирались и встречались на квартире у Шафир Татьяны (Чигиринская улица, 33), у т. Янисовой (Ремесленная улица, 28). На этих квартирах встречались и городские и областные работники.

Наши партийные собрания устраивались по Амурской ул., д. 56, на углу Ремесленной. Иногда они переносились на Зейскую улицу, на квартиру тов. Казиной. Тов. Казин сам сидел в тюрьме при Колчаке.

По приезде т. Мухина было устроено партийное собрание на квартире т. Беляева, на Корсаковской улице. Тов. Мухин информировал о работе, проделанной в области. Здесь же был обсужден вопрос об отпуске денег для организации лесозаготовок, которые должны были создать материальную базу значительному числу товарищей, бежавших от белых.

По инициативе т. Мухина был создан объединенный комитет, в который входили большевики, максималисты, левые эсеры и анархисты. Задачей этого комитета было объединение всех революционных сил области, стоящих за советскую власть, а также борьба с контрреволюцией. В конце января 1919 г. объединенным комитетом было созвано совещание с работниками, работавшими в области. Из Свободного прибыл т. Патрушев, из приискового района, где был интернациональный отряд т. Вейсман, ряд других товарищей. Из городских коммунистов были тт. Мухин, Кидал и др. Совещание, однако, не состоялось в виду того, что нам сообщили о предполагаемой облаве.

После этого т. Мухин уехал в Зейский район, где он проводил делегатские собрания крестьян и организовывал среди них партизанские отряды. Обо всех своих действиях т. Мухин информировал нас шифрованными письмами. Расшифровку этих писем мне приходилось делать в самых неблагоприятных условиях, так как я скитался с одной квартиры на другую. Эти скитания вскоре закончились, так как я получил сведения, что меня нащупали и выследили. Областной комитет постановил перебросить меня в другой город. В связи с моим отъездом состоялось партийное собрание с 12 на 13 февраля 1919 г. Взамен меня в члены партийного комитета был избран т. Шергов.

Утром на 13 февраля 1919 г. я отправился во Владивосток.

На этом я кончаю свои воспоминания об амурской партийной организации в период гражданской войны и первой советской власти на Дальнем Востоке.

Я. МИРАМ

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ЛАТВИИ

Летом 1917 г. контрреволюционное руководство 12 армии вело активную работу против большевиков с тем, чтобы их уничтожить. В Риге выходила в то время большевистская газета «Окопная правда», разоблачавшая в своих статьях вредную политику Керенского и разъяснявшая очередные задачи революционного пролетариата, крестьянства и солдатской массы в соответствии с установками Ленина. Штаб 12 армии, находившийся в Риге, издал приказ о том, чтобы «Окопную правду», как «контрреволюционную», как «шпионскую» газету к продаже не допускать.

Второй милицейский район Риги, обсудив этот вопрос, против воли главного управления милиции вынес обратное решение, предложив всем милиционерам защищать «Окопную правду» при ее продаже и принудить держать газету в тех местах, где газетчики боялись ее продавать.

Через несколько дней из штаба 12 армии были прикомандированы к каждому милицейскому посту 2 района по одному казаку при полном вооружении и дано задание не допускать продажи «Окопной правды», при чем казаки были информированы, что это газета «вредная», «шпионская».

Второй милицейский район на постах начал агитировать за прочтение вслух «Окопной правды» и совместное обсуждение всех статей и вопросов, имевшихся в газете. Таким порядком через два дня мы убедили казаков, что «Окопная правда» не «шпионская», а чисто рабоче-солдатская газета.

По нашему совету, казаки брали газету в казармы и начали также там ее читать.

Через 3—4 дня казаки были сняты со всех постов, и мы вышли победителями, хотя после этого управление милиции собиралось арестовать весь наш милицейский район. Нас называли большевиками, «антихристами», но все-таки арестовать побоялись. Через короткое время после этого немцы заняли Ригу.

После оккупации Риги немецкими войсками в августе 1917 г. немецкие власти сразу запретили всякие собрания, свободу слова, печати.

В этот период рабочие и вообще население Латвии очутились без хлеба, ибо работы никакой не было.

Рижская организация большевиков, переключившая свою работу на подполье, мобилизовала массы для борьбы против немецких оккупантов и носителей «культуры», как они сами себя называли.

По указанию ЦК социал-демократической партии Латвии, целый ряд товарищей приступил к созданию крепкой подпольной организации. По всему городу учитывали надежных партийцев, объединяли их в подпольные кружки по 10—15 человек в каждом; кружки эти объединялись в районы. Рига была разбита всего на 3 района: первый район занимал основную часть города, где в царское время находился 4-й район, или так называемые «Александровские ворота», второй район охватил территорию города за Двиной и третий район объединял кружки предместья города так называемой «Красной Двины» — «Саркандаугава», куда входил и бывший завод «Проводник».

К октябрю 1917 г. была уже создана крепкая подпольная организация; были выбраны районные и Рижский городской комитеты и сорганизована подпольная типография. Типография, переданная первому району, была старая, она сохранилась еще со времени 1915 г. Нам все-таки удалось ее реставрировать. В типографии работали я и т. Лозовский.

Приблизительно недели через две типография была приведена в полный порядок, и первым как проба был напечатан протокол Рижского комитета. Нашу работу признали удовлетворительной, с этого дня типография была передана в распоряжение городского комитета. Все прокламации и бюллетени были изданы под названием «Спартак».

В своих воззваниях подпольная организация подготовляла массы и немецкую армию к восстанию против немецкой буржуазной власти и в защиту Октября, разъясняя, за что борется российский рабочий и в каком положении находятся рабочие оккупированных областей, занятых немецкими так называемыми «демократическими» властями.

После первого воззвания в сентябре немецкие местные власти ввели резкие репрессии против всех свободомыслящих, которые были против немецкой «демократии».

В октябре, кажется, была первая мирная рабочая демонстрация под лозунгами: «Свобода печати, свобода собраний» и «хлеба». На этой демонстрации рабочие получили первое боевое крещение: демонстрация была обстреляна, несколько человек было убито и ранено, между прочим среди тяжело раненых был т. Войтман.

После этого рижская организация усилила работу в массах против интервентов, разоблачая их действия против мирного населения. В этих воззваниях между прочим немецкие солдаты призывались к восстанию.

Тогда немецкие власти приняли еще более суровые меры. За распространение воззваний, за агитацию среди солдат и рабочих применялся расстрел. Так, например, была присуждена к расстрелу учительница т. Дагге за распространение воззваний, т. Вейс и т. Мирам за отобранную у них при аресте литературу.

Властями было объявлено всем гражданам, что они должны указывать спартаковцев, распространявших воззвания, и выдавать подпольщиков.

Было объявлено по 75 рублей за голову найденного спартаковца, распространяющего прокламации, и было обещано от 500 до 1.000 рублей тем, которые укажут руководителей партийной организации.

Несмотря на все эти репрессии, партийная организация своей работы не ослабляла.

Все эти мероприятия со стороны немецких интервентов принуждали партийную организацию перестроить работу. На городской конференции было принято решение об организации боевой дружины, которая бы помогала распространить воззвание.

Для распространения литературы на улицах было организовано специально три кружка, в которых находилось по 10 самых надежных и самых боевых подпольщиков. Работа этих кружков была распределена по районам. Во главе каждого кружка стоял руководитель, который только один знал адреса товарищей, и который должен был передавать литературу для распространения по намеченным улицам в точно определенные часы и минуты.

Часть прокламаций опускалась в почтовые ящики, часть расклеивалась на улицах или бросалась через заборы в казармы, где находились немецкие солдаты. Часто прокламации бросали в мимо проходящие военные грузовики. Были случаи, когда из верхних ярусов театра во время антракта бросали прокламации большими пачками, по 200 штук.

Каждый раз время для распространения прокламаций намечалось разное: то рано утром, то вечером, то в одном, то в другом часу. Было рассчитано, что распространение должно продолжаться не больше полутора—двух часов. Благодаря такой аккуратной и строгой организации никто из ударников-кружковцев во время распространения прокламаций пойман не был.

С самого начала производилось распространение невооруженными членами организации, но позже, когда за распространение все равно грозил расстрел, наши дружины в некоторых случаях были вооружены и распространяли воззвания с оружием в руках.

Они были так организованы, что один товарищ шел с оружием в руках впереди, другой с клеем, третий с воззваниями, а четвертый за ними в резерве. Если товарищ с прокламациями задерживался полицией, идущие впереди и позади товарищи обязаны были его освободить.

Печатание прокламаций и бюллетеня «Товарищ» происходило в очень трудной обстановке (приблизительно 2 раза в декаду выпускались воззвания Рижского комитета и ЦК). В типографии Рижского комитета работали три товарища, непрерывно, целыми сутками, без сна и ручным способом отпечатывали по 25.000 воззваний в сутки. Каждый раз, начиная печатание, нужно было работу закончить сразу с тем, чтобы после окончания работы типографию на месте не оставить, а увезти на новое место. Это вызывалось тем, что не было такой квартиры, где вполне можно было бы гарантировать себя от случайностей.

Таким образом каждые 3—4 дня вся Рига была снабжена прокламациями, несмотря на обыски, аресты целого ряда цекистов и партийцев. Распространение воззваний «Спартака» не прекращалось, и Рижский комитет и центральный выпускали прокламации каждый самостоятельно и старались друг друга опередить выпусками подпольной литературы, ибо этого требовал момент.

Так работа продолжалась до лета 1918 года.

Несмотря на очень серьезные репрессии немецкой оккупации, организация не была разгромлена и свою работу проводила достаточно продуктивно до восстания в Риге 3 января 1919 г. и организации советской власти.

Подготовка восстания началась осенью 1918 г. главным образом в Риге. Для этого был организован ревком, который распределил всех партийцев по отдельным боевым кружкам, где они обучались военному искусству. Были организованы даже подпольные маневры. Всем кружкам было объявлено, что они должны явиться на известные пункты с оружием в руках. На этих репетициях посещаемость была почти стопроцентная.

Самая техника репетиции была строго разработана: во главе кружка стоял командир, распоряжения которого исполнялись точно и быстро. При репетициях командир своему кружку назначал явку на определенной улице, при этом сами командиры никогда не знали, будет ли это репетиция или действительно надо будет выступить с оружием в руках.

По свистку главнокомандующего все кружки со своими командирами должны были явиться в известное место, где намечалось получение оружия. Так рижская организация и ревком проверяли свои боевые силы перед восстанием.

Весь город был разделен на участки, на которых производилась разведка по указанию ревкома и ЦК для подготовки восстания.

У нас было достаточно оружия, взрывчатых веществ, был также и соответствующий командный состав. Часть взрывчатых веществ и оружия была доставлена через границу, а другая часть закуплена у белогвардейских воинских частей. Была установлена связь с белогвардейскими воинскими частями — с ротами 1, 2, 3, 4 рижского гарнизона.

Во всех ротах была проведена через наших товарищей-связистов подготовка восстания против нового создавшегося латвийского буржуазного правительства (в декабре 1918 г.).

Благодаря нашей агитации в этих ротах солдаты были дезорганизованы, их дисциплина пала.

Кроме того в это время работала в Риге при ревкоме боевая дружина из 16 человек, которой было дано задание дезорганизовать весь рижский гарнизон во всей окружности Риги. Прямой задачей ее было — взрывать мосты, железные дороги, задерживать воинские эшелоны, которые направлялись против Красной армии. Были случаи, когда между Митавой и Ригой воинский эшелон, срочно отправленный против Красной армии в Инценберг, был задержан благодаря тому, что мы взорвали мост. Были задержаны броневики на несколько часов в самом городе благодаря тому, что были взорваны железнодорожные пути. В Риге были приняты меры, чтобы эти дороги были дезорганизованы нашей боевой дружиной.

В результате такой успешной военной работы боевой дружины и политической работы парторганизации часть белой армии была разложена и дезорганизована, а часть этой армии была революционизирована.

Как пример можно указать на восстание перед отправкой на фронт 2 роты 26 декабря 1918 г., однако, из-за неорганизованности (восстание началось без ведома партии и ревкома) восстание было подавлено. Расстреляно 10 активистов из 2 роты. В подавлении этого восстания принял участие английский крейсер, который выпустил ночью несколько снарядов по Риге. Часть партийцев — т. Мурняк и другие, находившиеся в этой роте, — успела скрыться.

4 рота в начале января 1919 года перед отправкой на фронт благодаря нашей агитации и руководству ревкома разбежалась и все воинские документы передала в ревком.

3 рота во главе с офицером Круминым 27 января перешла полностью в распоряжение ревкома. Было дано задание, чтобы 3 рота заняла мосты и защищала их от взрывания отступающей немецкой армией, что было блестяще исполнено. Ночью со 2 на 3 января 1919 г. наши боевые партийные силы были вооружены и выступили против местной буржуазной власти. Были заняты вокзал и мосты. Мы держались до прихода красных войск. В 3 часа дня прискакали конные разведчики из Красной армии на подмогу рабочим, принимавшим бой у вокзала и мостов через Двину.

Через пять месяцев существования советской власти в Латвии международная буржуазия произвела решительный натиск на нас и заставила отступить красные войска. Но революционные рабочие и крестьяне продолжали борьбу, организуя партизанские отряды.

Наша партизанская работа велась главным образом в районе 15 армии в тылу белой Латвии. Партизанам было дано задание взрывать мосты железных дорог, уничтожать склады и нападать на мелкие воинские и обозные части. Эта работа была блестяще выполнена, и действительно белые были так дезорганизованы, что должны были оторвать с фронта несколько солидных воинских частей и перебросить в тыл для вылавливания красных партизан. Партизанами было разбито несколько воинских частей. Нападая ночью на белых, мы доставили ценные документы, где указывались план наступления на Красную армию и сведения о коммунистах и «подозрительных лицах», которые подлежат аресту и наблюдению со стороны белых.

Это нам открывало целую картину намерений белых и мероприятий против нашей партийной организации и партизан, что давало нам возможность принять быстро нужные меры.

Партизанские отряды одновременно использовались для партийных нужд, для партийного транспорта и переправки товарищей на партийную работу.

В октябре 1919 г., когда был прорван фронт между Пигаловым и Режицей, я собрал 50 партизан, вышедших только что из тыла белой Латвии, с которыми отправился в район прорванного фронта, в тыл белой Латвии, в направлении Шваненбурга, где нами был принят бой с белыми частями. В бою трое белых было убито, остальные разбежались.

Все партизаны были подобраны главным образом из партийцев. Они должны были быть готовы в любой момент принять в тылу белой Латвии бой, несмотря на то, что проходили через фронт несколько десятков километров в снегу, преодолевая всякие невзгоды, уставшие, неспавшие целыми сутками. Несмотря на это, каждый раз товарищи исполняли свое задание без отклонений, как бы рисковано и опасно оно ни было.

В 1920 г. весной, после заключения мирного договора с Латвией, партизанские отряды были расформированы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие 3

Ем. Ярославский — Движущие силы Октябрьской революции 4

Хроника Октябрьского переворота 41

Октябрьские бюллетени Центрального комитета большевиков . . . 48

Ф. Самойлов — Октябрьская революция в Иванове-Вознесенске . . 56

Г. Петровский — Очерк Октябрьской революции в Донбассе 66

А. Бубнов — Гетманщина, директория и наша тактика 72

Т. Серегин. — Штаб обороны Царицына 88

И. Тараев. — В боевых рядах уральских рабочих 100

М. Ветошкин — Капиталистическая интервенция и белогвардейская «демократия» на Севере 115

М. Цхакая. — Отрывки из воспоминаний периода интервенции и контрреволюции на Кавказе 135

М. Лацис. — Союзническая интервенция в бассейне Верхней Волги . 144

Гая Гай. — Пятнадцать лет назад 151

Э. Кидал. — Интервенция на Амуре 171

Я. Мирам — Гражданская война в Латвии 194

246535

ЦЕНА НОМЕРА 3 РУБ.

СКЛАД ИЗДАНИЯ
Магазины книготоргового об'единения.